ROB″-ROJ. SOČ. VALTERA SKOTTA. SRIČ. IZVESTIEM□ O ROB″-ROJ MAK-GREGORE...

Walter Scott

РОБЪ-РОЙ.

РОБЪ - РОЙ.

СОЧИНЕНІЕ

ВАЛТЕРА СКОТТА.

СЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ ИЗВѢСТІЕМЪ

о Робъ-Роѣ Макъ-Грегорѣ Кампбелѣ

и его семействѣ.

»Простой законъ старины царствовалъ тогда на землѣ. Объявляя войну слабѣйшему, сильный говорилъ: Защищайся, если можешь!«

Гробница Робъ-Роя. Вортсвортъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Н. Степанова,

При Императорскомъ Театрѣ.

1829.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, 1828 года, Апрѣля 21 дня. Въ должности Предсѣдателя

Ценсоръ Сергѣй Аксаковъ.

РОБЪ-РОЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

»Одинъ изъ разбойниковъ возвра-
»щается! будемъ остерегаться....
»Но чего же я боюсь? будучи
»такъ близко отъ дому, я легко
»уговорю его.«

Вдова.

— Еще незнакомецъ! повторилъ Судья; только бы не за дѣломъ, а то.... Незнакомецъ своимъ приходомъ прервалъ его рѣчь.

— Я пришелъ къ вамъ по важному дѣлу, сказалъ Кампбель: ибо это былъ тотъ самой Шотландецъ, кото-

раго я видѣлъ въ Нортамиртонѣ; — и прошу вашу честь, не медля, обратить на него все вниманіе, какого онъ заслуживаетъ. — Я думаю, господинъ Моррисъ, примолвилъ онъ, бросая на него твердый и грозный взоръ, я думаю, что вы знаете меня; и вѣрно не забыли того, что случилось съ вами послѣ нашей встрѣчи на дорогѣ.

Моррисъбылъ погруженъ въ оцѣпенѣніе; онъ дрожалъ, щелкалъ зубами и оказывалъ знаки величайшаго смущенія.

— Ну что же? не робѣйте, сказалъ Кампбель, и не щелкайте зубами, словно кастаньетами. Я не понимаю, что мѣшаетъ вамъ сказать Г-ну Судьѣ, что вы знакомы со мной и знаете, что я честной человѣкъ; вы ѣдете въ нашу сторону, и я, можетъ статься, въ свою очередь буду имѣть случай оказать вамъ услугу.

— Государь, государь мой, я васъ

почитаю честнымъ. и сверхъ того, какъ вы сами говорите, достаточнымъ человѣкомъ. Да, Г. Инглевудъ, прибавилъ онъ, стараясь придать твердости своему голосу, я почитаю сего человѣка такимъ, какъ я вамъ сказалъ.

— Чего же онъ хочетъ отъ меня? спросилъ Судья довольно сухо. Вотъ, приходятъ ко мнѣ одинъ за другимъ, какъ рифмы »*Якова домъ*« и не даютъ мнѣ ни отдыху, ни покою.

— Напротивъ, сударь, возразилъ Кампбель, я пришелъ прекратить тяжбу, которая васъ мучитъ.

— Въ такомъ случаѣ, клянусь честію, вы будете у меня приняты, какъ ни одинъ еще Шотландецъ не былъ принятъ въ Англіи. Но продолжайте и говорите безъ остановки, что вамъ нужно сказать.

— Я думаю, этотъ человѣкъ объявилъ вамъ, что съ нимъ былъ нѣ-

кто Кампбель, когда онъ имѣлъ несчастіе лишиться своего чемодана?

— Нѣтъ, прервалъ Судья, онъ никогда не произносилъ такого имени.

— А! я понимаю, понимаю, Г. Моррисъ, возразилъ Кампбель: вы боялись вмѣшать въ дѣло иностранца, незнающаго судейскихъ обрядовъ здѣшней страны. Благодаренъ за ваше вниманіе; но, какъ я узналъ, что мое свидѣтельство нужно для оправданія Г. Франка Осбалдистона, несправедливо подозрѣваемаго, то я васъ увольняю отъ такой предосторожности и прошу объявить Г. Инглевуду, что мы ѣхали нѣсколько миль вмѣстѣ, по вашимъ неотступнымъ просьбамъ, въ Нортамиртонѣ, и которыхъ я сперва не хотѣлъ слушать; но когда вы ихъ снова повторили, встрѣтясь на дорогѣ у Клоберей-Оллерса; то я рѣшился, къ моему несчастію, сдѣлать большой крюкъ и ѣхать вмѣстѣ съ вами.

— Точная и горестная истина, от-

вѣчалъ Моррисъ, кивнувъ головою въ знакъ согласія на длинное объявленіе, коего справедливость онъ принужденъ былъ признать.

— И какъ я надѣюсь еще, вы объявите его милости, что ни кто лучше меня не можетъ этаго засвидѣтельствовать, потому что въ семъ дѣлѣ я былъ съ вами вмѣстѣ.

—Конечно, ни кто не можетъ лучше васъ, отвѣчалъ Моррисъ, удерживая глубокой вздохъ.

— Чортъ возми! для чего же вы не помогли ему, сказалъ Судья, когда разбойниковъ было только двое, какъ видно изъ показанія Г. Морриса? васъ было двое надвое и оба вы, кажется, здоровые ребята.

—Благоволите замѣтить, ваша милость, сказалъ Кампбель, что я цѣлую жизнь привязанъ былъ къ тишинѣ и спокойствію; Г-нъ же Моррисъ, который, какъ слышно, служитъ или служилъ въ арміи Его Величества, и

везъ, какъ мнѣ кажется, значительную сумму денегъ, могъ бы защищаться, еслибъ захотѣлъ; но я, имѣя небольшую поклажу и будучи миролюбиваго характера, для чего бы я сталъ противиться и тѣмъ подвергать жизнь свою опасности.

Я смотрѣлъ на Камбсля въ то время, какъ онъ говорилъ, и не помню, чтобъ когда либо видѣлъ такую разительную противуположность, между выраженіемъ мужества и смѣлости его взоровъ, и характеромъ простоты и кротости, которыя показывали его слова; замѣтна была на устахъ его ироническая улыбка; казалось, онъ невольно выражалъ сю свое презрѣніе къ тихому и миролюбивому характеру, который на себя принялъ; и я увѣрился, что еслибъ онъ былъ свидѣтелемъ насилія, сдѣланнаго Моррису, то вѣрно ужъ не какъ терпѣливой товарищъ или простой зритель.

Можетъ быть и въ Судьѣ родилось

подобныя подозрѣнія, ибо онъ въ ту же минуту вскричалъ:—По чести, престранная исторія!

Казалось, Шотландецъ угадалъ его мысли: тотчасъ перемѣнилъ тонъ и поступки, оставилъ притворный видъ смиренія, который плохо удался ему, и сказалъ вольнѣе и откровеннѣе:—Говоря правду, я изъ числа тѣхъ добрыхъ людей, которые тогда только дерутся, когда имъ есть что защищать; а моя поклажа была слишкомъ легка, когда мы встрѣтились съ этими негодяями. Но чтобъ ваша милость лучше повѣрила моему показанію, узнавъ мой характеръ, благоволите, сдѣлайте милость, прочесть эту бумагу.

Г. Инглевудъ взялъ бумагу и прочелъ въ полголоса: »Симъ увѣряю, что податель сего письма Робертъ Камибель (изъ какого-то мѣста, котораго имени я никакъ не могу выговорить, сказалъ Судья), человѣкъ хорошей фамиліи

и безпорочнаго поведенія, ѣдущій въ Англію по своимъ дѣламъ, и проч. и проч. Дано съ приложеніемъ нашей печати, въ замкѣ нашемъ Инвер.... Инверра.... рѣ. *Ардотиль.*»

— Это свидѣтельство, государь мой, данное мнѣ благороднымъ господиномъ (онъ поднесъ руку къ головѣ, какъ бы для того, чтобъ прикоснуться къ шапкѣ) Макъ-Каллюморомъ....

— Макъ-Каллюм.... Какъ его зовутъ? спросилъ Судья.

— Макъ-Каллюморъ, котораго въ Англіи называютъ Герцогомъ Ардотилемъ.

— Я очень коротко знаю Герцога Ардотиля: это человѣкъ съ большими достоинствами, истинно любящій свое отечество. Я былъ изъ числа приставшихъ къ его сторонѣ въ 1714 году, когда онъ смѣнилъ Герцога Малборуга. Я бы хотѣлъ, чтобы большіе господа походили на него. Онъ тогда былъ еще честный Торисъ, послѣдо-

ватель Ормонда; теперь онъ привер-женъ къ нынѣшнему правительству, по тѣмъ же причинамъ, какъ и я, т. е. для общаго спокойствія; по крайней мѣрѣ я думаю, что у него были другія причины, кромѣ страха потерять мѣсто и начальство надъ полкомъ, какъ утверждаютъ его враги. Это свидѣтельство, Г. Камибель, совершенно меня удовлетворяетъ. Ну, что вы скажете теперь насчетъ покражи?

—Два слова, Г. Инглевудъ, а именно: Г. Моррисъ точно также способенъ обвинить въ немъ новорожденное дитя или меня самаго, какъ онъ обвиняетъ этаго молодаго дворянина. Я вамъ искренно сдѣлалъ мое показаніе и божусь, что оно справедливо. И такъ я объявляю, что не только человѣкъ, коего онъ принялъ за Г-на Осбалдистона, былъ меньше и толще сего господина; но случайно замѣтя его лице, когда маска у него развяза-

лась, я увидѣлъ, что онъ не имѣлъ съ нимъ никакого сходства. А я думаю, примолвилъ онъ, смотря пристально на Морриса со взоромъ, отъ котораго затрепеталъ бѣдный обвинитель,—я думаю, что Г-нъ Моррисъ согласится, что сохранивъ болѣе присутствія духа, я могъ лучше разсмотрѣть разбойниковъ.

— О согласенъ, сударь, совершенно согласенъ въ томъ, сказалъ Моррисъ отскочивъ назадъ, увидя, что Кампбель подходитъ къ нему для подтвержденія своихъ словъ. Я готовъ, государь мой, прибавилъ онъ, обращаясь къ Инглевуду, отказаться отъ моего доноса на Г-на Осбалдистона и прошу васъ позволить мнѣ отправиться за своими дѣлами. Г-нъ Кампбель, можетъ быть, желаетъ говорить съ вами наединѣ, а мнѣ нѣкогда дожидаться.

— Слава Богу! хоть однимъ дѣломъ да меньше, сказалъ Судья бросая въ печку доношеніе. Теперь вы совсѣмъ

свободны, Г-нъ Осбальдистонъ; а вы, Г-нъ Моррисъ, я думаю, совершенно успокоены.

— Да, сказалъ Кампбель, смотря на Морриса, который жалкимъ кривляніемъ изъявлялъ согласіе на замѣчаніе Судьи; спокоенъ, какъ насѣкомое надъ бороною земледѣльца. Ничего не бойтесь, Г-нъ Моррисъ, мы поѣдемъ вмѣстѣ: я васъ провожу до большей дороги, гдѣ мы и разстанемся, и ваша вина будетъ, если не друзьями встрѣтимся въ Шотландіи. Съ печальнымъ и робкимъ взоромъ преступника, осужденнаго на смерть, которому говорятъ, что готова телѣга, всталъ Г. Моррисъ со стула; но все, казалось, не рѣшался.

—Не бойся ничего, говорю тебѣ, повторилъ Кампбель, я сдержу свое слово. Почему знать, можетъ статься, гдѣ нибудь мы получимъ извѣстіе о твоемъ чемоданѣ, ежели, вмѣсто того, чтобы стоять какъ статуя, ты послѣдуешь моему совѣту. Лошади готовы, про-

спись съ Г-номъ Инглевудомъ и поѣдемъ.

Моррисъ распрощался и ушелъ въ сопровожденіи Камбеля; но въ передней, казалось, прежняя робость возобновилась въ немъ, ибо слышно было, какъ Камбель повторялъ ему свое увѣреніе въ покровительствѣ.—Тѣломъ и душою божусь, ты будешь безопасенъ, какъ младенецъ на груди матери... Ну, что за чортъ! у тебя ужъ борода давно, а ты трусливѣй куропатки. Да ну же, пойдемъ со мной, полно ребячиться.

Голосъ исчезъ въ отдаленіи и черезъ минуту мы услышали топотъ лошадей, которыя уѣзжали со двора.

Радость Инглевуда, по окончаніи сего труднаго дѣла, уменьшилась при мысли, что писарь, возвратясь, будетъ недоволенъ. — Остается еще сбыть съ рукъ Жобсона. Правда, я бы не долженъ такъ скоро ихъ сжечь; да что же! я раздѣлаюсь съ нимъ заплатя то, что пришлось бы ему отъ процесса.

Ну, Миссъ Вернонъ, хотя нынче у меня день отпущенія грѣховъ и мнѣ не хочется никого арестовать, а меня беретъ охота посадить подъ караулъ васъ и отдать подъ стражу Блекисы, моей старой ключницы; мы бы послали за сосѣдкою Миструссъ Мусграфъ, за Миссами Декинсами и вашими сосѣдями, и пока бы настроивали скрыпки, мы съ Франкомъ Осбалдистономъ опорожнили бы нѣсколько бутылокъ, чтобъ быть повеселѣе.

— Благодарю покорно, отвѣчала Миссъ Вернонъ, намъ надобно воротиться въ Осбалдистонъ-Галль; тамъ не знаютъ, что съ нами сдѣлалось, и притомъ нужно успокоить дядюшку на счетъ брата: о немъ онъ печется какъ о родномъ своемъ сынѣ.

—О! я легко этому вѣрю, сказалъ Судья: когда Архій, старшій сынъ его, погибъ въ несчастномъ дѣлѣ съ Сиръ Джономъ Фиквейчемъ, старой Гильдебрандъ долго смѣшивалъ его съ дру-

гими пятью сыновьями и жаловался, что никакъ не помнитъ, котораго изъ нихъ повѣсили. И такъ спѣшите успокоить его отеческую заботливость. Но послушай, прелестный весенній цвѣтокъ, сказалъ онъ Діанѣ, взявъ ее за руку, въ другой разъ оставь ты правительство исправлять свои дѣла и не марай своего прекраснаго пальчика въ чернилахъ, исполненныхъ Латыни, ябеды и всяческой латыни; берегись, Діана, указывая другимъ дорогу въ это болото, берегись сама увязнуть, проказница!

Судья оборотился ко мнѣ и дружески, пожимая мою руку, сказалъ мнѣ:

—Ты, кажется, доброй малой, Франкъ; я очень хорошо помню отца твоего: мы съ нимъ вмѣстѣ были въ школѣ. Но послушай, другъ мой, впередъ не болтай много съ проѣзжими, которыхъ встрѣтишь на большой дорогѣ. И что за чортъ! развѣ всѣ Королевскіе подданные обязаны принимать твоя

шутки? Не надобно играть правительствомъ... Ахъ! да, сударь, рекомендую вамъ Діану. Бѣдная малютка! она одна на землѣ, и ей дано право рыскать и ѣздить куда только угодно. Имѣй объ ней попеченіе, или, чортъ возми! я вызову на дуель тебя, хотя, признаюсь, и не такъ легко мнѣ это сдѣлать. Ну, теперь прощайте, идите съ Богомъ, и оставьте меня съ трубкой табаку и съ моей задумчивостью.

«Листья табаку сгараютъ,
Превращаясь въ легкій дымъ;
Такъ и люди исчезаютъ,
Силы жизни потерявъ.

Юность пылкая проходитъ
Какъ мечта, какъ легкій дымъ;
Старость дряхлая находитъ
На угасшую золу!»

Меня плѣнили искры здраваго разсудка и чувствительности, которыя вырывались у него посреди лѣности и безпечности; я увѣрялъ, что во-

спользуюсь его совѣтами и простился съ честнымъ Судьею и его гостепріимнымъ кровомъ.

Мы встрѣтили на дворѣ слугу Сиръ Гильдебранда, который намъ прежде попался и которому Ралейгъ приказалъ насъ дожидаться; мы отправились и хранили молчаніе. Признаюсь, пораженный приключеніями, одно за другимъ послѣдовавшими въ продолженіи утра, я не хотѣлъ прервать оное; наконецъ Миссъ Вернонъ воскликнула, не въ состояніи будучи удерживать мыслей, ее волновавшихъ.

—Ралейгъ удивительной, непонятной и самый опасной человѣкъ! онъ что хочетъ, то и дѣлаетъ; всѣ окружающіе его ничто иное для него, какъ куклы, коими онъ дѣйствуетъ по произволу; у него есть актеръ, готовый на всѣ роли, какія угодно, и его изобрѣтательный умъ вѣчно внушитъ ему такое средство, которое непремѣнно удастся.

— Такъ вы думаете, сказалъ я, отвѣчая болѣе на то, что она хотѣла сказать, нежели на то, что сказала, вы думаете, что Кампбель, который пришедши кстати, увлекъ моего обвинителя, какъ соколъ увлекаетъ куропатку, былъ подосланъ Осбалдистономъ.

— Я подозрѣваю, отвѣчала Діана, и думаю, что онъ не пришелъ бы кстати, ежелибъ я не встрѣтила случайно Ралейга на дворѣ Г. Инглевуда.

— Въ такомъ случаѣ вамъ, моя любезная избавительница, обязанъ я принести мою благодарность.

—Да; но положимъ, что вы принесли, а я приняла ее, прибавила она съ милою улыбкой, у меня совсѣмъ нѣтъ охоты васъ слушать. А если вамъ угодно, то поберегите ее до первой моей безсонницы: я отвѣчаю за ея дѣйствіе. Однимъ словомъ, Г-нъ Франкъ, я искала случая быть вамъ полезною; очень рада, что онъ встрѣтился и въ на-

граду прошу у васъ одной милости: никогда не говорить объ этомъ. Но кто это скачетъ намъ на встрѣчу верхомъ на маленькой клячѣ? Ахъ! Боже мой! да это младшій сынъ закона, честный Г. Іосифъ Жобсонъ.

Въ самомъ дѣлѣ это былъ Жобсонъ, который ѣхалъ съ поспѣшностію, и какъ мы вскорѣ увидѣли, былъ въ самомъ худомъ расположеніи духа; онъ подъѣхалъ къ намъ, и желая поговорить, остановилъ свою лошадь.

— И такъ, сударь... и такъ Миссъ Вернонъ... да... я вижу что такое. Во время моего отсутствія порука была принята.... Хотѣлъ бы я знать, кто совершилъ актъ. Ежели Г. Судья употребляетъ часто інакую форму производства дѣлъ, то я совѣтую ему поискать другаго писаря, а я подамъ въ отставку.

— О! не грозите ему этимъ, Г-нъ Жобсонъ, прервала Діана, вѣдь онъ сей часъ привяжется къ слову. Ну какъ

поживаетъ арендаторъ Рутледжъ? Надѣюсь, что вы нашли его въ состояніи продиктовать вамъ свою духовную.

Этотъ вопросъ, казалось, увеличилъ бѣшенство нашего законовѣдца; онъ посмотрѣлъ на Миссъ Вернонъ со взоромъ досады и злобы, столь явной, что мнѣ чрезвычайно хотѣлось отвѣсить ему разъ хлыстомъ по спинѣ; но къ счастію я воздержался, вспомнивъ, съ кѣмъ имѣю дѣло.

— Рутледжъ, Миссъ, сказалъ писарь, почти лишась языка отъ злобы, арендаторъ Рутледжъ здоровѣе васъ. Онъ никогда не былъ боленъ, и это плутовская штука, которую хотѣли сыграть со мной.

— Возможно ли! прервала Миссъ Вернонъ съ видомъ величайшаго удивленія.

— Да, Миссъ, подхватилъ бѣшеный писарь; и этотъ грубіянъ арендаторъ назвалъ меня ябедникомъ... ябедникомъ, сударыня!... Онъ сказалъ, что я стараюсь только выманивать деньги! Я

не понимаю, почему мнѣ именно сдѣлалъ онъ такой упрекъ, а не кому нибудь другому изъ моихъ собраній... мнѣ, писарю въ Совѣстномъ Судѣ, въ силу указовъ, изданныхъ въ тридцать третій годъ царствованія Генриха VII и въ первой царствованія Вильгельма.... блаженной и вѣчной памяти Короля Вильгельма, сударыня, того великаго Государя, который избавилъ насъ отъ Претендентовъ и Папистовъ, Миссъ Вернонъ.

— Да, Гофферъ Ротледжь предерзкой негодяй, отвѣчала Діана, желая увеличить его бѣшенство. Но довольствовался ли онъ словами, любезный Г-нъ Жобсонъ? ужъ не поколотилъ ли онъ васъ?

— Поколотилъ меня, Миссъ Вернонъ? странная мысль! Хотѣлъ бы я видѣть, какъ онъ осмѣлится меня тронуть! Я удивляюсь, сударыня....

— Я удивляюсь, сударь, что вы можете такъ неприлично говорить съ Миссъ Вернонъ, сказалъ я, прерывая

его; и если вы не перемѣните вашихъ выраженій, то я самъ могу наказать васъ.

— Меня наказать, сударь!... меня, сударь! Да знаете ли, съ кѣмъ вы говорите?

— Очень хорошо, сударь; по словамъ вашимъ, вы писарь въ Совѣстномъ Судѣ, Гофферъ Рутледжь говоритъ, что вы ябедникъ; но изъ этаго всего я не вижу, что даетъ вамъ право быть дерзкимъ съ дамою.

Миссъ Вернонъ взяла меня за руку и вскричала:—Нѣтъ, Г-нъ Франкъ, я не потерплю, чтобъ вы обидѣли Г-на Жобсона. Я не столько его люблю, чтобъ позволила вамъ тронуть его ниже концомъ вашего хлыста. Какъ! вѣдь ему доставитъ пропитанія на цѣлые три мѣсяца; притомъ же вы и такъ довольно оскорбили его чувствительность, назвавъ дерзкимъ.

— Я мало забочусь о томъ, что онъ говоритъ, Миссъ, сказалъ писарь не

такъ грубо; слово дерзкій не можетъ быть поводомъ къ тяжбѣ, ноябедникъ явно ругательное слово; и я дамъ знать Гофферу Ретледжу, ему и всѣмъ тѣмъ, которые будутъ повторять его къ нарушенію общественнаго спокойствія и къ лишенію меня доброй славы.

— Что вы, Г-нъ Жобсонъ? подхватила Діана, развѣ не знаете, что въ пустомъ мѣстѣ и самъ Король ничего не возметъ? Что же касается до вашей славы, то оставьте того въ покоѣ, кто захочетъ лишить васъ оной: для него будетъ плохая пожива, а васъ я поздравлю, что избавитесь отъ ней.

— Очень хорошо, сударыня.... Прощайте.... Противъ Папистовъ есть законы, и все бы лучше шло, еслибъ они строже исполнялись. По тридцать четвертому уставу Эдуарда VI положено наказаніе на того, кто будетъ имѣть при себѣ молитвенникъ, служебникъ или житія святыхъ..... Оно-

му подвергаются и Паписты, отказавшіеся дать присягу, и тѣ, которые ходятъ къ обѣдни. Смотри тридцать третій уставъ Королевы Елисаветы и третій Короля Іакова. Всякій Католикъ долженъ, заплати двойный штрафъ, внести въ списокъ....

— Смотри новое изданіе законовъ, пересмотрѣнныхъ, исправленныхъ и умноженныхъ Іосифомъ Жобсономъ, писцомъ Совѣстнаго Суда, сказала Миссъ Вернонъ.

— И такъ, продолжалъ Жобсонъ, ибо я вамъ говорю, Діана, незамужняя невѣста и Папистка, вы обязаны возвратиться въ свой домъ кратчайшей дорогой, подъ опасеніемъ лишиться дворянскаго достоинства, какъ виновная въ злоумышленіи противъ Короля. Вы обязаны просить перевоза на публичныхъ паромахъ и оставаться на нихъ не долѣе прилива и отлива, и если не найдете онаго въ подобныхъ мѣстахъ, то должны каждый день хо-

дить по колѣно въ водѣ и такимъ образомъ достигать противоположнаго берега.

— Это, какъ я думаю, сказала Миссъ Вернонъ, родъ Протестантскаго наказанія за мои грѣхи въ Католическомъ исповѣданіи. Однако, я васъ благодарю за увѣдомленіе, Г-нъ Жобсонъ, и удаляюсь, какъ можно скорѣе, твердо рѣшась не выходить впередъ изъ дому. Прощайте, Г-нъ Жобсонъ, образецъ судейской учтивости.

— Прощайте, прощайте, сударыня; помните, что съ закономъ шутить не должно.

И мы продолжали нашу дорогу.

— Не жестоко ли, сказала Миссъ Вернонъ, не жестоко ли для людей честныхъ и благородныхъ сносить явную дерзость какого нибудь негодяя стряпчаго? И почему? потому только, что мы того исповѣданія, которое за сто лѣтъ назадъ было всеобщимъ.... По крайней мѣрѣ наша рели-

гія имѣетъ на своей сторонѣ преимущество старшинства.

— Мнѣ очень хотѣлось переломить ему кости, отвѣчалъ я.

— И вы бы поступили какъ сущій вѣтреникъ; но, впрочемъ, есльи бы мой кулакъ былъ немного потяжелѣ, я сама, кажется, дала бы почувствовать ему всю силу онаго.... У меня есть три причины жаловаться на судьбу.

— Какія же это причины, Миссъ Вернонъ?

— Но обѣщаетесь ли вы пожалѣть обо мнѣ, когда вамъ скажу ихъ?

— Можете ли въ томъ сомнѣваться, воскликнулъ я, подъѣхавъ къ ней ближе и чувствуя участіе, которое и скрыть не старался.

— И такъ вотъ три предмета моихъ жалобъ; оно, какъ бы то ни было, пріятно внушать сожалѣніе къ себѣ. Во первыхъ: я дѣвушка, а не мущина, и меня почли бы безумною, когдабъ я захотѣла хоть въ половину исполнить

то, что мнѣ приходитъ въ голову, межъ тѣмъ какъ съ вашею счастливою привиллегіею, дѣлать что угодно, я моглабъ предаться моимъ капризамъ, и даже возбуждать восторгъ и удивленіе.

— А! вотъ пунктъ, относительно котораго я не могу сожалѣть о васъ, какъ бы вамъ хотѣлось; несчастіе такъ обще людямъ, что вы раздѣляете его съ одною половиною рода человѣческаго, а вторая половина....

— Такъ выгодно надѣлена, что не хочетъ уступить другимъ своихъ правъ; я и забыла въ васъ приспрастнаго соперника. Тсъ! прибавила она, видя, что я хочу говорить; угадываю, что эта милая улыбка предшествуетъ прекрасному комплименту, на счетъ выгодъ, получаемыхъ друзьями и родственниками Діаны Вернонъ, что она родилась ихъ невольницею; но не трудитесь произносить его, любезный братецъ! Поглядимъ, какъ мы согласимся

въ прочихъ пунктахъ моей жалобы на судьбу. Я принадлежу къ сектѣ притѣсняемой, исповѣдую нетерпимую религію, какъ сказалъ бы негодный отрянчій, съ которымъ мы сей часъ разстались; и не только не приноситъ мнѣ чести мое благочестіе, ибо я почитаю того же Бога, коего почитали мои предки; но пріятель мой, Судья Инглевудъ, можетъ отослать меня въ рабочій домъ и сказать мнѣ, что старой Нембронъ сказалъ Игуменьѣ Польшонской, когда овладѣлъ ея монастыремъ: »Ступай прясть, баба!«

— Это зло не безъ пособія, отвѣчалъ я важно; посовѣтуйтесь съ какимъ нибудь изъ нашихъ образованныхъ священниковъ, или лучше посовѣтуйтесь съ вашимъ разсудкомъ, Миссъ Вернонъ, и вы увидите, что различіе между нашей религіей и той, въ которой вы были воспитаны....

— Тсъ! сказала Миссъ Вернонъ поднеся палецъ ко рту; тсъ! ни слова на

это. Оставить вѣру своихъ предковъ!... Неужели бы вы мнѣ дали совѣтъ, когдабъ я была мущиною, покинуть ихъ знамена, видя что счастіе имъ не благопріятствуетъ и, какъ измѣннику, перейти на сторону торжествующихъ враговъ.

— Уважаю вашу твердость, Миссъ Вернонъ; относительно же неприятностей, какимъ она васъ подвергаетъ, я только скажу, что раны, получаемыя за то, что не хотимъ учинить низкой поступокъ, носятъ съ собою и бальзамъ для насъ.

— О! я вижу, жестокой, что небольшаго сожалѣнія должна ожидать отъ васъ. Нынѣ или завтра по волѣ Судьи меня пошлютъ прясть ленъ и чесать пеньку, а вы смотрите на это съ такимъ холоднымъ равнодушіемъ!... Я жалуюсь, что осуждена носить чепецъ и кружева на мѣсто шляпы и кокарды, а вы смѣетесь и не принимаете никакого участія въ горести моей.

Нѣтъ, видно совсѣмъ безполезно будетъ открыть вамъ третію причину моей жалобы.

— Нѣтъ, любезная Миссъ Вернонъ, не лишайте меня своей довѣренности, и я вамъ обѣщаю, что тройная дань симпатіи, которую вамъ долженъ, будетъ вѣрно и сполна заплачена при открытіи вашей послѣдней жалобы, только, чтобъ это не было несчастіе общее со всѣми женщинами, ни даже со всѣми Католиками, въ Англіи которыхъ гораздо болѣе, нежели мы Протестанты желаемъ изъ усердія къ церкви и отечеству.

— О нѣтъ! это несчастіе, сказала Миссъ Вернонъ измѣнясь въ голосѣ и съ важностію, еще никогда мной не виданной въ ней,—это несчастіе истинно заслуживаетъ сожалѣнія. Какъ вы сами могли примѣтить, я отъ природы откровенна безъ всякой скрытности; добрая дѣвушка, безъ гордости, безъ притворства, которая бы хотѣла

не имѣть ни для кого тайны и разговаривать свободно съ друзьями; между тѣмъ таково странное мое положеніе, что я едва смѣю сказать слово, боясь послѣдствій, какія оно можетъ имѣть ежели не для меня, то для другихъ.

— Это въ самомъ дѣлѣ несчастіе, въ которомъ я истинное беру участіе, Миссъ Вернонъ, и котораго я никогда не подозрѣвалъ.

— О! Г-нъ Осбалдистонъ, ежелибъ вы знали, ежелибъ кто нибудь зналъ, какъ трудно иногда скрывать подъ веселымъ лицемъ печальное сердце, вы бы пожалѣли обо мнѣ!... Можетъ быть, я худо дѣлаю, что говорю съ вами такъ откровенно о моемъ положеніи. Но у васъ здравой разсудокъ, вы проницательны; вы тотчасъ станете меня разспрашивать о приключеніяхъ нынѣшняго дня, о участіи, какое Ралейгъ бралъ къ вашемъ освобожденіи, о тысячи другихъ предметовъ, которые

привлекутъ ваше вниманіе. У меня недостанетъ мужества отвѣчать вамъ съ надлежащею скрытностію и притворствомъ; вамъ легко будетъ замѣтить, что я васъ обманываю; вы меня почтете притворщицей, недовѣрчивой, и я лишусь и вашего и собственнаго своего уваженія. Лучше ужъ сказать вамъ напередъ: не спрашивайте ни о чемъ меня; я не могу отвѣчать вамъ.

Миссъ Вернонъ произнесла сіи слова голосомъ трогательнымъ, сдѣлавшимъ на меня живое впечатлѣніе. Я увѣрилъ, что не стану осыпать ее нескромными вопросами, что не буду принимать въ худую сторону отказовъ отвѣчать на вопросы приличные и естественные по моему.

Я прибавилъ, что такъ обязанъ за участіе, принятое ею въ моихъ дѣлахъ, что не употреблю во зло сего случая, не стану стараться проникнуть въ ея дѣла. Я только надѣялся, что ежели

мои услуги могутъ быть ей полезны; то чтобъ она смѣло пользовалась ими.

— Очень благодарна вамъ, подхватила она, и принимаю это отъ чистаго сердца. Вашъ голосъ не похожъ на однозвучный звонъ, названный комплиментомъ; это голосъ человѣка, чувствующаго на что онъ обязывается. Ежели... но чѣмъ невозможно? Впрочемъ ежели встрѣтится случай, я васъ попрошу вспомнить о вашемъ обѣщаніи. Когда и забудете его, я не менѣе буду обязана вамъ; довольно того, что вы теперь чистосердечны. Можетъ многое случится, что перемѣнитъ ваше мнѣніе, прежде нежели попрошу о томъ, если я должна просить васъ помочь Діанѣ, какъ сестрѣ своей.

— Будь она сестра мнѣ, вскричалъ я, и тогда не болѣе имѣлъ буду готовности къ ея услугамъ. А теперь конечно я не долженъ спрашивать, добровольно ли, изъ дружбы ли Рашлейгъ старался о моемъ оправданіи.

— Не у меня, но вы можете спросить у него самаго; будьте увѣрены, что онъ отвѣтитъ: да; ибо всякой разъ, когда можетъ похвалиться добрымъ дѣломъ, не упуститъ случая приписать его себѣ.

— И я не долженъ спрашивать: не былъ ли Камибель человѣкъ, похитившій его чемоданъ, и письмо, полученное другомъ моимъ Жодіономъ, въ то время, какъ мы находились у Инглевуда, не была ли хитрость, чтобъ удалить его отъ мѣста дѣйствія и помѣшать ему препятствовать моему освобожденію? И я не долженъ спрашивать....

— Вы ничего не должны у меня спрашивать, сказала Миссъ Вернонъ, и такъ безполезно полагать предѣлы вашему любопытству, за которые вы не можете преступить. Вы должны думать о мнѣ также выгодно, какъ бы я отвѣчала на всѣ ваши вопросы, и на тысячу другихъ съ тѣмъ вольнымъ

и развязнымъ тономъ, которой такъ легко принять Ралейгу и которому подражать мнѣ не возможно. Послушайте, всякой разъ, когда поднесу руку къ подбородку—вотъ такъ, это будетъ знакомъ, что не могу изъяснить вамъ того, что занимаетъ ваше вниманіе. Надобно, чтобъ были условные знаки въ нашихъ сношеніяхъ. Вы теперь сдѣлаетесь моимъ повѣреннымъ совѣтникомъ, но не будете участвовать въ дѣлахъ моихъ.

— Ничего не можетъ быть основательнѣе, отвѣчалъ я смѣясь; а вы можете надѣяться, что мудрость совѣтовъ моихъ будетъ соотвѣтствовать вашей довѣренности.

Таковъ почти былъ разговоръ, занимавшій насъ во время дороги, и мы пріѣхали въ Осбалдистонъ-Галль, когда семейство начало свое пиршество.

— Обѣдать подай намъ въ библіотекѣ, сказала Миссъ Вернонъ слугѣ. Ужъ я сжалюсь надъ вами, прибавила

она, оборотясь ко мнѣ, и постараюсь, чтобъ вы не умерли съ голоду въ нашемъ гостепріимномъ домѣ; иначе я не знаю, должна ли вамъ показать мою обитель. Библіотека мое любимое убѣжище; она одинъ уголокъ въ домѣ, въ которомъ я защищена отъ моихъ орангъ-утанговъ братьевъ. Они и ноги сюда не заносятъ, боясь, я думаю, чтобъ эти фоліанты, упавъ, не разбили имъ черепа. Вѣдь это одно дѣйствіе, которое они могутъ произвесть надъ ихъ мозгомъ. Послѣдуйте за мною.

Я пошелъ за нею по длиннымъ извилинамъ корридоровъ, переходовъ, галлерей и лѣстницъ, и наконецъ взошелъ въ библіотеку.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

»Въ это уединенное мѣсто она
»приходила часто заниматься уче-
»ніемъ и на минуту забывала свои
»несчастія.«

Неизвѣстный.

Библіотека въ Осбалдистонъ-Галлѣ была темная комната, въ которой старыя дубовыя полки гнулись подъ тяжестію полновѣсныхъ фоліантовъ, драгоцѣнныхъ въ семнадцатомъ вѣкѣ; но изъ нихъ-то, съ позволенія сказать, мы перегнали содержаніе нашихъ in quarto и нашихъ in octaw, которые еще разъ перейдя черезъ кубокъ, ежели наши потомки будутъ суетнѣе насъ самихъ, могутъ быть приведены въ двѣнадцатую и даже осмнадцатую долю. Собраніе состояло преимуще-

ственно изъ классическихъ авторовъ, историческихъ, а особливо богословскихъ книгъ. Она была въ большомъ разстройствѣ. Священники, которые въ послѣдовательномъ порядкѣ одинъ за другимъ исправляли въ замкѣ должность капеллановъ, долгое время исключительно пользовались правомъ входить въ библіотеку, пока наконецъ любовь къ чтенію не заставила Ралейга нарушить покой почтенныхъ насѣкомыхъ, раскинувшихъ свою ткань передъ полками шкафа. Такъ какъ онъ себя назначилъ въ духовное званіе, то его поведеніе казалось не очень безумнымъ Сиръ Гильдебранду, какъ бы оно показалось въ другомъ изъ его сыновей, ежелибъ въ которомъ нибудь изъ нихъ родилась такая смѣшная склонность, и Сиръ Гильдебрандъ согласился поправить комнату такъ, чтобъ можно было жить въ ней. Но впрочемъ въ этомъ обширномъ покоѣ все еще замѣтенъ былъ видъ какого-то безпо-

рядка и разрушенія, и сокровища наукъ погребены были подъ толстымъ слоемъ пыли, который скрывалъ ихъ отъ взоровъ. Ветхія обои, червями источенныя полки и книги, плохія стулья, шаткіе налои и столы, очагъ въ комнатѣ, покрытый ржавчиной и рѣдко оживляемый огнемъ угольевъ или пламенемъ дровъ, все показывало презрѣніе владѣтелей замка къ наукамъ и къ книгамъ, содержащимъ сокровища оныхъ.

— Это мѣсто кажется вамъ не много дикимъ, сказала Миссъ Вернонъ, видя, что я обозрѣваю комнату со взоромъ удивленія; но оно для меня маленькой рай; я въ немъ спокойна и не боюсь, чтобъ кто нибудь помѣшалъ мнѣ. Ралейгъ владѣлъ сею вмѣстѣ со мною, когда мы были друзьями.

— А теперь развѣ вы недрузья? былъ натурально вопросъ мой.

Она поднесла палецъ къ прелестной ямочкѣ подбородка, чтобъ дать мнѣ

почувствовать нескромность моего вопроса.

— Мы все еще союзники, отвѣчала она, и связаны между собою, какъ и всѣ союзныя державы, взаимными выгодами. Но боюсь, что слѣдуя обычаю, мирный договоръ не переживетъ дружескихъ расположеній, въ которыхъ онъ былъ заключенъ. Какъ бы то ни было, мы уже не такъ часто бываемъ вмѣстѣ, и когда онъ входитъ въ эту дверь, я убѣгаю вонъ въ ту. И видя наконецъ, что эта комната, какъ ни велика она кажется, была тѣсна для двухъ, онъ имѣлъ великодушіе отказаться отъ своихъ правъ въ мою пользу, и я стараюсь продолжать занятія, въ которыхъ сперва онъ меня руководствовалъ.

— Какія это занятія, могу ли спросить?

— О! смѣло можете. Не бойтесь, что при этомъ вопросѣ я подниму мой палецъ. Исторіей и словесностью

преимущественно занимаюсь я; но изучаю также поэзію и классическихъ писателей.

-- Классическихъ писателей? и читаете ихъ въ подлинникѣ?

Кое какъ; Ралейгъ—человѣкъ не безъ познаній,—далъ мнѣ нѣкоторое понятіе объ языкахъ древнихъ и объ языкахъ нынѣ болѣе употребляемыхъ въ Европѣ. Повѣрьте мнѣ, я не совсѣмъ дурно воспитана, хотя и не умѣю ни обрубать косынокъ, ни вышивать платковъ, ни дѣлать пуддинговъ и наконецъ, какъ жена священника поставляетъ себѣ за удовольствіе говорить обо мнѣ такъ пріятно, вѣжливо и справедливо, хотя я ничего не знаю полезнаго въ сей юдоли міра.

— А курсъ наукъ сдѣланъ по вашему выбору, Миссъ Вернонъ, или по выбору Ралейга?

— Гмъ! сказала она, какъ бы не рѣшаясь отвѣчать на мой вопросъ; но стоитъ ли труда подымать палецъ

для такой бездѣлицы. И такъ я вамъ скажу, что отъ части по своему вкусу, отъ части по его совѣту, учась ѣздить верхомъ, сѣдлать лошадей по нуждѣ, перепрыгивать черезъ огородъ, стрѣлять изъ ружья наморщась и наконецъ всѣмъ искусствамъ, которыми обладаютъ мои любезные братья. Мнѣ нравилось, послѣ такихъ трудныхъ упражненій, читать съ Ралейгомъ древнихъ писателей и приближаться къ древу познанія, съ котораго вы ученые одни бы хотѣли собирать плоды, какъ бы въ отмщеніе за участіе, принятое нашею общею праматерью въ грѣхѣ первородномъ.

— И Ралейгъ поставлялъ себѣ за удовольствіе очищать вашъ вкусъ къ наукамъ?

— Да, я сдѣлалась его ученицею; но какъ онъ могъ меня выучить тому только, что самъ зналъ, то и вышло, что я совсѣмъ несвѣдуща въ искуствѣ бѣлить кружева и обрубать платки.

— Но я думаю, что желаніе имѣть у себя подобную ученицу было побудительною причиною для учителя.

— О! я вамъ напередъ говорю: если вы станете проникать побудительныя причины Ралейга, то я буду всегда подымать палецъ. Откровенно съ вами говорить я могу о томъ, что касается до меня; короче, Ралейгъ уступилъ мнѣ исключительное пользованіе библіотекою, и не входитъ въ нее не спросивъ и не получа на то позволенія, и потому я взяла смѣлость принести въ эту залу нѣсколько изъ моихъ пожитковъ, которые вы можете видѣть около себя.

— Извините, Миссъ Вернонъ, какъ я ни гляжу, а не вижу ничего похожаго на ваши пожитки.

— Конечно потому, что не видите ни пастуховъ, ни пастушекъ въ хорошихъ рамкахъ, ни чучелы попугая, ни клѣтки канареекъ, ни коробки для работы, оправленной въ золото, ни

красиваго тулета съ приборомъ, ни трехструнной лютни, ни маленькой шавки. Я не обладаю такими сокровищами, прибавила она, остановясь на минуту, чтобъ перевесть духъ послѣ такого длиннаго исчисленія; но вотъ мечь моего предка Сиръ Ричарда Вернона, убитаго при Шрейсбури, и котораго такъ жестоко оклеветалъ нѣкто Шекспиръ. Онъ хотя былъ и умной человѣкъ, но приверженный къ Герцогу Ланкастерскому и его сообщникамъ, а потому исказилъ исторію въ ихъ пользу. Подлѣ сего страшнаго меча виситъ панцырь другаго Вернона, бывшаго оруженосцемъ у Чорнаго Принца. Его судьба не похожа на участь Сиръ Ричарда; ибо въ поэмѣ, его воспѣвшемъ, видно болѣе добраго намѣренія, чѣмъ дарованій. Вотъ мое охотничье ружье съ новоизобрѣтенною доскою и куркомъ. Но это говоритъ само за себя.

Говоря такимъ образомъ, она пока-

зала мнѣ портретъ во весь ростъ, писанный Вандикомъ, на которомъ готическими литерами было написано: *Verno semper viret.* Вы, кажется, удивляетесь, сказала она; но развѣ не знаете, что это нашъ девизъ, девизъ всѣхъ Верноновъ? Развѣ не видите подъ гербомъ двухъ флейтъ, крестъ на крестъ положенныхъ?

— Флейтъ! я бы ихъ почелъ дудками. Но извините моему невѣжеству, прибавилъ я, примѣтя, что она покраснѣла, я не могу осуждать вашего герба, потому что и своего не знаю.

— Вы Осбалдистонъ и признаетесь въ томъ! вскричала она. Коли такъ, то Перссй, Торнклифъ, Джонъ, Дикъ и самъ Вильфредъ могутъ быть вашими наставниками: слыхано ли такое невѣжество?

— Я признаюсь, къ стыду, любезная Мисс Вернонъ, гіероглифы Геральдики также для меня не понят-

ны, какъ гіероглифы пирамидъ Египетскихъ.

— Какъ! возможно ли? Мой дядя, самъ дядя, ненавистникъ всѣхъ книгъ вообще, въ длинные зимніе вечера заставляетъ читать себѣ Гвиллима. Не знали изображеній Геральдики! Да о чемъ же думалъ отецъ вашъ.

— О изображеніяхъ ариѳметическихъ, изъ которыхъ самое простое, кажется, для него важнѣе всей рыцарской Геральдики; но ежели я былъ такъ недогадливъ, что не узналъ вашего герба, то по крайней мѣрѣ у меня достанетъ столько вкуса, чтобы удивляться прекрасному портрету, въ которомъ я открываю какое-то фамильное сходство съ вами.

— Точно ли хороша эта картина? примолвила она.

— Я видѣлъ много произведеній этаго знаменитаго художника, но ни одного не видалъ, которое бы мнѣ такъ понравилось.

— Я такой же плохой знатокъ въ живописи, какъ вы въ Геральдикѣ, подхватила Миссъ Вернонъ; но на моей сторонѣ то преимущество, что я удивлялась этому портрету, не зная цѣны ему.

— Кого изображаетъ онъ?

— Моего дѣда, раздѣлявшаго всѣ несчастія Карла I-го и, съ стыдомъ признаюсь, всѣ распутства его сына. Онъ безумно расточилъ часть своихъ владѣній; другую часть отецъ мой продалъ, чтобы поддержать правое дѣло.

— Вашъ отецъ много потерпѣлъ во время междуусобій?

— Не только потерпѣлъ, онъ всего лишился. И его дочь, несчастная сирота, питаясь хлѣбомъ чужихъ людей, принуждена покоряться ихъ капризамъ, сообразоваться съ ихъ нравомъ. Впрочемъ, еслибъ слѣдуя внушеніямъ благоразумія, а не прямодушія, онъ пожер-

твовалъ своими правилами обстоятельствамъ и оставилъ меня наслѣдницею богатыхъ помѣстьевъ, находившихся во владѣніи его фамиліи, я бы меньше гордилась отцомъ своимъ.

Приходъ слуги, который принесъ обѣдать, помѣшалъ продолженію нашего разговора. Обѣдъ былъ непродолжителенъ, и когда собрали со стола и поставили бутылки, слуга насъ увѣдомилъ, что Г. Ралейгъ просилъ сказать ему, когда мы отобѣдаемъ.

— Скажи ему, отвѣчала Миссъ Вернонъ, что есели онъ хочетъ придти сюда, то мы будемъ ради его видѣть. Поставь стаканъ, принеси стулъ и оставь насъ. Вы удалитесь съ нимъ вмѣстѣ, когда онъ захочетъ уйти, прибавила она, обращаясь ко мнѣ. Не смотря на мою щедрость, изъ 24-хъ часовъ я не могу удѣлить молодому человѣку болѣе осьми; но, я думаю, и восемь пролетѣли очень скоро.

— Старикъ съ косою бѣжалъ такъ быстро сего дня, что я не успѣвалъ считать его шаговъ.

— Тсъ! сказала Миссъ Вернонъ, вотъ Рашлейгъ. Она отодвинула свой стулъ, который почти касался моего, и сдѣлала большой промежутокъ между нами.

Легкій ударъ въ дверь, вѣжливое вниманіе отворять потихоньку ее, когда попросили войти, смиренно-приятная поступь, все показывало мнѣ, что понятія, составленныя мною о обхожденіи совершеннаго Іезуита, соотвѣтствовали воспитанію, полученному Рашлейгомъ въ школѣ Сентъ-Омерской; нужно ли говорить, что сіи понятія Протестанта были для него не очень выгодны.

— Къ чему, сказала Миссъ Вернонъ, эта церемонія стучаться въ дверь, когда вы знаете, что я не одна въ комнатѣ.

Она произнесла сіи слова съ какимъ

шо нетерпѣніемъ, какъ бы примѣтя, что подъ скромнымъ и смиреннымъ видомъ Ралейга скрывается дерзкое подозрѣніе. Не сами ли вы, прелестная кузина, научили меня стучаться въ эту дверь, отвѣчалъ Ралейгъ съ тѣмъ спокойствіемъ, съ тою кротостію, которая отъ долговременной привычки обратилась у него въ природу.

— Я чистосердечіе люблю болѣе вѣжливости, сказала Миссъ Вернонъ.

— Вѣжливость, отвѣчалъ Ралейгъ, слогомъ Амадиса, вѣжливость можетъ назваться храбрымъ и любезнымъ рыцаремъ, учтивымъ и по имени и по ремеслу; ему прилично быть сотоварищемъ дамы.

— Но истинный рыцарь есть чистосердечіе, и съ этимъ именемъ онъ вездѣ хорошо принимается. Но кончимъ споръ, вовсе незанимательный для Г-на Франка. Садитесь-ка лучше и налейте стаканъ, чтобъ подать

примѣръ ему. Я взяла на себя обязанность потчивать за обѣдомъ, чтобъ поддержать славу о гостепріимствѣ въ Осбалдистонъ-Галлѣ.

Ралейгъ сѣлъ и наполнилъ стаканъ, попеременно смотря то на Діану, то на меня съ такимъ смущеніемъ, что никакія усилія не могли скрыть его. Я замѣтилъ, что онъ старается проникнуть, какъ далеко простиралась ея довѣренность ко мнѣ, и потому поспѣшилъ дать другой оборотъ разговору, чѣмъ онъ и успокоился, увидя изъ него, что Діана не измѣнила его тайнамъ. — Г-нъ Ралейгъ, сказалъ я ему, Миссъ Вернонъ препоручила мнѣ изъявить вамъ мою признательность за счастливое окончаніе дѣла съ Моррисомъ, но несправедливо опасаясь, что моя благодарность не напомнитъ мнѣ объ обязанности, она подстрекнула еще любопытство и препоручила просить у васъ изъясне-

нія тайны, которой, по видимому, я обязанъ освобожденіемъ.

— А я такъ думалъ, отвѣчалъ Ралейгъ, быстро бросивъ проницательный взглядъ на Діану, что Миссъ Вернонъ все изъяснила вамъ; и его взоръ, устремясь на меня, казалось, хотѣлъ открыть, такъ ли ограничена была ея довѣренность, какъ я утверждалъ. Миссъ Вернонъ презрительнымъ взглядомъ отвѣчала на его безмолвный вопросъ, между тѣмъ какъ я, не зная, долженъ ли отвергнуть подозрѣнія или оскорбиться ими, отвѣчалъ:—Ежели вамъ угодно, Г-нъ Ралейгъ, оставлять меня въ неизвѣстности, я покоряюсь; но если вы отказываете въ объясненіи подъ предлогомъ, что я получилъ его, то божусь вамъ, что ничего не знаю относительно происшествій, которыхъ былъ свидѣтелемъ нынѣшняго утра. Вы сильно содѣйствовали въ мою пользу,

вотъ все, что могъ я узнать отъ Миссъ Вернонъ.

— Миссъ Вернонъ слишкомъ превознесла мои слабыя усилія, хотя я ничѣмъ не пренебрегъ для вашей пользы. Я поспѣшно возвращался въ замокъ, чтобъ убѣдить кого нибудь изъ нашего семейства вмѣстѣ со мною за васъ поручиться, что мнѣ казалось самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ вашему освобожденію, какъ вдругъ встрѣтилъ Кавмеля.... Колвеля.... Кампбеля; но впрочемъ что нужды до его имени. Я узналъ отъ Морриса, что сей человѣкъ былъ вмѣстѣ съ нимъ при покражѣ, и имѣлъ счастіе убѣдить его, признаюсь, хотя и съ трудомъ, сдѣлать показаніе, чтобъ оправдать и извлечь васъ изъ затруднительнаго положенія, въ коемъ вы находились.

— Чрезвычайно обязанъ вамъ, что вы уговорили его дать свидѣтельство въ мою пользу; но еже ли, по его сло-

вамъ, онъ былъ свидѣтелемъ похищенія, то для чего не согласился онъ придти и объявить настоящаго преступника или по крайней мѣрѣ оправдать невиннаго?

— Вамъ не извѣстенъ, сударь, характеръ Шотландцевъ, отвѣчалъ Ралейгъ; скромность, благоразуміе и проницательность, вотъ главныя ихъ качества; они проявляются во первыхъ въ патріотизмѣ, худо понимаемомъ, но пламенномъ и составляющемъ какъ бы наружное укрѣпленіе, коимъ Шотландецъ окружаетъ себя и защищается отъ нападеній высокихъ чувствованій чевовѣколюбія. Разрушьте это препятствіе и вы встрѣтите труднѣйшую преграду: любовь къ своей области, своей деревни, или лучше сказать своему поколѣнію. Преодолѣйте второе укрѣпленіе, васъ остановитъ третіе: его привязанность къ семейству, къ своему отцу, къ матери, къ сыновьямъ, къ дочерямъ,

къ дядямъ, теткамъ, ко всѣмъ родственникамъ до девятаго колѣна. Въ сихъ предѣлахъ разливается усердіе Шотландца и не выходитъ далѣе. Въ сихъ-то предѣлахъ онъ сосредоточиваетъ всѣ сладостныя побужденія природы, которыя слабѣютъ и потухаютъ по мѣрѣ ихъ приближенія къ окружности, въ коей они заключены. Но если вы успѣете преступить за всѣ преграды, укрѣпленныя склонностями и привычкой, васъ остановитъ сильная и непреступная крѣпость; покорить ее не возможно: это самолюбіе или лучше сказать эгоизмъ Шотландца.

—Все это очень краснорѣчиво и очень фигурально, сказала Миссъ Вернонъ, не въ силахъ удержать долго своего намѣренія; но у меня есть два возраженія на ваше прекрасное разсужденіе. Вопервыхъ оно ложно; но хотябъ было и справедливо, то не имѣетъ ника-

кого отношенія къ предмету, который насъ занимаетъ.

— Это изображеніе очень вѣрно, прелестная Діана, и сверхъ того имѣетъ прямое отношеніе къ нашему предмету. Оно вѣрно, какъ слѣдствіе частыхъ и глубокихъ наблюденій надъ характеромъ народа, объ которомъ, какъ вы сами знаете, я могу судить правильнѣе всякаго; оно имѣетъ прямое отношеніе къ предмету, когда отвѣчаетъ на вопросъ Г-на Франка и показываетъ: почему осторожный Шотландецъ, не видя въ нашемъ любезномъ братцѣ ни единоземца, ни Камбеля, ни родственника изъ тѣхъ колѣнъ, коими означаются ихъ родословныя, и болѣе всего не ожидая никакой личной выгоды, но видя потерю времени, нѣкоторый трудъ....

— И множество другихъ непріятностей, безъ сомнѣнія столь же ужасныхъ, прервала Миссъ Вернонъ съ

язвительною насмѣшкою, показавшею ся нетерпѣніе.

— Да, множество другихъ, сказалъ Ралейгъ съ ненарушимымъ хладнокровіемъ. Однимъ словомъ, моя теорія показываетъ, почему сей человѣкъ, не надѣясь получить прибыли и опасаясь нѣкоторыхъ непріятностей, съ трудомъ преклонился на мои просьбы и заставилъ себя просить прежде, нежели согласился придти и сдѣлать показаніе въ пользу Г-на Франка.

— Мнѣ кажется страннымъ, замѣтилъ я, что Г-нъ Моррисъ не упомянулъ Судьѣ, что Кампбель былъ съ нимъ вмѣстѣ, когда напали на нихъ разбойники.

— Я слышалъ отъ Кампбеля, что онъ ему торжественно обѣщался не говорить ни слова объ этомъ обстоятельствѣ, и послѣ того, что я вамъ сказалъ, вы легко поймете причины. Онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе возвратиться къ себѣ, не останавливаясь

за судейскими обрядами, коимъ бы онъ долженъ былъ покориться; притомъ Кампбель торгуетъ скотомъ, и какъ у него много дѣлъ и ему часто бываетъ нужно прогонять большія стада черезъ Графство, то онъ старается жить въ ладу съ Нортумберландскими разбойниками, самыми мстительными людьми въ свѣтѣ.

— Я сама согласна съ этимъ, сказала Миссъ Вернонъ голосомъ, означавшимъ болѣе, нежели простое согласіе.

— И я согласенъ, сказалъ я, повторяя прежнее, что Кампбель имѣлъ очень побудительныя причины желать, чтобъ Моррисъ молчалъ; но я не понимаю, какъ онъ могъ пріобрѣсть такое вліяніе надъ умомъ сего человѣка и обязалъ его къ утаенію такого важнаго обстоятельства, съ явною опасностію подвергнуть подозрѣнію справедливость всего происшествія, когда бы его послѣ открыли.

Ралейгъ согласился, что это странно и, казалось, сожалѣлъ, что не разспросилъ болѣе Кампбеля о семъ предметѣ, казавшемся ему непонятнымъ. — Но, прибавилъ онъ послѣ таковой уступки, точно ли увѣрены вы, что Моррисъ въ своемъ доношеніи показалъ, что Кампбель былъ съ нимъ вмѣстѣ?

— Я читалъ его наскоро; но увѣрясь, что сего обстоятельства не было упомянуто или было упомянуто поверхностно, я не обратилъ на него вниманія.

— Точно, точно такъ, отвѣчалъ Ралейгъ, хватаясь за послѣднія мои слова; это происшествіе было въ немъ упомянуто, какъ вы сами говорите, но очень поверхностно; впрочемъ Кампбелю не трудно было застращать Морриса. Этотъ трусъ ѣдетъ въ Шотландію опредѣлиться къ мѣсту, зависящему отъ правительства; и одаренный мужествомъ храбраго голубя или воинственной крысы, онъ опа-

ается сдѣлать неудовольствіе такому молодцу, каковъ Кампбель, котораго одинъ видъ напугалъ его такъ, что онъ лишился послѣдней частицы разсудка, данной ему природой. Вы, я думаю, замѣтили, что въ Кампбелѣ есть нѣчто воинственное, или страшное.

— Признаюсь, я нахожу въ его лицѣ выраженіе мужества и гордости, противныя ремеслу его. Не служилъ ли онъ въ арміи?

— Да.... нѣтъ.... не то, чтобы служилъ, но кажется, какъ и всѣ его земляки, учился ружью. Каждый Шотландецъ солдатъ: онъ носитъ оружіе отъ юности и даже до смерти. Ежели вы сколько нибудь успѣли узнать вашего спутника, то вы можете судить, что, намѣреваясь жить въ странѣ, коей жители сами собой дѣлаютъ расправку, онъ боялся оскорбить Шотландца. Но вашъ стаканъ все еще полонъ, и я вижу, что, касательно ви-

на, вы не болѣе моего дѣлаете чести имени, которое мы носимъ. Если угодно, пойдемте ко мнѣ въ комнату: мы тамъ сыграемъ одну партію въ пикетъ.

Мы встали, чтобъ проститься съ Миссъ Вернонъ, которая во все время, какъ говорилъ Ралейгъ, нѣсколько разъ покушалась прерывать его. Но въ ту минуту, какъ мы готовы были выдти, огонь, тлѣвшійся подъ пепломъ, съ большею силою воспламенялся.

— Г-нъ Осбалдистонъ, сказала она мнѣ, вы сами можете повѣрить справедливость и основательность сужденій Ралейга на счетъ Г-на Кампбеля и Морриса. Но что онъ говоритъ о Шотландцахъ, это все сущая клевета; онъ безстыдно ругаетъ Шотландію и я васъ прошу не вѣрить словамъ его.

— Можетъ быть, мнѣ трудно будетъ вамъ повиноваться, Миссъ Вернонъ, ибо я долженъ признаться, что былъ воспитанъ въ чувствахъ, мало выгодныхъ для нашихъ сѣверныхъ сосѣдей,

— О! забудьте, забудьте эту часть вашего воспитанія! воскликнула она съ жаромъ; дочь Шотландки заклинаетъ васъ не презирать страною, въ которой родилась мать ея, пока не объявите причины вашего предубѣжденія. Сохраняйте ненависть и презрѣніе къ лицемѣрству, двоязычію и низости; вотъ что должно ненавидѣть и презирать, и это вы можете найти не выѣзжая изъ Англіи. Прощайте, милостивые государи! желаю вамъ добраго вечера.

Она рукою указала намъ на дверь съ видомъ царицы, отпускающей свиту.

Мы удалились въ комнату Ралейга, куда слуга принесъ намъ карты и кофей. Видя, что Ралейгъ не хочетъ мнѣ дать точнаго объясненія, я пересталъ и спрашивать. Его поведеніе было покрыто какою-то тайною, которую хотѣлось мнѣ проникнуть; но время къ тому было неудобно: надоб-

но подождать, когда онъ будетъ менѣе остерегаться. Мы начали игру, и хотя она только что завязалась, а гордый, тщеславный характеръ моего противника виденъ былъ и въ этомъ пустомъ занятіи. Казалось, онъ совершенно зналъ правила игры; но, вмѣсто того, чтобъ имъ слѣдовать и играть *осторожно*, онъ пускался на удачу и жертвовалъ всѣмъ, въ надеждѣ сдѣлать противнику пикъ, репикъ или капотъ; но какъ скоро одна игра, смѣнивъ другую, какъ въ театрѣ музыка во время междудѣйствія, прервала нашъ разговоръ, Ралейгъ скоро наскучилъ игрою, которую онъ предложилъ мнѣ изъ одного приличія, и мы начали разговаривать о дѣлахъ постороннихъ.

Хотя въ немъ было болѣе учености, а не истинной мудрости, хотя онъ лучше зналъ природу человѣка, нежели нравственныя начала, коими онъ долженъ руководствоваться; но я не ви-

далъ никого, чей бы разговоръ былъ пріятнѣе и обольстительнѣе.

Выборъ выраженій, самыхъ разнообразныхъ, увеличивалъ очарованіе, производимое чистымъ и благозвучнымъ голосомъ; въ разговорѣ онъ избѣгалъ надутости и хвастовства, и зналъ искусство не скучать слушателямъ и не утомлять ихъ вниманія. Я видалъ людей, желающихъ блистать въ обществѣ, видѣлъ, какъ они съ трудомъ соберутъ мысли, и, подобно облакамъ, которыя, скопившись надъ нашею головою, разрываются съ громомъ, нахлынутъ на васъ съ потокомъ учености, который тѣмъ скорѣе истощается, чѣмъ быстрѣе и величественнѣе кажется сначала. Но слова Ралейга слѣдовали одно за другими и доходили до сердца слушателя подобно чистому обильному потоку, который, стремясь изъ неизсякаемаго источника, орошаетъ равнину скатываясь по непримѣтной, нечувствительной от-

логости. Непреодолимое очарованіе удерживало меня у него и уже за полночь рѣшился я проститься съ нимъ, и когда я былъ уже въ комнатѣ, то съ трудомъ могъ представить себѣ характеръ Ралейга такимъ, какъ представлялъ до сего свиданія.

Таково, любезный Трешемъ, дѣйствіе удовольствія, которое притупляетъ нашу проницательность и усыпляетъ разсудокъ: его можно сравнить со вкусомъ нѣкоторыхъ плодовъ вмѣстѣ сладкихъ и кислыхъ, послѣ коихъ намъ не можетъ нравиться другая пища.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

»Э! помилуй! къ чему такой печаль-
»ной, задумчивой видъ? Можно ли
»скучать въ замкѣ Боольвара, въ
»домѣ любителя вина?

Старинная Шотландская баллада.

На другой день было Воскресенье, которое кажется очень длиннымъ жителямъ Обалдистонъ-Галля; ибо послѣ обѣдни, гдѣ присутствуетъ все семейство, какъ будто демонъ скуки вселился во всѣхъ, изключая Ралейга и Миссъ Вернонъ. Разсказъ о затруднительномъ положеніи, въ коемъ я находился вчера, занялъ на нѣсколько минутъ Сиръ Гильдебранда, и онъ поздравилъ меня, что я ночевалъ не въ

башнѣ Морнстской, съ такимъ видомъ, какъ бы поздравлялъ, что я, упавши съ лошади, не переломилъ себѣ ноги.

— Ну, хорошо, что дѣло приняло выгодной оборотъ; но впередъ не отваживайся на такую опасность. Чортъ возьми! Королевская дорога для всѣхъ путешественниковъ должна быть безопасна, и для Торисовъ и для Вейгсовъ.

— Но неужели вы думаете, сударь, что я хотѣлъ когда либо нарушить сію безопасность? Эй Богу! ничего не можетъ быть досаднѣе, какъ видѣть, что всѣ согласились почитать меня виновнымъ въ преступленіи, которое я презираю, ненавижу, которое бы подвергнуло меня опасности лишиться жизни за нарушеніе законовъ моего отечества.

— Ну хорошо, хорошо, мой другъ! ни слова болѣе объ этомъ: кто станетъ обвинять самаго себя. Право, ты хорошо дѣлаешь, стараясь выпутаться какъ можно лучше, и, чортъ

возьми! ежелибъ и я не то же сдѣлалъ на твоемъ мѣстѣ.

Ралейгъ подоспѣлъ на мою помощь; но своими увѣщаніями онъ, казалось, совѣтовалъ отцу притворяться, что увѣрился въ доказательствѣ невинности, а не старался оправдать меня.

— Въ вашемъ домѣ, сударь.... и вашъ родной племянникъ!... Перестаньте; я надѣюсь, вы не будете оскорблять его чувствительности, сомнѣваясь въ томъ, въ чемъ для пользы его вы должны быть увѣрены. Вы, конечно, заслуживаете его довѣренность, и будьте увѣрены, что ежели можете оказать ему услугу, то онъ прибѣгнетъ къ вашей помощи. Но невинность его была объявлена и ни кто не имѣетъ права почитать его виновнымъ. Что касается до меня, то я ни мало не сомнѣваюсь въ ней, и честь нашего имени требуетъ, чтобъ мы защищали ее противъ всѣхъ и каждаго.

— Ралейгъ, сказалъ отецъ, посмо-

трѣвъ на него пристально, ты большой хитрецъ.... ты всегда былъ слишкомъ тонокъ для меня....; но берегись, чтобъ всѣ твои хитрости не послужили ко вреду тебѣ. Двѣ головы подъ одной шапкой не сообразны съ правилами Геральдики. А! кстати о Геральдикѣ; я пойду читать Гвиллима.

Онъ объявилъ свое намѣреніе съ продолжительной, невольной зѣвотою, какъ зѣвота богини въ Дунціадѣ; она была въ нѣсколько пріемовъ повторена его сыновьями, по мѣрѣ того, какъ они уходили избрать занятіе каждый по своему характеру: Перси почать бочку пива, Торнклифъ воевать съ мухами, за недостаткомъ другихъ жертвъ, Жонъ тесать колья, для ограды поля, Дикъ прогуляться въ конюшнѣ, а Вольфрагъ играть одинъ въ орла и рѣшетку, перекидывая монету съ правой на лѣвую руку. Миссъ Вернонъ удалилась въ библіотеку.

Я остался одинъ съ Ралейгомъ въ

старинной столовой залѣ, откуда слуги унесли остатки сытнаго завтрака, надѣлавши по обыкновенію много шуму и мало дѣльнаго. Я воспользовался симъ случаемъ и сталъ упрекать ему за непонятный образъ защищенія, и откровенно сказалъ, что я нахожу очень страннымъ, что онъ заставилъ отца своего скрывать подозрѣнія, а не старался ихъ искоренить совсѣмъ.

— Чтожъ дѣлать, любезный другъ? отвѣчалъ Ралейгъ. Ежели отецъ мой разъ заберетъ себѣ что нибудь въ голову, то трудно это выбить изъ нее. И я испыталъ, что гораздо лучше отвлекать его отъ сихъ мыслей, нежели ожесточать противорѣчіями. И такъ, когда я не могу вырвать изъ его ума глубокихъ корней предубѣжденія, то стараюсь ихъ обрѣзывать всякой разъ, какъ покажутся, въ надеждѣ, что они сами со временемъ исчезнутъ. Невыгодно и неблагоразумно спорить

съ такимъ человѣкомъ, каковъ Сиръ Гильдебрандъ, который противится убѣжденію и вѣритъ своимъ вдохновеніямъ также твердо, какъ мы Католики вѣримъ внушеніямъ Папы въ Римѣ.

— Но для меня очень обидно жить въ домѣ человѣка, почитающаго меня за разбойника.

— Смѣшное мнѣніе Сиръ Гильдебранда, ежели позволительно придать такой эпитетъ мнѣнію отца, какъ оно ни ложно, но въ самомъ дѣлѣ ни мало не вредитъ вашей невинности. Чтожъ касается до страха, которымъ вы тревожитесь, что это мнимое преступленіе унижаетъ васъ въ глазахъ его, то оставьте его совершенно и будьте увѣрены, что и въ нравственномъ и въ политическомъ отношеніи Сиръ Гильдебрандъ внутренно смотритъ на сіе преступленіе какъ на доброе дѣло: это значитъ ослаблять врага, грабить Амалекитовъ, и ваше,

по его мнѣнію, участіе въ этомъ, доставило вамъ его уваженіе.

—Я не желаю ни чьего уваженія, Г-нъ Ралейгъ, если для его приобрѣтенія нужно лишиться своего собственнаго; а эти обидныя подозрѣнія доставятъ мнѣ самый благовидный предлогъ уѣхать изъ Осбалдистонъ-Галля, какъ скоро я отпишу объ этомъ батюшкѣ.

Рѣдко лице Ралейга измѣняло его чувствамъ; однако я примѣтилъ, что легкая улыбка появилась на устахъ его, между тѣмъ какъ притворно онъ испустилъ глубокой вздохъ.

— О! какъ вы счастливы, Г-нъ Франкъ! Вы идете, приходите какъ вамъ захочется; вы свободны какъ вѣтеръ: и съ вашею ловкостію, съ вашимъ вкусомъ и способностями вы найдете общества, въ которыхъ они будутъ оцѣнены достойнѣе, нежели глупыми жителями замка; а я.... Тутъ онъ замолчалъ.

— Но что же худаго въ участи,

доставшейся въ удѣлъ вамъ? Что въ ней такова, чтобъ могло внушить вамъ зависть ко мнѣ, изгнанному изъ дому и сердца родительскаго?

— Такъ, отвѣчалъ Ралейгъ; но возьмите въ разсужденіе прелесть независимости, приобрѣтенной вами минутною жертвой: ибо я увѣренъ, что батюшка вашъ вскорѣ возвратитъ вамъ свою нѣжность; помыслите о выгодѣ дѣйствовать свободно и вступать на поприще словесности, поприще, по справедливости предпочитаемое вами всѣмъ прочимъ и на которомъ вами способности готовятъ вамъ блистательный успѣхъ. За недѣльное пребываніе на сѣверѣ, вы получаете на всегда славу и независимость. О! эта жертва очень маловажна въ сравненіи съ выгодами, какія доставляетъ, хотя и Осбалдистонъ Галль служитъ мѣстомъ ссылки. Новый Овидъ, изгнанный во Фракію, вамъ не нужно писать Элегій!

— Какъ возможно, сказалъ я краснѣя отъ скромности, чтобъ вы знали....

— Развѣ не былъ у васъ за нѣсколько дней до вашего пріѣзда посланный отъ вашего батюшки, молодый повѣренный Твинкаль? Онъ сказалъ мнѣ, что вы посвятили себя Музамъ, и прибавилъ, что нѣкоторыя изъ вашихъ стихотвореній возбудили удивленіе лучшихъ знатоковъ этаго дѣла.

Ты, можетъ быть, никогда не забавлялся подбирать риѳмъ, Трешемъ, но вѣрно зналъ многихъ учениковъ Аполлона. Начиная отъ поэта, который гремитъ въ трубу, и до послѣдняго стихокропателя съ свирѣлкою, самолюбіе есть общая ихъ слабость: я былъ надѣленъ ею, какъ всѣ прочіе; и потому не разсуждая, можно ли знать Твинкалю о двухъ или трехъ стихотвореніяхъ украдкою, помѣщенныхъ мною въ журналѣ подъ покровомъ неизвѣстнаго, я тотчасъ попал-

ся въ сѣти, а Ралейгъ, радуясь, что могъ такъ выгодно воспользоваться моимъ самолюбіемъ, старался льстить ему, прося неотступно меня показать ему нѣкоторыя изъ моихъ произведеній въ рукописи.

— Вы мнѣ вѣрно удѣлите одинъ вечеръ, прибавилъ онъ: вѣдь я скоро промѣняю прелесть литтературнаго общества на рабскія занятія торговли, на пышныя забавы свѣта. Батюшка хочетъ отъ меня великой жертвы, требуя, чтобъ я отказался, для семейственныхъ выгодъ, отъ спокойнаго и тихаго званія, къ которому воспитаніе назначило меня.

Я былъ самолюбивъ, но не былъ совершенно слѣпъ, и такое лицемѣрное притворство не могло укрыться отъ меня. — О! вы меня не увѣрите, отвѣчалъ я, что съ сожалѣніемъ отказываетесь отъ надежды быть бѣднымъ Католическимъ священникомъ, терпѣть тысячу нуждъ, и что неохотно

соглашаетесь жить въ изобиліи и наслаждаться удовольствіями общества.

Ралейгъ увидѣлъ, что слишкомъ далеко простеръ притворство и что должно уменьшить долю, которую мнѣ надобно принять послѣ минутнаго молчанія, употребленнаго, какъ думаю, на изчисленіе степени откровенности, нужной со мной (ибо эту добродѣтель онъ не употреблялъ безъ нужды), съ улыбкой отвѣчалъ мнѣ: —Въ моихъ лѣтахъ быть осужденнымъ, какъ вы говорите, жить въ большомъ свѣтѣ и изобиліи, признаюсь не такъ печальная будущность; но позвольте вамъ сказать, что вы ошибаетесь на счетъ участи, ожидавшей меня. Я былъ бы Католическимъ Священникомъ, но не бѣднымъ и неизвѣстнымъ. Нѣтъ, сударь, Ралейгъ Осбалдистонъ, сдѣлавшись богатѣйшимъ купцомъ въ Лондонѣ, не будетъ такъ славенъ, какъ былъ бы онъ славенъ сдѣлавшись членомъ церкви, служители которой, по

словамъ одного писателя, стоятъ наровнѣ съ Государями. Наше семейство въ большей силѣ у одного изгнаннаго двора, а довѣренность, какой пользуется сей дворъ въ Римѣ, и того еще болѣе. Мои способности соотвѣтствуютъ полученному воспитанію и потому, безъ хвастовства скажу, что достигъ бы высокой степени между духовными, а внимая мечтамъ и самолюбію, могу сказать и самой высокой. И почему же, смѣясь прибавилъ онъ: ибо въ особенности обладалъ искуствомъ посредствомъ шутки отвлекать вниманіе, произведя невыгодное впечатлѣніе, почему же Кардиналъ Осбалдистонъ не можетъ располагать судьбою государства подобно какому нибудь Мазарину, рожденному отъ простыхъ и неизвѣстныхъ родителей, или какому нибудь Алберону, сыну Италіанскаго садовника.

—Правда, я не вижу къ тому препятствія; но на вашемъ мѣстѣ, безъ даль-

нихъ трудовъ я отказался бы отъ невѣрной надежды на достоинство, столь непрочное и столь подверженное зависти.

— И я то же бы сдѣлалъ, отвѣчалъ онъ, если бы поприще, на которое вступаю, было повѣрнѣе; но я подверженъ множеству опасностей, коихъ слѣдствіе можетъ показать мнѣ одинъ случай. Вопервыхъ: расположеніе ко мнѣ вашего батюшки; не зная его характера, мнѣ не возможно....

— Признайтесь, Ралейгъ, вамъ хочется, чтобъ я описалъ его, не такъ ли?

— Ну, коли вы, подобно Діанѣ Вернонъ, хотите испытать мое чистосердечіе, то я откровенно скажу вамъ: да.

— И такъ, вы найдете въ батюшкѣ такого человѣка, который вступилъ въ торговлю не по желанію обогатиться, но потому что сіе поприще представляло ему болѣе случаевъ рас-

крыть свои способности. Онъ накопилъ большое богатство, но воспитанный въ школѣ воздержанія и умѣренности, съ умноженіемъ имѣнія не умножилъ расходовъ. Онъ ненавидитъ притворства въ другихъ, не употребляетъ его самъ и умѣетъ открывать истину подъ какой бы непроницаемой завѣсой не скрывалась она. Молчаливый по привычкѣ, онъ не любитъ болтуновъ, особливо когда разговоръ идетъ не о любимомъ его предметѣ. Съ строгой точностію исполняетъ онъ обязанности религіи, но вамъ нечего бояться въ разсужденіи вашей; ибо терпимость онъ почитаетъ священнымъ правиломъ политической экономіи. Но если вы изъ числа приверженныхъ къ Королю Іакову, что показываетъ ваша религія, то вамъ лучше скрывать это; ибо онъ ненавидитъ ихъ. Вѣрный своему слову, онъ не терпитъ, чтобы другой измѣнялъ ему; онъ строго исполняетъ

свою должность, и хочетъ, чтобы всѣ слѣдовали его примѣру; чтобъ заслужить любовь его, не хвалить должно его повелѣнія, но исполнять ихъ. Главная его слабость состоитъ въ изключительной, безусловной привязанности къ своему состоянію, и потому онъ не хвалитъ ничего, что не имѣетъ отношенія съ торговлею.

—О! превосходный портретъ! вскричалъ Ралейгъ. Ванъ-Дикъ, любезный Франкъ, ученикъ предъ вами. Я вижу вашего повелителя и властелина съ его недостатками и добродѣтелями, вижу, что онъ любитъ и почитаетъ Короля какъ Лорда-Мера и голову купечества; уважаетъ Камеру мѣщанства за указы, издаваемые противъ вывоза товаровъ, и благоговѣетъ предъ Перами, ибо председатель сидитъ на мѣшкѣ денегъ.

— Я нарисовалъ портретъ, Ралейгъ, а вы дѣлаете карикатуру. Но если я показалъ вамъ карту страны, кото-

рую вы хотѣли узнать, то надѣюсь, вы дадите мнѣ въ награду нѣкоторое свѣденіе о географіи неизвѣстныхъ земель....

— На которыя васъ бросила судьба, сказалъ Ралейгъ. Но, право, это безполезно: это вѣдь не островъ Калипсіи, усаженный цвѣтущими липами и цѣлый годъ представляющій картину весны; но родъ какого-то грязнаго болота, столь же мало занимательнаго для любопытства, какъ и привлекательнаго для глазъ: въ немъ вы побродите двѣ недѣли и узнаете его такъ хорошо, какъ бы я сдѣлалъ вамъ самое подробное описаніе.

— Но впрочемъ, кажется, тутъ есть нѣчто такое, что заслуживаетъ вниманія. Что вы скажете о Миссъ Вернонъ? не составляетъ ли она разительной противоположности съ прочими частями картины.

Я легко примѣтилъ, что Ралейгъ желалъ бы избѣжать отвѣта; но свѣденія, которыхъ онъ у меня просилъ,

давали мнѣ право спрашивать его въ мою очередь. Ралейгъ это зналъ, и принужденный слѣдовать по проложенной тропѣ, онъ старался, по крайней мѣрѣ, идти по ней какъ можно лучше.—Я менѣе прежняго имѣю случаевъ наблюдать надъ характеромъ Миссъ Вернонъ, сказалъ онъ: когда она была моложе, я былъ ея учителемъ. Но теперь достигши возраста, съ которымъ начинается новое поприще для молодой дѣвицы, по различію моихъ занятій, по важности назначеннаго мнѣ званія, по особеннымъ свойствамъ ея обязанностей, словомъ по нашему взаимному положенію постоянная дружба сдѣлалась неприличною и опасною. Я боюсь, чтобъ Миссъ Вернонъ не почла моей осторожности за признакъ равнодушія; но чтожъ дѣлать? это былъ долгъ мой: мнѣ дорого стоило послушаться совѣтовъ благоразумія, и сожалѣніе, какое она ощущала, едва ли можетъ сра-

вниться съ моимъ. Но какъ жить въ короткой связи съ молодой, прелестной, чувствительной дѣвушкой, которая, какъ вамъ извѣстно, должна или пойти въ монастырь, или принять руку назначеннаго супруга?

— Монастырь или назначеннаго супруга! вскричалъ я. Неужели Миссъ Вернонъ предстоитъ такой выборъ?

— Къ несчастію такъ, сказалъ Рашлейгъ, удерживая вздохъ. Мнѣ не нужно предостерегать васъ, какъ опасно искать короткой дружбы Миссъ Вернонъ; вамъ извѣстенъ свѣтъ, извѣстно, до какой степени можно предаться очарованію ея сообщества, не вредя спокойствію. Но я долженъ вамъ напомнить, чтобъ вы неусыпно блюли за ея и вашими чувствованіями. Я знаю по опыту, какого пылкаго и раздражительнаго темперамента Миссъ Вернонъ, и сами вы могли видѣть

вчера, до чего простирается ея легкомысленность и презрѣніе приличій.

Хотя и была тѣнь истины въ словахъ его, и я не имѣлъ права принимать въ худую сторону совѣтовъ, предлагаемыхъ подъ завѣсой дружбы, однако чувствовалъ непреодолимую охоту подраться съ нимъ.

— Наглецъ! говоритъ такъ дерзко; ужъ не хочетъ ли увѣрить онъ меня, что Миссъ Вернонъ питаетъ склонность къ его мерзкой харѣ и до того унизилась, что ей нужно воздержаніе и осторожность какого нибудь Ралейга, для изцѣленія отъ безумной страсти. Впрочемъ, я удержался, и на минуту подражая его лицемѣрству, сожалѣлъ, что такая умная и достойная особа, какъ Миссъ Вернонъ, ведетъ себя такъ неприлично.

— Не то, чтобы непричично, сказалъ Ралейгъ; но съ такою свободою, которую можно иногда назвать опрометчивостію. Впрочемъ, повѣрьте, у

ней прекрасное сердце. И скажу вамъ откровенно: ежели она не перемѣнитъ отвращенія къ монастырю и къ суженому своему, и если Плутусъ будетъ благосклоннѣе и доставитъ мнѣ счастливую независимость, я очень могу возобновить прежнія связи и предложить Діанѣ половину моего имущества.

—Съ своимъ прекраснымъ голосомъ и округленными періодами, подумалъ я, этотъ Ралейгъ самой дерзкой и несносной хвастунъ, какого когда либо я видѣлъ.

— Но, прибавилъ Ралейгъ, какъ будто говоря про себя, мнѣ бы не хотѣлось смѣнить Торнклифа.

— Смѣнить Торнклифа! вскричалъ я съ величайшимъ удивленіемъ: вашъ братъ Торнклифъ неужели назначенъ въ супруги Мисъ Вернонъ?

— Безъ сомнѣнія; по приказанію отца и въ слѣдствіе фамильнаго договора, одинъ изъ сыновей Сиръ Гильде-

бранда долженъ жениться на Д. Вернонъ, и она уже получила отъ Римскаго двора разрѣшеніе выдти за двоюроднаго брата..... Осбалдистона: имени не поставлено и ей остается только избрать счастливаго смертнаго, котораго имя наполнитъ пустое мѣсто. Но какъ Персей только и дѣла, что пьетъ, и потому не можетъ быть приличнымъ мужемъ, батюшка избралъ Торнклифа, и второй отрасли семейства препоручилъ продолжать поколѣніе Осбалдистоновъ.

— Молодая невѣста, сказалъ я, стараясь принять шутливый видъ, который, думаю, совсѣмъ не шелъ ко мнѣ, можетъ быть желала бы ниже поискать на родословномъ деревѣ вѣтви, съ коей должна соединиться.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ, но въ нашемъ семействѣ нечего долго выбирать: Дикъ грубіанъ, Жонъ скотина, а Вильфредъ оселъ. Какъ ни гово-

ри, а отецъ мой не могъ лучше выбрать для бѣдной Діаны.

— Присутствующія особы всегда изключаются.

— О! духовное званіе, къ которому я былъ назначенъ, не позволяло мнѣ быть между соперниками, а иначе, я не скрою что получивъ воспитаніе, могъ быть выбранъ батюшкой предпочтительно предъ другими братьями.

— И конечно молодою невѣстою?

— О! не думайте такъ, отвѣчалъ Ралейгъ, притворно отвергая эту мысль дабы подтвердить ее; дружба, одна дружба связала узы, насъ соединившія, и страстная привязанность души нѣжной и чувствительной къ своему учителю; любовь же не приближалась къ намъ или по крайней мѣрѣ не входила въ сердца наши. Я уже сказалъ вамъ, что остерегся кстати.

Я не былъ расположенъ продолжать разговора и выдумавъ предлогъ, чтобъ

отдѣлаться отъ Ралейга, удалился въ свою комнату, въ которой расхаживалъ большими шагами, громко повторяя выраженія, наиболѣе меня поразившія: раздражительна!.... пылка.... страстная привязанность!.... любовь!.... Діана Вернонъ, прекраснѣйшая дѣвушка, влюблена въ ужаснаго и гнуснаго урода, которому не доставало горба на спинѣ, чтобъ сравняться въ безобразіи съ Ричардомъ III.... Впрочемъ, частые случаи говорить съ нею во время уроковъ, его обольстительный языкъ, его умъ, его ловкость.... глупость и ничтожество братьевъ, которые не могутъ быть ни соперниками.... уваженіе Миссъ Вернонъ къ его способностямъ, хотя и кажется сердитою на него, вѣроятно потому, что равнодушенъ къ ней... Но что за дѣло мнѣ до этаго? Діана Вернонъ первая ли изъ своего пола полюбила дурнаго человѣка и вышла за него! Что мнѣ нужды, если она и свободна

или рука ея ни кому не обѣщана! Католичка.... Паписшка.... драгунъ въ женскомъ плашьѣ!..... Дуракъ я былъ, что думалъ соединишь ея судьбу съ своею учасшью.

Эши размышленія не шолько не пошушили огня, пожиравшаго меня, но еще болѣе воспламенили его, и я пришелъ за обѣдъ въ самомъ худомъ расположеніи духа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

»Какъ! сердиться, принимать на »себя мрачной и холодной видъ? и »въ изступленьи бѣшенства нападать на собственную тѣнь свою?

Я уже сказалъ, любезный Трешемъ, и это была не новость для тебя, что главной мой недостатокъ: непобѣдимая гордость, отъ которой я терпѣлъ тьму непріятностей. Я никогда не воображалъ, чтобъ любилъ Миссъ Вернонъ; но едва Ралейгъ началъ говорить объ ней, какъ о побѣдѣ, которою онъ могъ по волѣ пренебречь и воспользоваться, какъ всѣ старанія бѣдной дѣвушки, въ невинности сердца употребленныя, чтобъ свести со мной дружескую связь, показались мнѣ самымъ оскорбительнымъ

кокетствомъ. Она видно на всякой случай хотѣла подготовить замѣну себѣ, когда Г. Ралейгъ Осбалдистонъ вздумаетъ прикинуться жестокимъ! Но она увидитъ, что я не такой человѣкъ, которымъ бы можно играть... Я покажу ей, что знаю всѣ ея хитрости и презираю ихъ.

Но я и не подумалъ, что это смѣшное, неумѣстное негодованіе, показывало, что я былъ неравнодушенъ къ прелестной Миссъ Вернонъ, и сѣлъ за столъ въ страшной злобѣ на нее и на все потомство Эввы.

Миссъ Вернонъ удивилась, услыша отъ меня холодные отвѣты на остроты, у ней вырывавшіяся, и на ядовитыя стрѣлы, которыя она съ обыкновенною вольностію безпрестанно бросала въ любезныхъ своихъ братцевъ; но не думая, что я хочу оскорбить ее, она довольствовала сь мои грубые отвѣты отражать подобными отвѣтами, и болѣе тонкими, учти-

выми и колкими. И вотъ какъ она отвѣчала на припадокъ своенравія, увидя, что я точно былъ не въ духѣ: —Говорилъ Г-нъ Францисъ, что можно чему нибудь научиться даже изъ словъ дурака: я слышала давича, какъ братъ Вильфридъ отказывался играть въ жгуты съ братомъ Жономъ, потому что братъ Жонъ разсердился и билъ больнѣе, нежели позволяли правила игры. Ну, справедливо ли, говорилъ честный Вильфридъ, за мои щелчки давать мнѣ удары кулакомъ? Понятно ли для васъ, Г-нъ Франкъ, нравоученіе этой маленькой повѣсти?

— Я никогда еще не былъ принужденъ, сударыня, пользоваться скудною частицею здраваго разсудка членовъ этаго семейства.

— Принужденъ! и сударыня!... Вы удивляете меня, Г-нъ Осбалдистонъ.

— Сожалѣю, сударыня.

— Что это за капризъ? Говорите ли вы серіозно, или принимаете такой

тонъ, чтобъ дать почувствовать цѣну вашему веселому расположенію?

— Вы вправѣ требовать вниманія отъ сихъ господъ, а ихъ такъ много, Миссъ Вернонъ, что вамъ неприлично спрашивать меня о причинѣ моего ничтожества и моей неловкости.

— Какъ! неужели вы меня оставили и передались непріятелю?

Она посмотрѣла на сидѣвшаго противъ нее Ралейга, и видя, что онъ съ злобной радостію примѣчаетъ за нами, прибавила:

— Такъ точно, Ралейгъ торжествуетъ, лишивъ меня еще одного друга; но, благодаря Небу и состоянію зависимости, въ которой я всегда находилась, и которое пріучило меня сносить все безъ жалобы, меня не такъ легко обидѣть, и чтобъ не поссориться съ вами, я ухожу раньше обыкновеннаго и желаю, чтобъ ваша мрачность прошла послѣ обѣда.

При сихъ словахъ удалилась.

Едва она вышла и я уже раскаявался въ своихъ поступкахъ, Я, съ презрѣніемъ отвергнувъ изъявленіе ея благосклонности, дошелъ до того, что не постыдился оскорбить прелестное существо, которое не боялось для меня лишиться своей доброй славы, тогда какъ и одинъ полъ долженъ бы защищать ее отъ моей грубости. Чтобъ прогнать и разсѣять этѣ тяжкія мысли, я наливалъ стаканъ всякой разъ, какъ подносили мнѣ бутылку.

Приучась къ воздержанію, я вскорѣ почувствовалъ пагубныя дѣйствія вина. Записные пьяницы, огрубѣвшіе отъ частаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, могутъ безъ опасенія предаваться всякой неумѣренности: она только помутитъ ихъ разсудокъ, не слишкомъ здравый и въ трезвомъ сосостояніи; но люди, непривыкшіе къ сему гнусному пороку, унижающему насъ до степени скотовъ, тотчасъ

подвергаются его ужасному вліянію. Голова у меня пошла кругомъ, и я скоро дошелъ до невѣроятнаго сумасбродства, говорилъ безъ умолку, самъ не зная о чемъ спорилъ; разсказывалъ повѣсти безъ смыслу и толку, и самъ хохоталъ во все горло отсутствію памяти. Предлагалъ тьму нелѣпыхъ закладовъ, вызвалъ бороться великана Жона, который былъ изъ первыхъ борцовъ въ кантонѣ, а я только ученикъ въ семъ искуствѣ.

Хорошо, что дядюшка потрудился предупредить слѣдствія моего безумства, отъ котораго, мнѣ кажется, я сломилъ бы себѣ голову.

Злословіе говоритъ, что я запѣлъ даже застольную пѣсню; но какъ этаго не помню и мнѣ кажется, что не произнесъ ни одного звука, то и думаю, что это обвиненіе ни на чемъ не основано. И такъ я надѣлалъ столько дурачествъ бывши пьянымъ, что нѣтъ нужды приписывать мнѣ тѣхъ,

о которыхъ я и не думалъ. Я не совсѣмъ лишился чувствъ, но совершенно оставилъ скромность, и буйная страсть, меня волновавшая, оказывалась въ самомъ шумномъ изступленіи. Я сѣлъ за столъ угрюмый, печальный, рѣшась ни говорить ни слова; но вино сдѣлало меня нескромнымъ, вздорливымъ и сердитымъ. Я спорилъ со всѣми и всему противорѣчилъ; презирая благопристойность, я возражалъ на политическія мнѣнія и опровергалъ религію моего дяди за его же собственнымъ столомъ. Притворная умѣренность Ралейга, которую онъ показывалъ, чтобы увеличить мое бѣшенство и ярость, въ тысячу разъ болѣе разгорячили меня, чѣмъ ругательства и крикъ его братьевъ. Я долженъ отдать справедливость дядюшкѣ: онъ старался возстановить порядокъ между нами; но его власть ничего не значила въ безпрестанно возрастающей суматохѣ. Наконецъ бѣшенство

мое вышло изъ предѣловъ, и разсерженный дѣйствительно или мнимо-обидною шуткой Ралейга, я вскочилъ со стула, подбѣжалъ къ нему и далъ ему пощечину. Самой стоической философъ не снесъ бы подобнаго оскорбленія съ большимъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ: онъ удовольствовался однимъ презрительнымъ взоромъ. Но Торнклифъ, не столь умѣренный въ мщеніи, видя, что братъ его не проситъ удовлетворенія за обиду, вскричалъ, что онъ въ крови моей омоетъ пятно, нанесенное ихъ чести. Мы выняли шпаги, раза два выпали, но были розняты братьями. Ни когда не забуду я дьявольской улыбки, обезобразившей лице Ралейга, когда два молодые гиганта насильно увлекли меня. Они заперли меня въ моей комнатѣ, приперли дверь большими желѣзными запорами, и я слышалъ, какъ они съ невыразимою злобою хохотали во все горло, съ хода съ лѣ-

свницы. Въ первомъ бѣшенствѣ я хотѣлъ разломать дверь, но всѣ усилія мои были слабы противъ ихъ предосторожности. Потомъ я бросился на постель, замышляя планы страшнаго мщенія; но наконецъ уснулъ.

День принесъ мнѣ съ собою позднее раскаяніе. Я съ горестью почувствовалъ наглость и сумазбродство моихъ поступковъ, и принужденъ былъ признаться, что вино унизило меня ниже Вельфрида Осбалдистона, котораго такъ глубоко презиралъ я. Мысль, что должно въ присутствіи Миссъ, Вернонъ извиниться въ моей неумѣстной вспыльчивости, увеличила неприятность такихъ размышленій. Они стали еще несноснѣе для меня отъ упрековъ, какіе я себѣ дѣлалъ за несправедливое обращеніе съ Миссъ Вернонъ во время стола, въ чемъ я не могъ извиниться и пустою отговоркой опьянѣлости.

Обремененный стыдомъ и униженіемъ, я сошелъ въ столовую, какъ преступникъ передъ смертнымъ приговоромъ. Сильной морозъ не позволялъ ѣхать на охоту, и мнѣ было очень досадно видѣть, что все семейство, исключая Ралейга и Миссъ Вернонъ, собралось около огромнаго окорока. Громкой смѣхъ раздался при моемъ входѣ и далъ мнѣ замѣтить, что я былъ предметомъ ихъ насмѣшекъ. И въ самомъ дѣлѣ, что казалось мнѣ достойнымъ раскаянія и сожалѣнія, то въ глазахъ моего дяди и большой части братьевъ была забавная выдумка веселости. Сиръ Гильдебрандъ, превознося мои геройскіе подвиги, божился, что въ мои лѣта лучше два или три раза въ день напиться, чѣмъ съ жаждою ложиться спать, какъ дѣлаютъ Пресвитеріане. И, для подтвержденія такой утѣшительной мысли, онъ налилъ большой стаканъ водки, и просилъ

меня проглотить отъ шерсти звѣря, который уязвилъ меня.

—Пускай они смѣются, племянникъ, прибавилъ онъ, смотря на сыновей своихъ, пускай смѣются; вѣдь они были бы настоящіе молошные телята, точно такіе какъ ты, еслибъ я не научилъ ихъ осушать бутылокъ.

Не смотря на всѣ недостатки и странности моихъ братьевъ, у нихъ было доброе сердце: увидя, что я оскорблялся ихъ насмѣшками, они старались, хотя съ обыкновенною неловкостію, уничтожить неприятное впечатлѣніе, которое получилъ я. Одинъ Торнклифъ стоялъ въ стоpoнѣ съ мрачнымъ и задумчивымъ видомъ. Этотъ молодой человѣкъ всегда удалялся меня, и я никогда не видалъ отъ него тѣхъ неловкихъ, но доброжелательныхъ учтивостей, которыя оказывали мнѣ иногда его братья. Ежели правда, въ чемъ я началъ, однако, сомнѣваться, — ежели правда,

что его назначили въ супруги Миссъ Вернонъ, то привязанность ко мнѣ молодой дѣвушки, можетъ быть, огорчаетъ его и, опасаясь во мнѣ страшнаго соперника, онъ питаетъ ко мнѣ ненависть и ревность.

Наконецъ вошелъ и Ралейгъ съ мрачнымъ и задумчивымъ взоромъ; какая-то угрюмость на лицѣ показывала, что онъ не забылъ безчестной обиды, ему нанесенной. Я уже обдумалъ, какъ должно поступить въ семъ случаѣ; умѣлъ укротить себя и увѣриться, что истинная честь не требуетъ отъ меня поединкомъ доказать, что я правъ, когда былъ явно виноватъ; но требуетъ, чтобъ благороднымъ образомъ извинился въ обидѣ, которая превышаетъ все, что я могъ бы сказать въ оправданіе.

И такъ я поспѣшилъ на встрѣчу Ралейгу и изъявилъ ему свое раскаяніе въ дерзости, которую вчера позволилъ себѣ.

— Ничто на свѣтѣ, сказалъ я, не въ силахъ исторгнуть изъ меня ни одного слова въ извиненіе, ничто, кромѣ совѣсти, упрекающей меня въ моемъ поступкѣ. Я надѣялся, что братъ мой приметъ чистосердечное увѣреніе раскаянія, и разсудитъ, что причиною вины моей было примѣрное гостепріимство Осбалдистонъ-Галля.

— Онъ будетъ другомъ твоимъ, вскричалъ добрый Сиръ Гельдебрандъ отъ полноты сердца; онъ будетъ твоимъ другомъ, или пусть чортъ меня возметъ, если я хоть разъ назову его сыномъ! Что стоишь ты какъ пень, Ралейгъ? Ты жалѣешь; да! чортъ возьми! чегожъ больше требовать отъ дворянина, когда онъ напроказилъ забивши за галстукъ. Я служилъ, такъ, кажется, долженъ знать эти дѣла. Ну, чтобъ я не слыхалъ болѣе объ этомъ; мы вмѣстѣ поѣдемъ травить сурка въ Биргенсвудъ-Банкѣ.

Я сказалъ уже, что физіогномія Ралейга имѣла необыкновенный характеръ, и что съ роду не видалъ подобной; но не столько въ чертахъ заключалась эта странность, какъ въ особенномъ образѣ измѣнять ихъ выраженіе. При переходѣ отъ радости къ печали, отъ негодованія къ удовольствію, есть краткой промежутокъ времени, пока господствующая страсть не изобразится во всѣхъ чертахъ и не займетъ изключительно мѣста предшествовавшей, какъ между ночью и восхожденіемъ солнца мы видимъ невѣрный свѣтъ сумерекъ, такъ замѣчаемъ родъ нерѣшительности въ выраженіи лица, пока мускулы опадутъ, чело прояснится, глаза получатъ прежній блескъ, пока, наконецъ, все лице, освободясь отъ мрачнаго тумана, принимаетъ спокойный и ясный видъ. Но физіогномія Ралейга не переходила чрезъ эти степени; двѣ совершенно противныя страсти вдругъ

одна за другою появлялись на лицѣ его. Такова мгновенная перемѣна декорацій въ театрѣ: машинистъ свиститъ и скала исчезаетъ и дворецъ воздвигается.

Но такая странность всего болѣе поразила меня при семъ случаѣ; когда Ралейгъ вошелъ, взоръ его выражалъ всѣ враждебныя страсти; безъ малѣйшей перемѣны въ лицѣ, слушалъ онъ и мои извиненія и увѣщанія отца своего. Но едва Сиръ Гильдебрандъ кончилъ, и мрачное облако, покрывавшее чело Ралейга, исчезло, самымъ учтивымъ и привѣтливымъ голосомъ изъявлялъ онъ свою благодарность за извиненія, какія мнѣ угодно было ему сдѣлать.

— Ахъ, Боже мой! сказалъ онъ, у меня тоже преслабая голова; когда я выпью болѣе трехъ положенныхъ стакановъ вина, то у меня, какъ у добраго Кассіо, остается одно темное понятіе о вчерашней суматохѣ.

Мнѣ представляется все въ кучѣ и ничего не помню особливо. Знаю, что была ссора, вотъ и все тутъ. И такъ, любезный братецъ, прибавилъ онъ, пожимая мнѣ дружески руку, какое приятное удовольствіе я почувствовалъ, когда увидѣлъ, что не только я не долженъ просить прощенія, но еще передо мной извиняются. Но перестанемъ говорить объ этомъ; глупо разсматривать счетъ, итогъ котораго былъ бы невыгоденъ для меня, тогда какъ онъ такъ неожиданно вышелъ въ мою пользу. Вы видите, Г. Франкъ, что я говорю уже языкомъ Ломбардъ-Стритскимъ и готовлюсь къ приличному отправленію моей должности.

Я хотѣлъ отвѣчать, и поднялъ потупленный отъ стыда взоръ, который встрѣтился со взоромъ Миссъ Вернонъ. Она тихо вошла во время разговора и слушала его внимательно-

но; смущенный и разстроенный, я, молча, поникъ головою и печально сѣлъ подлѣ братьевъ, коихъ занималъ исключительно завтракъ.

Дѣдъ мой не упустилъ случая и прочелъ намъ съ Ралейгомъ нравственную проповѣдь: совѣтовалъ отстать отъ смѣшныхъ и опасныхъ привычекъ, приучаться къ дѣйствію вина во избѣжаніе брани и споровъ, и начать тѣмъ, что выпивать каждой день по бутылкѣ портовскаго, а этаго — ежели прибавить мартовскаго пива и нѣсколько стакановъ водки, — очень довольно для новичковъ въ искуствѣ пить. Въ одобреніе намъ сказалъ, что зналъ многихъ, которые достигали нашихъ лѣтъ, не выпивъ и трехъ бутылокъ вина; но которые, однако, попавъ случайно въ лучшее общество и подражая хорошимъ примѣрамъ, заслужили блистательную славу въ этомъ родѣ и могли спокойно опростать шесть

бутылокъ, не теряя разсудка и не сдѣлавшись больными на другое утро.

Не смотря на мудрый совѣтъ и на блестящую будущность, которую онъ открывалъ мнѣ, я мало воспользовался имъ; показывалъ, что слушалъ дядю, но думалъ совсѣмъ о другомъ. Всякой разъ, какъ я обращалъ взоры на Миссъ Вернонъ, замѣчалъ, что ея глаза были устремлены на меня, читалъ на лицѣ ея выраженіе жалости и вмѣстѣ неудовольствія. Я искалъ случая изъясниться съ ней и представить свое оправданіе; но скоро понялъ, что она рѣшилась избавить меня труда просить свиданія. — Братецъ Франкъ, сказала она, называя меня именемъ, какое по привычкѣ давала другимъ Осбалдистонамъ, хотя точно говоря, я не былъ ея братомъ, — мнѣ встрѣтилось нынче поутру одно мѣсто въ Divina comedia Данта; не угодно ли взойти

въ библіотеку и изъяснить мнѣ его? А открывши настоящій смыслъ въ темномъ Флорентинцѣ, вы придете къ симъ господамъ и увидите, такъ ли счастливо удастся вамъ открыть нору сурка.

Я тотчасъ отвѣчалъ, что готовъ слѣдовать за нею, а Ралейгъ вызвался провожать насъ. — Я скорѣе могу, сказалъ онъ намъ, искать смысла въ Дантѣ сквозь метафоры и темноту слога, нежели выгонять бѣднаго пустынника изъ его убѣжища.

— Извините меня, Ралейгъ, сказала Миссъ Вернонъ; но какъ вы скоро займете мѣсто Г-на Франка въ Лондонскомъ банкѣ, то должно уступить ему воспитаніе вашей питомицы въ Осбалдистонъ-Галлѣ. Впрочемъ, мы призовемъ васъ, если будетъ нужно; да не принимайте пожалуйста такого важнаго вида. Притомъ, какъ Осбалдистону, вамъ стыдно быть плохимъ охотникомъ. Что вамъ дѣ-

потому не забуду постучаться въ дверь библіотеки, прежде нежели войду въ нее.

— Нѣтъ, нѣтъ, Ралейгъ, сказала Миссъ Вернонъ, отгоните прочь ложнаго очарователя, названнаго лицемѣріемъ; вотъ лучшій способъ открыть свободный входъ къ намъ во время нашихъ ученыхъ разговоровъ.

При сихъ словахъ она пошла въ библіотеку, и я послѣдовалъ за ней.... какъ преступникъ, хотѣлъ сказать, котораго ведутъ на казнь; но мнѣ кажется, что я раза два употребилъ это сравненіе; и потому, оставя его, скажу просто, что послѣдовалъ за нею съ трепетомъ и страхомъ, и что далъ бы все на свѣтѣ, чтобъ преодолѣть послѣдній. Онъ мнѣ казался совсѣмъ не кстати въ этомъ случаѣ: ибо я довольно подышалъ воздухомъ твердой земли, испыталъ, что счастливаго смертнаго, коего молодая прелестная дѣвушка удо-

стоиваетъ разговоромъ наединѣ, должны отличать три существенныя качества: вѣтренность, ловкость и самонадѣянность.

Но на этотъ разъ чувства Англичанина взяли верхъ надъ Французскимъ воспитаніемъ; я теперь представляю себѣ, какую жалкую рожу я сдѣлалъ, когда Миссъ Вернонъ, величественно сѣвши въ кресла, какъ судья предъ рѣшеніемъ важнаго дѣла, дала мнѣ знакъ сѣсть на противъ, что я исполнилъ дрожа, какъ бѣдный преступникъ предъ осужденіемъ; и она начала разговоръ тономъ самой язвительной насмѣшки.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

»Жестокосердъ былъ первый человѣкъ, который въ ядѣ омочилъ »убійственную шпагу; но еще безчеловѣчнѣе, во сто разъ вѣроломнѣе тотъ, кто первый равнодушно ядомъ наполнилъ гостепріимную чашу.«

Неизвѣстный.

— По чести, Г-нъ Франкъ Осбалдистонъ, сказала Миссъ Вернонъ съ видомъ особы, увѣренной въ своемъ правѣ насмѣхаться; по чести вы насъ всѣхъ побѣдили. Я не думала, что вы такъ достойны своего благороднаго имени. Вчерашній день покрылъ васъ славой; вы намъ показали свои права войти въ почтенное сословіе Осбалдистоновъ. Они неоспоримы и вашъ

начальный опытъ былъ мастерскимъ дѣломъ.

— Сознаюсь въ своей винѣ, Миссъ-Вернонъ; но я получилъ извѣстія, возмутившія мой разсудокъ. Вотъ все, что могу сказать въ оправданіе; чувствую, что я былъ какъ не льзя глупѣе и неучтивѣе.

— О, нѣтъ, возразилъ неумолимый судья, вы не отдаете справедливости себѣ. Судя потому, что я видѣла, и что послѣ мнѣ разсказали, что въ одинъ вечеръ вы показали всѣ высокія качества, отличающія вашихъ братцевъ: кротость и обходительность Ралейга, умѣренность Персея, хладнокровіе Торнклифа, терпѣніе Жона; но всего удивительнѣе вашъ выборъ мѣста и времени, чтобъ выказать свои рѣдкія способности, выборъ достойный Дикова вкуса и Вильфредова ума.

— Пожалѣйте меня немного, Миссъ Вернонъ, сказалъ я; ибо признаюсь,

что почиталъ выговоръ справедливымъ, особливо вспомнивъ, кто мнѣ дѣлаетъ его. Простите, ежели въ извиненіе сумазбродства, въ которое не всегда впадаю, я осмѣлюсь сослаться на обычаи здѣшняго дома и здѣшней страны. Я не хвалю этаго, но опираюсь на мнѣніе Шекспира; онъ называетъ вино добрымъ товарищемъ и говоритъ, что всякой человѣкъ рано или поздно можетъ быть пьянымъ.

— Это правда, Г-нъ Франкъ; но Шекспиръ влагаетъ это похвальное и защитительное слово въ уста самаго закоренѣлаго изъ злодѣевъ, написанныхъ его кистью. Впрочемъ, я не хочу пользоваться преимуществомъ, какое мнѣ даетъ ваша ссылка; не хочу стыдить васъ отвѣтомъ, которымъ Кассій опровергаетъ его. Я желаю только, чтобъ вы знали, что есть хоть одна особа жалѣющая, что молодой человѣкъ съ такими способно-

стями и такъ много обѣщавшій, вязнетъ въ болотѣ, въ коемъ каждый вечеръ купаются жители замка.

— Увѣряю васъ, Миссъ Вернонъ, что я на минуту занесъ въ него ногу, и увидя теперь, какъ отвратительно это болото, не ступлю ни одного шагу впередъ.

— Если таково намѣреніе ваше, возразила она, то оно благоразумно, и я хвалю его. Но меня такъ терзаютъ слухи объ этомъ, что я не могла не изъясниться съ вами, прежде нежели начнемъ говорить о томъ, что собственно относится ко мнѣ. Ваше вчерашнее обхожденіе со мною за столомъ ясно показывало, что вы слышали на мой счетъ нѣчто такое, что уменшило ваше уваженіе ко мнѣ. Не угодно ли вамъ изъясниться получше?

Я обомлѣлъ. Этотъ неожиданный, рѣшительный вопросъ былъ сказанъ

не такимъ голосомъ, какимъ восмнадцати-лѣтняя дѣвушка спрашиваетъ молодаго мущину; но учтивымъ и твердымъ тономъ человѣка, требующаго отъ другаго изъяснить свои поступки. Въ немъ было совершенное отсутствіе тѣхъ длинныхъ оборотовъ, тѣхъ личностей и намѣковъ, которые обыкновенно употребляются людьми различнаго рода въ ихъ разговорахъ.

Я находился въ ужасномъ смущеніи; ибо тогда въ спокойномъ духѣ, представивъ себѣ слова Ралейга, я принужденъ былъ сознаться, что и предполагая въ нихъ основательность, они бы должны были возбудить въ душѣ моей чувство сожалѣнія къ Миссъ Вернонъ, а не дѣтское негодованіе; но если бы они и могли совершенно оправдать мои поступки, то пріятно ли мнѣ повторять то, что такъ чувствительно должно оскорбить гордость Діаны, Видя,

что я колеблюсь отвѣтомъ, она сказала мнѣ твердымъ и рѣшительнымъ, но кроткимъ голосомъ:

— Надѣюсь, Г-нъ Осбалдистонъ согласится, что я имѣю право требовать изъясненія; у меня нѣтъ родственниковъ, нѣтъ друзей, защитниковъ, и такъ естественно, что я хочу сама оправдать себя.

Съ большою неловкостію старался я извинить грубость моего обращенія нездоровьемъ, неприятными письмами изъ Лондона. Она дала мнѣ истощить всѣ предлоги, безъ жалости къ моему смущенію, и прослушала ихъ съ улыбкой недовѣрчивости.

— Ну теперь, Г-нъ Франкъ, когда вы кончили прологъ оправданія съ обыкновенною неловкостію всѣмъ прологамъ, не угодно ли поднять завѣсы и показать то, что мнѣ хочется видѣть? Словомъ, перескажите слова Ралейга: вѣдь онъ ворочаетъ

всѣми машинами въ Осбалдистонъ-Галлѣ.

— Но положимъ, Мисеъ Вернонъ, что онъ сказалъ мнѣ нѣчто; каковъ же долженъ быть человѣкъ, который измѣняетъ тайнамъ одной державы и открываетъ ихъ державѣ союзной?... А вы сказали мнѣ, что Ралейгъ, не будучи вамъ другомъ, все еще вашъ союзникъ.

—О! пожалуйста не увертывайтесь и перестаньте шутить; у меня нѣтъ ни терпѣнія, ни охоты слушать васъ. Ралейгъ не можетъ, не долженъ, не смѣетъ говорить ничего обо мнѣ, о Діанѣ Вернонъ, чегобъ я слышать не могла. Правда, у насъ есть тайны; но не объ этихъ тайнахъ говорилъ онъ вамъ, не ко мнѣ собственно относятся эти тайны.

Между тѣмъ, какъ она говорила, присутствіе духа возвратилось ко мнѣ, и я рѣшился не открывать того, что Ралейгъ по одной довѣренно-

сти сказалъ мнѣ: я почитаю низкимъ пересказывать тайные разговоры. Моя нескромность могла огорчить Миссъ Вирнонъ и не принесла бы никакой пользы. Я важно отвѣчалъ, что нашъ разговоръ съ Ралейгомъ шелъ о семейственныхъ дѣлахъ, увѣрялъ, что не слыхалъ ничего, чтобъ оставило во мнѣ невыгодное впечатлѣніе на счетъ ея, и изъявлялъ надежду, что она удовольствуется такимъ увѣреніемъ и не потребуетъ подробностей, которыя честь запрещала открывать мнѣ.

— Честь! вскричала она, вскочивъ со стула съ пылкостію и содроганіемъ Камиллы, готовой летѣть на брань; честь! Это значитъ, что моя опорочена. Прочь эти увертки: они безполезны; мнѣ нуженъ положительный отвѣтъ! Щеки покраснѣли у ней, лице горѣло и глаза сверкали. — Я требую, прибавила она голосомъ, отъ котораго разрывалось сердце, я требую объ-

ясненія, какого женщина гнусно оклеветанная вправѣ требовать отъ человѣка, который называется честнымъ, какого бѣдное созданіе безъ подпоры, безъ друзей, безъ наставника, безъ защитниковъ, одинокое въ цѣломъ свѣтѣ, имѣетъ права требовать отъ существа болѣе счастливаго; именемъ Бога, который послалъ ихъ на землю одного для наслажденія, другую для страданій. Вы не откажете мнѣ, или, прибавила она, подъемля торжественно взоры, вамъ отмстятъ за меня, если только есть какое нибудь правосудіе на землѣ или въ небѣ.

Меня поразила такая пылкость; но я чувствовалъ, что послѣ подобнаго вызова мнѣ должно поступать со строгою разборчивостію, и пересказалъ ей въ кратцѣ, что узналъ изъ разговора съ Ралейгомъ. Увидя, что я хочу удовлетворить ея, она сѣла и слушала со вниманіемъ; но когда

я останавливался, дабы прiискать выраженiе понѣжнѣе и тѣмъ смягчить то, что мнѣ казалось сдѣлало бы на нее сильное впечатлѣнiе, она тотчасъ говорила:

—Продолжайте, сдѣлайте милость продолжайте; первое слово, которое войдетъ въ голову яснѣе и потому лучше. Не заботтесь о моихъ мысляхъ, говорите мнѣ, какъ бы вы говорили другому, совсѣмъ посторонкему въ этомъ дѣлѣ.

Побуждаемый неотступными просьбами, я повторилъ, что Ралейгъ сказалъ мнѣ о семейственномъ договорѣ, въ слѣдствiе коего она обязывалась выдти за однаго изъ Осбалдистоновъ. Я бы не хотѣлъ говорить больше, но ея проницательность открыла, что я отъ ней что-то таилъ и, казалось, все угадала.

— Это не все; Ралейгъ сказалъ вамъ больше, что именно касается до него, не такъ ли?

Онъ говорилъ, что еслибъ не сожалѣніе смѣнить Торнклифа, то онъ бы желалъ теперь, когда новое поприще позволяетъ ему жениться, чтобъ на мѣсто имени Торнклифа, его имя наполнило пустое мѣсто въ разрѣшеніи.

— О! не уже ли, возразила она, не уже ли онъ такъ снисходителенъ? Много чести для меня.... и вѣрно онъ думаетъ, что такая смѣна, когда она збудется, приведетъ въ восторгъ Діану Вернонъ.

— Точно, онъ говорилъ мнѣ это, и даже сказалъ....

— Что?... Я должна все знать! вскричала она скоро.

— Будто бы прекратилъ онъ съ вами дружбу изъ опасенія, чтобъ изъ нее не родилась страсть, воспользоваться которой ему запрещало назначеніе его къ духовному званію.

— Много обязана ему за сію предусмотрительность, отвѣчала Миссъ-Вернонъ, всѣ черты которой выра-

жали глубокое презрѣніе. Она подумала съ минуту и съ величайшимъ хладнокровіемъ продолжала:—Ваши слова не удивляютъ меня: я ожидала почти подобнаго расказа, ибо, за исключеніемъ одного обстоятельства, это сущая правда. Есть яды столь сильные, что нѣсколько капель достаточно для отравленія ручья, такъ и въ открытіи Ралейга есть ужасная ложь: она могла бы заразить и кладезь, въ коемъ истина скрывается. Зная Ралейга—а мнѣ очень можно знать его—я ни зачто въ свѣтѣ ни подумаю выдти за него. Нѣтъ! вскричала она, содрагаясь отъ ужаса, нѣтъ! на все въ свѣтѣ соглашусь, но не пойду за Ралейга; лучше пьяницу, спорщика, жокея, дурака возьму: я ихъ въ тысячу разъ почитаю болѣе, и для меня лучше монастырь или тюрма, лучше гробъ всякаго изъ шестерыхъ.

Звукъ ея голоса отзывался чѣмъ-то печальнымъ, что отвѣчало волненію

ея души и странности положенія. Какъ! такъ молода, такъ прелестна, безъ опытности, оставленная самой себѣ и не имѣетъ ни друга, который бы присутствіемъ служилъ ей покровомъ, и лишена даже той защиты, какую въ свѣтѣ доставляютъ ея полу приличія и уваженія, — нѣтъ, не метафора будетъ, когда скажу, что сердце мое обливалось кровью за нее. Впрочемъ въ этомъ презрѣніи пустыхъ обрядовъ было нѣчто важное, въ ненависти къ обману какое-то величіе въ особливомъ образѣ смотрѣть на окружающія опасности, рѣшительность и мужество наконецъ въ поступкахъ родъ какого-то героизма, который внушалъ мнѣ благоговѣйное удивленіе. Ее почли бы Королевой, оставленной подданными и лишенной власти: она все еще презираетъ эти приличія, эти условія общества, выдуманныя для людей низшаго сословія; все сохраняетъ твердость духа и не-

поколебимое постоянство, и посреди всѣхъ препятствій полагаетъ свое упованіе на правосудіе неба.

Я хотѣлъ ей выразить чувство жалости и удивленія къ ея несчастіямъ и ея постоянству, но она прервала меня.

— Я шутя сказала, что презираю комплименты, теперь сурьезно говорю, что не люблю утѣшеній. Я все перенесла, что должно было претерпѣть; и еще, что нужно претерпѣть и то перенесу. Безплодная жалость не облегчаетъ ига, бременящаго бѣднаго невольника; во всемъ мірѣ существовалъ человѣкъ, онъ одинъ мнѣ могъ помочь, и этотъ человѣкъ захотѣлъ лучше увеличить бѣдствія мои: это Ралейгъ Осбальдистонъ.—Да, было время, когда я могла бы научиться любить его; но, Великій Боже! причина, по коей онъ вкрался въ довѣренность бѣднаго, совершенно одинокаго созданія, постоянное, неизмѣн-

ное желаніе завлечь меня въ бездну, изрытую подъ ногами, не внимая ни гласу совѣсти, ни гласу сожалѣнія, ужасная причина, для которой онъ въ ядъ превращалъ пищу, коей питалъ мою душу, о Боже мой! чтобъ было со мной и въ этомъ и въ другомъ мірѣ, когда бы попалась въ сѣти безчестнаго злодѣя.

Эти слова, новое вѣроломство, которое я изъ нихъ увидѣлъ, такъ поразили меня, что я всталъ, не зная что дѣлаю, схватился за ефессъ шпаги и побѣжалъ къ двери въ намѣреніи идти къ тому, на кого долженъ пасть праведный гнѣвъ мой. Едва переводя дыханіе, со взоромъ, въ коемъ выраженіе безпокойства смѣнило признаки ненависти и презрѣнія, Миссъ Вернонъ бросилась между дверью и мною.

— Остановитесь, остановитесь! вскричала она; какъ несправедливо негодованіе ваше, но вы не знаете и половины таинствъ этой ужасной тем-

ницы. Она пробѣжала безпокойнымъ взоромъ комнату, и понизя голосъ, сказала мнѣ:—Есть одно очарованіе, оно хранитъ его жизнь, и вы не можете напасть на него не подвергнувъ опасности существованіе другихъ особъ. О если бы не это, въ какую нибудь минуту, въ какой нибудь, назначенный правосудіемъ, часъ эта рука, какъ ни безсильна, но могла бы отмстить за меня. Я сказала вамъ, что мнѣ не надобно утѣшенія; теперь скажу, что не нуженъ и мститель.

Я сѣлъ и невольно размышлялъ о томъ, что услышалъ, и вспомнилъ забытое мною въ первомъ движеніи, вспомнилъ, что не имѣю никакого права назваться рыцаремъ Миссъ-Вернонъ. Она умолкла на минуту, и дала время отдохнуть и успокоиться мнѣ.

— Я сказала, что у меня съ Ралейгомъ есть пагубная, несчастная тайна. Какъ онъ ни подлъ, какъ ни увѣренъ, что мнѣ извѣстна его подлость,

я не могу, я не смѣю ни ссориться съ нимъ, ни противиться ему. И вы, Г-нъ Франкъ, вооружитесь терпѣніемъ, будьте осторожнѣе, разрушайте его ковы противополагая имъ благоразуміе; но не дѣйствуйте такъ открыто и такъ дерзко, избѣгайте поступковъ, подобныхъ вчерашнимъ; они дадутъ ему преимущество, коимъ онъ постарается воспользоваться. Вотъ какой совѣтъ я не хотѣла вамъ дать, вотъ для чего желала съ вами говорить; но простерла свою довѣренность далѣе, нежели предполагала.

Я увѣрялъ ее, что она не будетъ въ томъ раскаяваться.

—И я также думаю, отвѣчала она; ваши поступки, ваше обращеніе подтверждаютъ мою довѣренность. Будемъ друзьями; вамъ нѣчего бояться, прибавила она съ улыбкой, непринужденнымъ и свободнымъ голосомъ, хотя и покраснѣвъ не много, вамъ нѣчего бояться, что наша дружба будетъ благовиднымъ

предлогомъ для другаго чувства; воспитанная съ мущинами, пріучась къ ихъ образу мыслей и дѣйствованій, я болѣе принадлежу къ ихъ полу. Притомъ мнѣ назначенъ монастырь, надъ головой виситъ роковое покрывало, и будьте увѣрены, что для избѣжанія моей участи я никогда не покорюсь ненавистному условію, которое мнѣ предлагаютъ. Не приспѣло еще время, когда я должна постричься, и единственно въ намѣреніи наслаждаться свободою, я не совершенно отказала назначенному супругу; но вы объяснили мнѣ Данта, и такъ подите посмотрѣть, что сдѣлалось съ неустрашимыми охотниками; мнѣ же не позволяетъ съ вами идти несносная головная боль.

Но я пошелъ изъ библіотеки не къ братьямъ, а вышелъ подышать чистымъ воздухомъ и успокоиться до свиданія съ Ралейгомъ, котораго ужасный характеръ открылся предо мною,

котораго гнусное злодѣйство внушило мнѣ такую ненависть, что мнѣ бы не возможно было удержать себя въ первую минуту. Отъ семейства Дюбурговъ, бывшихъ реформатскаго исповѣданія, я слышалъ много повѣстей о католическихъ священникахъ, которые, нарушая священные права гостепріимства, удовлетворяли страстямъ, не сообразнымъ съ правилами ихъ званія. Но въ тысячу разъ ужаснѣе самой страшной изъ повѣстей, слышанныхъ въ Бордо, казался мнѣ хитро устроенный планъ: взять на себя воспитаніе беззащитной, несчастной сироты изъ своей же фамиліи, съ коварнымъ намѣреніемъ обольстить и изложенный предъ мною съ такимъ благороднымъ гнѣвомъ невиннымъ созданіемъ, которое онъ хотѣлъ принести въ жертву скотскому сладострастію, я чувствовалъ, что встрѣтясь съ Ралейгомъ мнѣ трудно будетъ укротить бѣшенство, коимъ

кипѣлъ я. Между тѣмъ нужно было воздержаться какъ потому, что не имѣлъ явной причины ссориться, такъ и по таинственнымъ словамъ Діаны; ибо я не могъ лишить его жизни, не подвергая опасности жизнь другаго.

Я рѣшился подражать скрытности Ралейга во все время, какъ буду жить съ нимъ вмѣстѣ, но когда онъ соберется въ Лондонъ, я намѣренъ былъ написать къ Оуну, начертать ему легкой абрисъ его характера, и тѣмъ заставить остерегаться и наблюдать выгоды отца моего. Я справедливо думалъ, что гнусность и честолюбіе владѣютъ болѣе распутства такою порочною душою, какова была душа Ралейга. Твердость характера, искусство прикрывать себя маской добродѣтели, доставятъ ему довѣренность отца моего, а совѣсть и благодарность не помѣшаютъ ему употреблять ее во зло. Эта обязанность, наложенная мнѣ должностью, была очень затруд-

нительна въ моемъ положеніи, потому что желаніе поселить невыгодное мнѣніе на щетъ Ралейга припишутъ многіе зависти или досадѣ, что онъ смѣнилъ меня въ Конторѣ и сердцѣ родительскомъ. Но какъ это письмо было необходимо для удаленія несчастныхъ послѣдствій, и притомъ, зная осторожность и скромность Отца, къ коему я рѣшился адресоваться, я сѣлъ, написалъ его и послалъ по первой почтѣ.

Увидѣвшись съ Ралейгомъ, я замѣтилъ, что онъ подобно мнѣ остерегался и избѣгалъ всякаго повода къ спору. Онъ догадался, что нашъ разговоръ съ Миссъ-Вернонъ не былъ для него выгоденъ, но не зналъ, что она открыла всю низость поступковъ, всю подлость его плановъ. Въ продолженіи немногихъ дней, проведенныхъ имъ въ Осбалдистонъ-Галлѣ, замѣтилъ два обстоятельства, которыя меня особенно поразили. Вопервыхъ, невѣ-

роятная легкость, съ какой онъ узналъ начальныя основанія, необходимыя для его новаго званія; онъ безъ отдыху изучалъ ихъ и часто хвастался передо мною, дабы показать какъ легка для него тяжесть, которую я не могъ снести. Во вторыхъ: мнѣ показалось всего страннѣе, что, не смотря на все, что ни говорила Миссъ-Вернонъ о Ралейгѣ, у ней были частыя и продолжительныя бесѣды въ библіотекѣ, хотя при насъ они совсѣмъ не разговаривали и, казалось, менѣе обыкновеннаго были дружны.

Въ день Ралейгова отъѣзда, отецъ простился съ нимъ равнодушно, братья съ неискусно-скрытою радостью школьниковъ, когда у нихъ уѣзжаетъ учитель: они чувствуютъ радость, но не смѣютъ ее показать, а я съ холодною учтивостью. Когда онъ подошелъ обнять Миссъ-Вернонъ, она отступила съ гордымъ и презрительнымъ видомъ, но подавая руку, сказала ему:

— Прощайте Ралейгъ, да наградитъ васъ небо за добрыя дѣла, какія вы свершили, и проститъ за худыя, какія замышляли.

— Аминь! любезная сестрица, отвѣчалъ онъ съ видомъ сердечнаго сокрушенія, которому, я думаю, онъ научился въ Сентъ-Омерской Семинаріи: блаженъ, чьи добрыя намѣренія созрѣваютъ, а злыя умираютъ при рожденіи.

При сихъ словахъ онъ удалился. — Истинный лицемѣръ! сказала мнѣ Миссъ-Вернонъ, когда онъ вышелъ за дверь; удивительно, что такое наружное сходство можетъ существовать между ненавистнымъ и любимымъ предметомъ.

Я послалъ съ Ралейгомъ одно письмо къ отцу и нѣсколько строчекъ къ Ойну, кромѣ особеннаго письма, о которомъ я уже говорилъ, и которое, мнѣ казалось, лучше отправить по почтѣ. Въ моихъ посланіяхъ къ от-

цу и другу, мнѣ бы должно было говорить, что гостя у дяди я не получу никакой пользы, кромѣ того, что выучусь охотѣ и забуду между лакѣями и конюхами всѣ познанія и таланты, какіе у меня только были; нужно бы жаловаться было на скуку и отвращеніе жить съ людьми, которые кромѣ собакъ и лошадей ничѣмъ не занимаются, на всегдашнюю невоздержность семейства, на гоненіе Сиръ Гильдебранда за то, что не подражаю ему; а эта послѣдняя статья на вѣрно бы задѣла за живое моего отца, ибо воздержность онъ почиталъ первою добродѣтелію, и тронуть эту струну, значило отворить двери темницы и сократить время ссылки, или по крайней мѣрѣ, перемѣнить мѣсто оной; но между тѣмъ я ничего этаго не говорилъ въ письмахъ къ отцу и Ойну. Осбалдистонъ-Галль будь знаменитыми, великолѣпными Афинами; будь наполненъ героями, мудрецами и

поэтами, и тогда бы ни за что не согласился жить въ немъ.

Ежели въ тебѣ, любезный Трешемъ, есть хоть одна искра пламени и энтузіазма юности, то ясно поймешь причину моего молчанія. Необыкновенная красота Діаны Вернонъ, которой она такъ мало гордилась, ея таинственное романическое положеніе, несчастія, какія ее угнѣтали и преслѣдовали, ея обращеніе гораздо болѣе откровенное, нежели другихъ особъ ея пола, что показывало чистоту и невинность души, и болѣе всего лестное предпочтеніе, которымъ она отличала меня, все это, соединясь вмѣстѣ, возбуждало во мнѣ участіе, подстрекало любопытство, воспламенило воображеніе и льстило самолюбію. Я не смѣлъ признаться самому себѣ въ участіи, какое она внушила мнѣ, и впечатлѣніи, какое произвела на мое сердце; мы читали, прогули-

вались вмѣстѣ: занятія, удовольствія, забавы, словомъ, все было у насъ общее. Ученіе, которое она принуждена была прервать, поссорившись съ Ралейгомъ, было возобновлено подъ руководствомъ учителя, котораго намѣренія были чище, хотя способности и ограниченнѣе.

Я не могъ ей преподавать наукъ отвлеченныхъ, которыя она начала съ Ралейгомъ, болѣе приличныхъ духовному, а не дѣвушкѣ. Я не понимаю, къ чему онъ завелъ Діану въ непроходимый, мрачный лабиринтъ, который называютъ Философіей, и въ сферу Математики и Астрономіи, наукъ столь же отвлеченныхъ, но болѣе точныхъ, развѣ для того, чтобъ запечатлѣть въ ея умѣ понятіе о различіи половъ и пріучить къ тонкимъ разсужденіямъ, чѣмъ бы онъ могъ воспользоваться для внушенія ей своихъ правилъ. Для тѣхъ же видовъ, но не съ такимъ утонченіемъ и притворствомъ, Ралейгъ

посредствомъ своимъ уроковъ, убѣдилъ Миссъ-Вернонъ возвыситься надъ всѣми приличіями и презирать пустыми условіями, коими полъ ея ограждается, какъ крѣпкою стѣною. Правда, она была удалена отъ сообщества женщинъ и не имѣла подруги, а потому и не могла ни подражать примѣру другихъ, ни узнать общихъ правилъ поведенія, предписываемыхъ ея полу приличіемъ. Но такова была у ней природная скромность и разборчивость ума въ различіи хорошаго отъ худаго, что еслибъ ее не увѣрили, что презрѣніе обыкновенныхъ обрядовъ означаетъ превосходство разсудка и благородную довѣренность невинности, но она никогдабъ не имѣла такого смѣлаго, болѣе мущинѣ приличнаго обращенія, которое такъ удивило меня въ первую минуту. Ея низкій учитель конечно имѣлъ свои выгоды подкапывать твердыню осторожности и благоразумія, коей ограждается добро-

дѣтель; но за чѣмъ открывать всѣ его преступленія: онъ давно далъ отвѣтъ за нихъ предъ Всевышнимъ судилищемъ.

Кромѣ успѣховъ, пріобрѣтенныхъ Миссъ-Вернонъ въ наукахъ отвлеченныхъ, ибо ея живой и проницательной умъ скоро понималъ все, что ей объясняли, я нашелъ, что она также сильна въ древней и новѣйшей Литтературѣ. Еслибъ я не зналъ, что великіе умы тѣмъ скорѣе достигаютъ совершенства, чѣмъ болѣе имѣютъ пособій, я бы не повѣрилъ быстрымъ успѣхамъ Діаны Вернонъ; они еще необыкновеннѣе при сравненіи ея учености съ совершеннымъ невѣденіемъ свѣта и общества. Можно сказать, что она знала все, кромѣ того, что происходило вокругъ нея, и я думаю, что это незнаніе самыхъ простыхъ предметовъ, дѣлая разительную противоположность съ обширными свѣденіями, какими она обладала, придавало ея разговору такую занимательность и

останавливало вниманіе на томъ, что онъ говорилъ; ибо не возможно было предвидѣть, что покажетъ новое слово, которое она готовилась произнести: тонкую ли проницательность или удивительную странность. Находиться безпрестанно съ такимъ любезнымъ занимательнымъ предметомъ, жить съ нею въ такой короткой связи, вотъ положеніе для моихъ лѣтъ самое критическое, хотя и старался скрывать отъ себя его опасность.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

»Нѣтъ, это не обманъ! Яркой »блескъ освѣщаетъ стекла ея »оконъ. Въ полночь! въ такомъ »мѣстѣ! чтожъ это затайна?«

Не льзя описать, какую однообразную жизнь мы вели въ Осбалдистонъ-Галлѣ. Я и Діана Вернонъ посвящали большую часть времени на ученье; другіе проводили дни занимаясь охотою, къ нимъ иногда присоединялись и мы. Мой дядя привыкалъ ко всему, и такъ привыкъ наконецъ къ моему присутствію и образу жизни, что я совершенно понравился ему. Я бы могъ и далѣе войти въ довѣренность его, еслибъ захотѣлъ употребить хитрости Ралейга, который поль-

зуясь отвращеніемъ отъ дѣлъ отца своего, не чувствительно вкрался въ управленіе имѣніемъ; хотя я охотно помогалъ дядѣ своимъ перомъ и познаніями въ Ариѳметикѣ, когда ему нужно было написать письмо къ сосѣду или разчитаться съ Арендаторомъ, однако по разборчивости не хотѣлъ мѣшаться въ управленіе дѣлъ, и добрый Шевалье, называя племянника Франка усерднымъ, расторопнымъ молодцемъ, сознавался, что никогда не думалъ, что Ралейгъ такъ нуженъ ему.

Не пріятно жить въ семействѣ и быть не въ ладу съ членами онаго; а потому я сдѣлалъ нѣсколько попытокъ доставить себѣ дружбу братьевъ. Я перемѣнилъ шляпу съ золотой петлицой на охотничью шапку, за что получилъ нѣкоторое уваженіе Жона. Укротилъ горячую лошадь съ такою силою, что она ввела меня въ довѣренность у Дика. Два, три заклада

проигралъ Вильфреду, двѣ, три бутылки опросталъ съ Персеемъ и приобрѣлъ дружбу всѣхъ молодыхъ господъ, изключая Торнклифа.

Я уже сказалъ, что этотъ молодой человѣкъ всегда удалялся меня, ибо, будучи нѣсколько умнѣе своихъ братьевъ, онъ имѣлъ дурной характеръ. Грубый, подозрительный и сварливый, онъ казалось былъ недоволенъ, что я гощу въ Осбалдистонъ-Галлѣ и смотрѣлъ завистливыми, ревнивыми глазами на мою дружбы съ Діаною Вернонъ, которая, въ слѣдствіе одного семейственнаго договора, назначена была ему въ супруги. Я пробовалъ нѣсколько разъ помириться съ Торнклифомъ, но онъ отвергнулъ мои покушенія съ пріятнымъ видомъ собаки, которая глухо ворчитъ и кажется хочетъ укусить, когда чужой человѣкъ ее погладитъ. И такъ я оставилъ Торнклифа съ его угрюмостью, и не старался болѣе примириться съ нимъ.

Таково было мое положеніе относительно всѣхъ членовъ этой семьи; но я долженъ упомянуть и о другомъ жителѣ за́мка, съ коимъ я говорилъ иногда: это садовникъ Андрей Ферсервисъ; узнавъ, что я протестантъ, онъ никогда не пропускалъ меня, не открывъ мнѣ своей Шотландской табакерки; такая учтивость, по многимъ причинамъ, была для него выгодна: во первыхъ, она ничего ни стоила ему, ибо я не бралъ табаку, а притомъ это былъ лучшій предлогъ для Андрея, любившаго прерывать по времени работу и нѣсколько минутъ отдыхать, облокотясь на заступъ; но болѣе всего это былъ предлогъ, въ продолженіи нашей бесѣды, разсказывать новости, какія онъ слышалъ, и дѣлать колкія замѣчанія, внушенныя ему сатирическимъ его умомъ.

— Ну, я скажу вамъ сударь, говорилъ онъ мнѣ однимъ вечеромъ съ важностію, съ какою обыкновенно

сообщалъ всѣ любопытныя новости, и такъ я вамъ скажу, что былъ нынче поутру въ Триллей-Кновѣ.

— Ну, Андрѣй, чтожъ новаго узналъ ты въ кабакѣ?

— Боже меня сохрани ходить въ кабакъ!... то есть, развѣ сосѣдъ попотчуетъ; а идти туда и издерживаться, нѣтъ! и жизнь не легка и денежки - то трудно добывать.... Но я сказалъ, что былъ въ Триллей-Кновѣ за бездѣльнымъ дѣломъ со старухой Самсонъ: ей надобно нѣсколько сотенъ грушъ, а у меня ихъ столько, что въ за́мкѣ всего и не съѣдятъ, то почемужъ не угодить ими доброй женщинѣ. Ну, покуда мы торговались, вдругъ вошелъ Патрикъ - Мехредей, странствующій купецъ.

— Разнощикъ, хочешь ты сказать?

— Все равно, ваша честь, какъ ни назовите, я знаю только, что это честное и доходное ремесло.... Пат-

рикъ не много мнѣ съ родни, и мы были ради такой встрѣчи.

— И вѣрно выпили бутылку пива, не такъ ли?... Да ну, Андрей, ради Бога, сократи свой разсказъ.

— Господи помилуй! постойте не много. Вы жители Юга слишкомъ ужъ поспѣшны. Дайте мнѣ отдохнуть, вѣдь это касается до вашей части, и потому будьте терпѣливѣе, если хотите узнать!... Бутылку пива!... Да, Патрикъ вызвался заплатить за одну, но старуха Самсонъ дала намъ по большой чашкѣ молока, да по ячменной булкѣ, мы сѣли и кой о чемъ начали толковать между собой.

—Ахъ! пожалуста покороче, Андрей. Разсказывай поскорѣй новости, ежели онѣ есть у тебя; мнѣ не льзя же пробыть здѣсь цѣлую ночь.

— Господи помилуй! и мнѣ то же не льзя! какъ поработаешъ днемъ, не станешъ вечеромъ болтать. Братъ Патрикъ сказалъ мнѣ, что въ Лондо-

нѣ были такъ.... маленькія сплетни на щетъ того дѣла.

— Какого дѣла? и что ты хочешь сказать?

— Дѣла,... гмъ!... какъ будто незнаете.... Ну, на дорогѣ....

— На дорогѣ! хоть убей не понимаю.

— Ну, да! сказалъ Андрей таинственнымъ голосомъ, на щетъ чемодана....

— Какого чемодана? говори яснѣе!

— Моррисова чемодана: онъ потерялъ его тамъ; но если это не дѣло вашей чести, то и не мое также, а мнѣ нехочется терять такого хорошаго вечера.

И вдругъ, какъ будто пришелъ къ нему припадокъ дѣятельности, Андрей снова принялся копать.

Негодяй удачно предвидѣлъ: онъ подстрекнулъ мое любопытство, но я ожидалъ, пока болтливость опять приведетъ его къ оставленному пред-

мешу, не желая, чтобъ онъ замѣтилъ, что я принимаю участіе въ семъ дѣлѣ. Но Андрей продолжалъ работать съ жаромъ, по временамъ говорилъ, но не объ новостяхъ Мекредея, а я слушалъ все, проклиная его изъ глубины сердца; но мнѣ хотѣлось видѣть: долго ли духъ противорѣчія будетъ торжествовать надъ охотою разсказать окончаніе своей повѣсти.

— Я посажу спаржи, потомъ посѣю бобовъ. Вѣдь надо же чѣмъ нибудь приправлять говядину въ замкѣ. Да не такъ имъ вкусно ѣсть, какъ мнѣ трудно выводить. »Андрей, намъ надобно капусты,« сказала старуха Марфа; Господи помилуй! они думаютъ: стоитъ сказать слово и все выростетъ.... Да что-то нынче вечеромъ погода прояснилась, а все отъ того, что завтра Воскресенье; вѣдь если хоть одинъ день хорошій въ недѣли, то вѣрно ужъ Воскресенье.... а, да вотъ и звонокъ, намъ кажется пора идти спать.

Андрей воткнулъ заступъ въ землю; и посматривая на меня съ торжествующимъ видомъ человѣка, который знаетъ важную новость и воленъ сообщить ее и нѣтъ, онъ поправилъ рукава рубашки и взялъ куртку, которую онъ бережно сложилъ на другой грядкѣ.

— Видно надо рѣшиться, подумалъ я, выслушать повѣсть Г. Ферервича, какъ ему хочется разсказать ее. Ну, чтожъ Андрей, какія новости узналъ ты отъ своего брата, странствующаго купца?

— Да, разнощика хотите вы сказать, подхватилъ Андрей съ насмѣшливой улыбкой; да какъ угодно называйте ихъ, а они очень полезны въ такой странѣ, какъ Нортумберландъ, гдѣ города такъ рѣдки. Вотъ въ Шотландіи, это другое дѣло: тамъ есть Графство Фейфское, на примѣръ, вотъ земля: изъ конца въ конецъ, на право и на лѣво, только и видишъ огромныя

селенія, одно подлѣ другаго, такъ что цѣлое Графство составляетъ одинъ городъ. Ну естьли у васъ въ Англіи что нибудь подобное?

— О! разумѣется, нѣтъ. Да ты говорилъ, сей часъ, о Лондонскихъ новостяхъ, Андрей.

Да отвѣчалъ Андрей, но я думалъ, что вашей милости не нужно ихъ знать. Патрикъ Мекредей сказалъ мнѣ, прибавилъ онъ съ кривляніемъ, которое почиталъ за насмѣшливую улыбку, что въ Лондонскомъ Парламентѣ произошла ссора по случаю кражи у Морриса.

Въ Парламентѣ, Андрей? Да къ какой стати?

— Это уже и я спрашивалъ у Патрика. Патрикъ, говорилъ я, да кой чортъ они думали найти въ чемоданѣ! Когда у насъ въ Шотландіи былъ Парламентъ (провались сквозь землю, кто его уничтожилъ) онъ давалъ намъ законы, а не мѣшался въ дѣла, которыя касаются до нижнихъ инстанцій.

Господи помилуй! я думаю кошка опрокинетъ кострюлю и они велятъ ей явиться въ Лондонской Парламентъ. Вѣдь это значитъ, сказалъ я, что они глупѣе стараго хрыча Лерда и его дураковъ сыновей, съ ихъ собаками и лошадьми и рогами.... ну что цѣлой день рыскаютъ за звѣремъ а поймаютъ, онъ не вѣситъ и шести фунтовъ.

— Чудесно разсудилъ, Андрей, сказалъ я ему, желая, чтобъ онъ изъяснился получше; а что отвѣчалъ Патрикъ?

—О! для Англичанина, Патрикъ отвѣчалъ, славно! Но обратимся къ покражѣ. Вотъ какъ эти Торисы и Вейгсы спорили, ругались между собою, бранили другъ друга, вдругъ встаетъ одинъ и протяжно говоритъ, что Якобинцовъ на сѣверѣ Англіи унять не льзя (и не ошибся) что они ведутъ открытую войну; что Королевскій посланный бывъ останов-

ленъ на большой дорогѣ; что знатнѣйшія фамиліи въ Нортумберландѣ участвовали въ этомъ, что.... да мало ли еще чего? что у него отняли много денегъ, важныя бумаги, и много другаго, что когда посланный пришелъ жаловаться совѣстному Судьѣ того мѣста; то нашелъ ихъ за столомъ какъ родню и пріятелей, и что угрозами и обманами принудили его уничтожить свое доношеніе, и наконецъ въ заключеніе всего, честной человѣкъ, котораго ограбили, убрался отсюда, опасаясь бѣды себѣ.

— Да правда ли это, Андрей?

— Патрикъ божился, что это также справедливо, какъ справедливо то, что въ его мѣрѣ аршинъ. Господи помилуй! но воротимся къ нашему дѣлу: когда Министръ кончилъ свою рѣчь, поднялся страшной крикъ, всѣ спрашивали о имени ограбленнаго, разбойниковъ и Судьи, а онъ назвалъ Морриса, вашего дядю, Инглевуда, и еще

другихъ, прибавилъ онъ съ насмѣшкой. Потомъ, всталъ Ораторъ изъ противной партіи и спрашивалъ развѣ можно обвинять знатнѣйшихъ особъ въ Королевствѣ по обвиненію труса, котораго разжаловали въ присутствіи полка за то, что убѣжалъ съ мѣста сраженія и ушелъ во Фландрію и притомъ вѣроятно, что всю эту исторію выдумалъ онъ за одно съ Министромъ, прежде отъѣзда изъ Лондона. Тутъ они приняли Морриса въ пытку, думали вынудить у него признаніе; но бѣдной такъ боялся, чтобъ не возобновили дѣла о побѣгѣ, что, по словамъ Па[illegible]ика, казался не живымъ, а мертвымъ, и отъ него нельзя было допытаться двухъ словъ сряду, такъ испугался ихъ крику. Нѣтъ, видно его голова хуже мерзлой рѣпы, прости меня Господи! ужъ ни какой бы чортъ не помѣшалъ Андрею Ферсервису высказать, что у него лежитъ на сердцѣ.

— Ну, чѣмъ же кончилось дѣло? Узналъ ли твой пріятель?

— Узналъ ли? онъ недѣлей отсрочилъ поѣздку, чтобъ послѣ все пересказать своимъ покупщикамъ. Первый молодецъ началъ скоро понижать свой тонъ, и говорилъ, что ему извѣстно какъ ограбили, но онъ могъ ошибиться въ обстоятельствахъ дѣла, а соперникъ съ противной стороны отвѣчалъ, что ему мало дѣла до Морриса, ограбленъ ли онъ, нѣтъ ли; но зачѣмъ порочить честь знатныхъ дворянъ Нортумберландскихъ, и вотъ что называютъ они изъясниться: одинъ уступитъ не много, другой побольше и вотъ опять они друзья. Вы думаете тѣмъ и кончилось? Ничуть ни бывало, тутъ еще вмѣшалась Камера Перовъ. Въ нашемъ бѣдномъ Парламентѣ и Перы и представители всѣ засѣдали вмѣстѣ и не толковали двухъ разъ объ одномъ и томъ же дѣлѣ. Ну какъ бы то нибыло, а въ

Лондонѣ возобновили его въ другой Камерѣ. Здѣсь кто-то сказалъ, что въ воровствѣ замѣшенъ нѣкто Кампбель, которой въ оправданіе представилъ свидѣтельство за подписаніемъ Герцога Аржиля. Герцогъ это услышалъ, и вы можете представить какъ его взорвало: онъ покраснѣлъ, какъ свекла, и утверждалъ, что всѣ Кампбелли добрые и честные люди. Если осмѣлюсь сказать мое мнѣніе, то, прости Господи, а мнѣ кажется, что Герцогъ солгалъ. Но какъ у него и волки сыты и овцы цѣлы, къ тому же много родни на обѣихъ сторонахъ, то спорить съ нимъ и не посмѣли. Моррисову исторію назвали клеветой и обманомъ, и еслибъ онъ не навострилъ лыжи, то на вѣрнобъ прогулялся къ позорному столбу за ложный доносъ.

При сихъ словахъ честный Андрей собралъ заступы, грабли, и бросивъ въ тѣлежку, которую хотѣлъ везти къ оранжереѣ, но такъ медленно, что

мнѣ можно было спрашивать его. Видя съ какимъ хитрымъ плутомъ я имѣлъ дѣло, рѣшился ничего не скрывать и разсказать ему дѣло какъ оно было, опасаясь, чтобъ осторожность не вселила въ него подозрѣній и не сдѣлалась для меня источникомъ новыхъ непріятностей.

— Мнѣ бы хотѣлось видѣть твоего земляка, Андрей. Но я думаю ты слышалъ, что и я замѣшанъ въ дѣлѣ по глупости Морриса (Андрей отвѣчалъ выразительной рожей) и если можно, желалъ бы видѣть твоего брата и разспросить его по обстоятельнѣй о всемъ, что онъ узналъ въ Лондонѣ.

— О ничего нѣтъ легче, отвѣчалъ Андрей, я скажу брату, что вамъ нужно купить пары двѣ, три чулокъ и онъ явится въ минуту.

— Да, да, увѣрь его, что онъ найдетъ хорошаго покупщика, и въ ожиданіи его въ такую тихую прекра-

сную ночь я буду гулять по саду. Луна скоро взойдетъ. Ты приведешь его къ задней палаткѣ, между тѣмъ при блескѣ луны я буду смотрѣть на деревья и траву.

—Ну такъ; я часто говорилъ, что капустный цвѣтъ при лунномъ свѣтѣ сіяетъ, какъ дама въ алмазахъ.

Говоря такимъ образомъ, Андрей былъ въ полномъ весельи; хотя ему нужно было пройти слишкомъ и милю, но онъ съ величайшимъ удовольствіемъ рѣшился на такой походъ, желая доставить случай своему брату продать нѣсколько изъ его товаровъ—хотя на вѣрно можно сказать, что онъ пожалѣлъ бы десяти копѣекъ, чтобъ угостить его бутылкой пива. Любовь Англичанина выражается противнымъ дѣйствіемъ, думалъ я, гуляя по длиннымъ аллеямъ древняго Осбалдистонъ-Галльскаго сада.

Но достигнувъ конца аллеи, примы-

тавшей къ замку, я замѣтилъ огонь въ библіотекѣ, окна которой выходили въ садъ. Но это меня не удивило: я зналъ, что Миссъ Вернонъ проводитъ иногда тамъ вечера, но по разборчивости я положилъ за правило не ходить туда въ то время, какъ семья предавалася веселымъ пирушкамъ: наши бесѣды могли бы называться въ полномъ смыслѣ свиданіями наединѣ. Другое дѣло утромъ: тогда часто приходили въ библіотеку слуги или за книгой для пыжей молодымъ господамъ или съ приказаніемъ къ Діанѣ отъ Сиръ Гильдебранда, такъ что утромъ библіотека могла назваться мѣстомъ сообщенія; оно хотя и рѣдко посѣщалось, но служило точькою всеобщаго соединенія. Не такъ было вечеромъ; и воспитанный въ странѣ, гдѣ столь много уважается приличіе, я хотѣлъ строго наблюдать его относительно Миссъ Вернонъ, которая его пренебрегала; я съ осторож-

ностью замѣтилъ ей, что при нашихъ вечернихъ бесѣдахъ необходимо присутствіе третьяго.

Миссъ Вернонъ засмѣялась, потомъ покраснѣла и наконецъ едва не разсердилась; но вдругъ, раздумавши, сказала: —Такъ точьно, ваша правда, когда мнѣ придетъ охота заниматься, я приглашу старуху Марѳу на чашку чаю, и она будетъ служить мнѣ защитою.

У Марѳы, старой клюшницы дома, былъ одинакой вкусъ со всѣмъ семействомъ. Она предпочитала хорошій стаканъ вина лучшему Китайскому чаю, но какъ въ то время чай пили однѣ знатныя особы, то такое приглашеніе—льстило ея самолюбію и она часто приходила къ намъ. Впрочемъ по захожденіи солнца ни кто изъ служителей за́мка не подходилъ къ библіотекѣ, потому что одинъ или два труса увѣряли, что въ сей части дома они часто слышали шумъ, когда въ за́мкѣ

всѣ спали и сами молодые господа не смѣли входить вечеромъ въ страшное убѣжище.

Мысль, что библіотека долго была любимымъ мѣстомъ Ралейга, и что потайная дверь изъ сего покоя вела въ уединенную его комнату, не только не уменьшала суевѣрнаго страха, но болѣе его увеличивала. Обширныя связи въ свѣтѣ, его ученость, его познанія во всѣхъ родахъ наукъ, нѣкоторые физическіе опыты, которые онъ дѣлалъ для забавы, были достаточными причинами почитать его въ связи съ духами. Онъ зналъ по Гречески, по Латыни, по Еврейски и слѣдовательно, — какъ однажды выражался напуганный Вильфредъ,—ему нѣчего бояться, ни духовъ, ни привидѣній, ни чертей. Слуги утверждали, что слышали, какъ онъ громко говорилъ одинъ въ библіотекѣ, когда въ за́мкѣ всѣ спали; что онъ прово-

дилъ ночь съ мертвецами, а утромъ спалъ и не гонялся съ собаками добраго Осбалдистона.

Мнѣ часто по довѣренности переносили такіе нелѣпые слухи, и видъ простодушія и легковѣрія разскащика не рѣдко забавлялъ меня. Но не эти смѣшныя сказки—я ихъ презиралъ всегда, но глубокое уединеніе, на которое всякой вечеръ послѣ звонка осуждалась страшная комната, удерживало меня отъ посѣщенія, когда Миссъ Вернонъ въ нее удалялась.

Короче сказать: я не удивился, замѣтя огонь въ библіотекѣ, но былъ чрезвычайно изумленъ, увидя тѣнь двухъ человѣкъ, которые проходили между свѣтомъ и первымъ окномъ. Я подумалъ, что ошибся, и тѣнь Діаны принялъ за другаго человѣка: нѣтъ, вотъ проходятъ они мимо втораго окна: это двѣ разныя особы. Вотъ опять изчезаютъ они, и опять ихъ тѣнь

рисуется на третьемъ, потомъ и на четвертомъ окнѣ. Кто можетъ быть въ такой часъ у Діаны? Двѣ тѣни прошли мимо всѣхъ окошекъ, дабы показать мнѣ, что я не ошибся; наконецъ погасили огонь и все облеклось темнотою.

Случай былъ пустой, но я никакъ не могъ забыть его. Съ того времени я не смѣлъ и подумать, что въ нашу дружбу съ Миссъ Вернонъ могла входить ревность. Между тѣмъ не могу выразить, какое неудовольствіе чувствовалъ при мысли, что она допустила другова къ тайному разговору въ такое время и въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ я имѣлъ разборчивость сказать ей, какъ неприлично принимать и меня.

Легкомысленная, упрямая Діана! подумалъ я, она рѣшительно не хочетъ слушать добрыхъ совѣтовъ. Нѣтъ! меня обмануло ея свободное обхо-

ждение выказать себя — вотъ цѣль, для которой она принимаетъ видъ чистосердечія и надѣваетъ соломенную шляпку, когда она въ модѣ. Я твердо увѣренъ, что не смотря на ея превосходный умъ играть въ вистъ съ полдюжиной дураковъ больше удовольствія доставитъ, чѣмъ самъ Аріостъ, когдабъ возвратился къ жизни.

Мои грустныя мысли сдѣлались несноснѣе, когда вспомнилъ, что нынче поутру рѣшившись показать Діанѣ мой переводъ въ стихахъ первыхъ пѣсней Аріоста, я просилъ ее пригласить Мароу на чашку чаю; но она просила отложить до другаго дня извиняясь пустой отговоркой. Я старался объяснить всѣ эти обстоятельства и вдругъ услышалъ, что задняя калитка сада отворяется: это Андрей возвращался съ своимъ землякомъ, который сгибался подъ тяжестію ноши.

Я увидѣлъ въ Мекредеѣ хитраго и умнаго Шотландца, большаго разскащика новостей и по склонности и по ремеслу. Онъ мнѣ подробно описалъ все происходившее въ Камерѣ Депутатовъ и Камерѣ Перовъ касательно Моррисова дѣла, которое было оселкомъ для узнанія духа Парламента. Отъ него узналъ я, что и прежде слышалъ отъ Андрея, какъ Министръ не успѣлъ въ этомъ дѣлѣ и принужденъ былъ отстать отъ доказа безчестнаго для многихъ знатныхъ особъ и сдѣланнаго человѣкомъ не имѣвшимъ никакого права на довѣренность, и который въ своемъ разсказѣ на каждомъ шагу противорѣчилъ себѣ. Мекредей доставилъ мнѣ печатный журналъ, въ коемъ заключалось все содержаніе споровъ, и далъ списокъ рѣчи Герцога Аржиля. Онъ ихъ много привезъ, чтобъ продать его сообщникамъ въ Шотландіи: изъ журнала я не узналъ ничего новаго, онъ только подтвердилъ слова Шо-

шландца; въ рѣчи Герцога, хотя сильной и краснорѣчивой, превозносили только его семейство и его поколѣніе, и помѣщено нѣсколько похвалъ ему самому, столь же чистосердечныхъ, но болѣе умѣренныхъ; я не узналъ точно ли опорочено мое доброе имя; но очень понялъ, что честь фамиліи моего дяди была явно оскорблена, ибо Моррисъ въ полномъ собраніи Парламента объявилъ, что Кампбель былъ одинъ изъ двухъ разбойниковъ, что онъ безстыдно пришелъ и дѣлалъ показаніе въ пользу Гн. Осбалдистона своего сообщника, и что онъ, съ помощію Судьи, доставилъ свободу сему послѣднему, а сего принуждалъ отказаться отъ исканій. Эта часть Моррисовой исторіи оправда а мои подозрѣнія о Кампбелѣ, которыя поселились во мнѣ съ той минуты, какъ я увидѣлъ его у Судьи Инглевуда. Меня до крайности терзалъ новый оборотъ страннаго дѣла и потому я отпу-

стилъ Шотландца, купивъ кой какія бездѣлки у Мекредея и удалился въ комнату, чтобъ подумать о средствахъ защитить мою поруганную славу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Откуда ты? И за чѣмъ между нами?

Мильтонъ.

Размышляя цѣлую ночь объ этомъ извѣстіи, я сперва почелъ за нужное возвратиться, какъ можно скорѣе, въ Лондонъ и своимъ присутствіемъ отразить клевету; но послѣ раздумалъ, увидя, что этимъ только увеличу гнѣвъ моего отца; ибо рѣшенія его на щетъ семейства были непоколебимы. По своей опытности онъ могъ руководствовать моими поступками, а по своей связи съ сильнѣйшими Вейгсами могъ оправдать меня. Всѣ сіи причины побудили меня обстоятельно описать къ отцу дѣло: и хотя до пер-

ваго почтоваго двора было слишкомъ 10 миль, но я рѣшился самъ отнести письмо, чтобъ оно не затерялось.

Мнѣ казалось страннымъ, что я не получилъ ни одного письма отъ Ойна, ни отъ моего отца, хотя уже прошло нѣсколько мѣсяцовъ послѣ моего отъѣзда изъ Лондона, и хотя Ралейгъ увѣдомлялъ уже Сиръ Гильдебранда о своемъ благополучномъ прибытіи и дружескомъ пріемѣ дяди. Я соглашался, что поведеніе мое было не похвально, но мнѣ казалось, что не заслуживалъ такого забвенія. На концѣ письма моего къ отцу, касательно дѣла съ Моррисомъ, я изъявлялъ желаніе получить въ отвѣтъ нѣсколько строчекъ, чтобъ дать мнѣ совѣтъ въ такомъ затрудиительномъ положеніи, и чтобъ я могъ на что нибудь рѣшиться пока не узнаю его намѣреній. Не имѣя мужества проситься въ Лондонъ, я скрылъ подъ завѣсой покорности родительской волѣ настоящія причины,

по коимъ я оставался въ Осбалдистонъ-Галлѣ, а ограничился только просьбою пріѣхать на нѣсколько дней въ Столицу и обличить клевету, которая такъ далеко распространилась. Большаго труда стоило мнѣ написать это посланіе, ибо я все еще колебался между желаніемъ защитить честь моего имени и сожалѣніемъ на минуту оставить настоящее мѣсто моего пребыванія; но кончивъ, я самъ понесъ его на почту, бывъ награжденъ за свой трудъ, получивши тамъ письмо на мое имя, котороебъ не скоро до меня дошло; оно было отъ моего друга Ойна и содержало слѣдующее:

Любезный Франдискъ!

„Увѣдомляю васъ, что письмо ваше, врученное мнѣ Ралейгомъ Осбальдистономъ и чрезвычайно обрадовавшее меня, получилъ я 10-го числа сего мѣсяца. Я почту долгомъ оказывать ва-

шему братцу всевозможную любовь и почтеніе, и водилъ уже его въ биржу и въ банкъ. Онъ мнѣ показался порядочнымъ человѣкомъ: трезвъ, прилѣженъ; имѣетъ понятіе о торговлѣ и знаетъ Ариѳметику. Я бы желалъ, чтобы другой вмѣсто меня руководствовалъ имъ по этой части, но чтожъ дѣлать, видно Богу такъ угодно! Вы теперь въ такой землѣ, гдѣ деньги очень нужны, такъ беру смѣлость и посылаю вамъ приложенный здѣсь вексель, во сто ф. ст. на имя гдъ Гупера и Гардера Ньюкастельскаго, по коему они имѣютъ заплатить въ седьмой день по предъявленіи. Остаюсь, любезный Францискъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ, вашъ покорный и послушный слуга

Іосифъ Ойнъ.

Post scriptum. Сдѣлайте одолженіе увѣдомте меня о полученіи сего письма.

Батюшка вашъ хотя и говоритъ что здоровъ по прежнему, однако очень перемѣнился.

Прочитавъ эту записку, написанную частымъ и точнымъ слогомъ добраго Ойна, я удивился, что онъ не упоминалъ объ особенномъ письмѣ, которое я ему послалъ, въ намѣреніи показать истинный характеръ Ралейга. Мнѣ не льзя было думать, что оно затерялось, ибо послалъ его съ служителемъ зáмка. Но какъ въ немъ содержалось много извѣстій важныхъ для моего отца и для меня, то я опять написалъ Ойну, повторилъ все прежнее, просилъ, чтобъ онъ далъ мнѣ знать дошло ли до него мое письмо. И увѣдомилъ его также о полученіи векселя, которымъ обѣщался воспользоваться въ случаѣ нужды. Странно было, что отецъ мой поручилъ прикащику доставлять мнѣ деньги на расходы; но подумалъ, что они сдѣлали между собой такое усло-

віе. При томъ Ойнъ не былъ женатъ, имѣлъ достатокъ и всегда любилъ меня и потому я не колебался и принялъ эту небольшую сумму, въ намѣреніи отдать ему при первомъ случаѣ какъ будутъ деньги, если только отецъ мой не заплатилъ ему. Почтмейстеръ представилъ меня одному купцу, который выдалъ мнѣ сполна золотомъ по векселю на Г-дъ Гупера и Гардера, и такимъ образомъ я возвратился въ Осбалдистонъ-Галль богаче, нежели выѣхалъ оттуда. Такое приращеніе моей казны пришло очень кстати, ибо деньги, привезенныя изъ Лондона, начали чувствительно уменьшаться, а у меня въ виду было много расходовъ такъ, что кошелекъ мой скоро бы истощился.

Возвратясь въ замокъ, я узналъ, что Сиръ-Гильдебрандъ ушелъ съ своимъ достойнымъ отродьемъ въ маленькую деревенку Тонлей-Кновъ смотрѣть, по

словамъ Андрея, какъ дюжина пѣтуховъ щиплютъ другъ друга.

— Не правда ли, Андрей, это безчеловѣчная забава и у васъ нѣтъ подобной въ Шотландіи?

— Господи помилуй! конечно нѣтъ, отвѣчалъ Андрей, развѣ на канунѣ большаго праздника; ну, да впрочемъ пускай они что хотятъ, то и дѣлаютъ съ этой глупой птицей: она только и знаетъ, что скребетъ, да скоблетъ на дворѣ; да еще и самъ не увидишь, какъ придетъ и разроетъ всѣ грядки. Слава Богу! меньше ее будетъ, меньше труда садовникамъ; да, позабылъ васъ спросить, скажите, кто растворяетъ эту дверь? Вѣрно не Г-нъ Ралейгъ: онъ давно уѣхалъ. Дверь, о которой говорилъ онъ, выходила въ садъ и вела къ крутой лѣстницѣ, а по ней всходили въ комнату Ралейга. Эта комната, я уже сказалъ, была удалена отъ другихъ покоевъ замка и сообщалась съ библі-

отпекой посредствомъ потайной двери, а съ другою частію за́мка длиннымъ и темнымъ переходомъ. Узкая дорожка, обгороженная съ двухъ сторонъ заборомъ, вела отъ башни къ задней калиткѣ сада. Посредствомъ сего сообщенія Ралейгъ, который никогда не былъ вмѣстѣ съ семействомъ, могъ уходить и выходить, минуя за́мка. Но въ его отсутствіе ни кто не ходилъ этой лѣстницей и вотъ почему замѣчаніе Андрея возбудило во мнѣ любопытство.

— Часто ли ты замѣчалъ, что ее отворяютъ? спросилъ я у него.

— О часто, разумѣется часто, то есть, какъ бы вамъ сказать: два или три раза. Мнѣ кажется, это все дѣлаетъ попъ, отецъ Ваганъ, какъ его называютъ. А если вы думаете, что слуга, то ихъ ни одного не найдете на этой лѣстницѣ, прости меня Господи! они слишкомъ ужъ боятся духовъ, привидѣній и всего изчадія

не здѣшняго свѣта. Но отецъ Ваганъ почитаетъ себя святымъ человѣкомъ; а что въ немъ? пустое чванство, вотъ и все шутъ; бьюсь объ закладъ, что послѣдній деревенскій проповѣдникъ въ Шотландіи вдвое скорѣе заговоритъ духовъ, нежели онъ своей Святой водой и языческими обрядами. Да сказать ли вамъ правду: я думаю, что онъ не умѣетъ говорить по латынѣ, говорить какъ надо, разумѣется; ну всякой разъ, какъ стану называть ему растѣнія учеными именами, онъ совсѣмъ не понимаетъ меня.

Обязанности и время отца Вагана были раздѣлены между Осбалдистонъ-Галлемъ и полдюжиною сосѣднихъ католическихъ домовъ; я тебѣ не говорилъ объ немъ потому, что мнѣ рѣдко встрѣчался случай видѣть его. Ему было тогда около шестидесяти лѣтъ' и я слышалъ, что онъ имѣлъ важную, почтенную наружность, происходилъ изъ знатной фамиліи, и пользовался

большимъ уваженіемъ отъ Нортумберландскихъ Католиковъ, которые его почитали святымъ и праведнымъ человѣкомъ. Однако отецъ Ваганъ не совсѣмъ былъ избавленъ маленькихъ недостатковъ, неразлучныхъ съ его званіемъ. Во всей его особѣ видно было выраженіе таинственности, которая въ глазахъ протестанта, не много походила на лицемѣрство. Осбалдистонъ-Галльскія туземцы (такъ можно назвать жителей за́мка) оказывали ему болѣе уваженія, нежели любви. Видно было, что онъ осуждалъ ихъ пирушки, и они тотчасъ прекращались, когда священникъ приходилъ въ за́мокъ. Самъ Сиръ Гильдебрандъ воздерживался въ словахъ и поступкахъ, и отъ того присутствіе отца Вагана было непріятно и тягостно.

Онъ обращался учтиво, привѣтливо, вкрадчиво и даже льстиво, какъ и все Католическое духовенство, осо-

бенно въ Англіи, въ которой свѣтскіе Католики стѣсняются строгостію законовъ и нетерпимостію ихъ Религій, удерживаются наставленіями своихъ пастырей и отъ того показываютъ большую осторожность, часто даже какую-то робость въ обществѣ протестантовъ; но ихъ священники уважаемы по своему сану, имѣя свободу и случай посѣщать людей всѣхъ исповѣданій, поступаютъ открыто, смѣло и вольно, любятъ славу и обладаютъ искуствомъ достигать ее.

Отецъ Ваганъ былъ тѣсно связанъ съ Ралейгомъ, и ему въ особенности былъ обязанъ за лестный пріемъ въ за́мкѣ: это отнимало у меня охоту познакомиться съ нимъ покороче, а какъ и онъ не очень желалъ того, то всѣ наши сношенія ограничивались взаимными привѣтствіями. Мнѣ не казалось страннымъ, что Г-нъ Ваганъ занималъ комнату Ралейга, когда ему случалось ночевать въ за́мкѣ, потому

что она была всѣхъ ближе къ библіотекѣ, а туда онъ часто ходилъ заниматься чтеніемъ. И такъ вѣроятно, что его свѣчу видѣлъ я вчера вечеромъ. Эта мысль напомнила мнѣ невольно, что въ его обращеніи съ Миссъ-Вернонъ замѣтна была та же таинственность, которою отличалось обхожденіе Діаны съ Ралейгомъ. Я никогда не слыхалъ отъ нее имени Вагана, не слыхалъ, чтобъ она говорила объ немъ прямо, выключая перваго дня, когда я встрѣтилъ его, и когда она сказала мнѣ, что въ замкѣ можно говорить только съ тремя человѣками: съ Ралейгомъ, старымъ священникомъ и съ ней. Впрочемъ, хотя она съ тѣхъ поръ и не говорила мнѣ объ немъ, но замѣтилъ, что всякой разъ, какъ онъ приходилъ, Мисъ Вернонъ чувствовала какой-то страхъ и безпокойство до тѣхъ поръ, пока не размѣняются они двумя или тремя значительными взорами.

Подъ какою бы тайною не скрывалась участь этой прелестной дѣвушки, но видно, что она извѣстна была Вагану. Можетъ быть, думалъ я, онъ долженъ постричь ее, когда она откажется выдти за брата, а въ такомъ случаѣ легко объяснить невольный трепетъ отъ его присутствія.

Впрочемъ они говорили рѣдко и никогда не старались сойтись. Если были у нихъ сношенія, то сношенія и безмолвныя и условныя, они упраляли ихъ поступками безъ помощи словъ. Я помню, что раза два или три замѣчалъ я, какъ отецъ Ваганъ говорилъ на ухо Миссъ Вернонъ нѣсколько словъ.—Я думалъ тогда, что они относились къ Религіи, зная, какъ искусно и неутомимо старается Католическое духовенство поддержать свое вліяніе на умы послѣдователей; теперь я подозрѣвалъ, что они относятся къ тайнѣ, которую напрасно думалъ проникнуть.

Были ли у насъ тайныя бесѣды въ библіотекѣ? а если были, то для чего? и почему Миссъ-Вернонъ удостоиваетъ довѣренности друга вѣроломнаго Ралейга? Эти вопросы и тысячу подобныхъ толпились у меня въ головѣ, и тѣмъ сильнѣе подстрекали любопытство, чѣмъ труднѣе было отвѣчать на нихъ. Я начиналъ подозрѣвать, что моя дружба съ Миссъ Вернонъ была не такъ безкорыстна, какъ я воображалъ сначала. И прежде еще, когда я получилъ извѣстіе что Торкклифъ мой соперникъ, ревность терзала меня, потомъ за невинныя обиды Діаны я порицалъ ее съ жаромъ оскорблявшимъ всякое приличіе и теперь я съ неусыпнымъ вниманіемъ наблюдаю за поступками Миссъ Вернонъ и напрасно приписываю простому любопытству. Не смотря на мои усилія и софизмы, эти признаки ясно говорили, что я люблю; но разсудокъ не хотѣлъ признаться, что

онъ допустилъ такую безразсудную страсть; онъ былъ похожъ на тѣхъ проводниковъ, которые, заблудясь съ путешественниками на дорогѣ, имъ самимъ неизвѣстной, не знаютъ какъ выдти, а все еще упорно стоятъ въ томъ, что имъ не льзя сбиться съ пути.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

»Однажды въ полдень, возвраща-
»ясь на плотъ, я замѣтилъ на пе-
»скѣ слѣды босой ноги человѣка.

Робинзонъ Крузе.

Любопытство и ревность наконецъ увлекли меня, и я началъ неотвязчиво присматривать за поступками и взорами Миссъ-Вернонъ, что она и примѣтила, не смотря на мою осторожность. Мысль, что я ежеминутно замѣчаю за ея поведеніемъ, огорчала и тяготила ее, была ей несносна. То казалось хотѣла она изъявить свое неудовольствіе за мое обращеніе, тѣмъ болѣе оскорбительное, что она имѣла откровенность признаться въ своемъ критическомъ положеніи; то готова

была прибѣгнуть къ прозьбамъ; но или мужество измѣнило ей или другая какая причина удерживала ее отъ объясненій. Ея неудовольствіе изливалось въ колкихъ отвѣтахъ, ея прозьбы замирали на устахъ. Оба мы находились въ довольно странномъ положеніи: были всегда вмѣстѣ и всегда таили наши мучительныя чувства: я свою ревность, она свое неудовольствіе. Между нами существовала дружба безъ довѣренности; я питалъ любовь безъ надежды и цѣли; она оказывала принужденность, сомнѣнія, иногда досаду. Но таково свойство человѣческаго сердца, что это волненіе страстей, коему способствовали тьма другихъ постороннихъ обстоятельствъ, заставлявшихъ насъ думать другъ о другѣ, всегда болѣе содѣйствовали къ усугубленію нашей взаимной привязанности. Но хотя отъ самолюбія моего неукрылось, что пребываніе мое въ Осбальдистонъ-Галлѣ увеличило отвра-

щеніе Діаны къ монастырю, я не могъ однако надѣяться на страсть совершенно покорную ея таинственному, странному положенію. Характеръ Миссъ Вернонъ былъ такъ твердъ и рѣшителенъ, что она не позволитъ усилиться любви надъ должностью. Въ чемъ я увѣрился изъ разговора, который у насъ былъ около сего времени.

Мы сидѣли въ библіотекѣ, о коей такъ часто я говорилъ тебѣ. Миссъ Вернонъ, разсматривая неистоваго Роланда, уронила исписанный листокъ бумажки. Я хотѣлъ поднять его, но она предупредила меня.

— А! это стихи, — сказала она, бросивъ бѣглый взоръ на листокъ, могу ли я осмѣлиться?.... О! если вы краснѣете, если занимаетесь, то я не смотрю на вашу скромность и предположу, что получили отъ васъ позволеніе.

— Но здѣсь только набросаны пер-

выя черты, одно начало перевода, одинъ легкой абрисъ нестоющій и минутнаго вниманія; и я боюсь слишкомъ строгаго приговора отъ судьи, который такъ совершенно понимаетъ подлинникъ, такъ хорошо чувствуетъ красоты его. — Любезный другъ, отвѣчала Діана, повѣрьте мнѣ, берегите ваши похвалы и ваше смиреніе до другаго удобнаго случая; и я васъ могу увѣрить: вы за нихъ не получите ни одного комплимента. Вы сами знаете, что я принадлежу къ простой фамиліи откровенныхъ и не стану льстить самому Аполлону за его лиру.

Она прочла первый стансъ, который заключался въ слѣдующихъ словахъ:

»Я славлю красоту, оружіе и брань,
Героевъ подвиги—любви сердечну дань.
Пою тотъ славный вѣкъ, когда съ бреговъ далекихъ,
Подъ предводительствомъ вождей своихъ жестокихъ,

Въ долины Франціи Арабы притекли
И нашихъ воиновъ судьбину потрясли.
Хочу Роланда пѣть.... и проч.«

— Но этаго довольно, сказала она, быстро пробѣжавъ глазами листокъ бумаги и прервавъ самые сладкіе звуки, какіе только могутъ поразить слухъ молодаго поэта, для котораго всего пріятнѣе слышать свои стихи изъ устъ обожаемаго предмета.

— О, безъ сомнѣнія слишкомъ много, чтобъ заслужить ваше вниманіе, сказалъ я съ нѣкоторой досадой, взявши обратно листокъ, который она хотѣла удержать у себя. Впрочемъ, прибавилъ я, меня заточили въ эту пустыню, принудили искать занятій и я не умѣлъ лучше употребить минуты досуга и продолжалъ единственно для своего удовольствія, переводя сего превосходнаго писателя, который я началъ нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ на берегахъ Гаронны.

— Но я васъ спрошу, сказала важно

Діана, развѣ не льзя было употребить вамъ свое время съ большею пользою?

— Вы хотите сказать на сочиненія оригинальныя, отвѣчалъ я, побуждаемый самолюбіемъ; но скажу вамъ правду: моему генію легче пріискивать слова и риѳмы, нежели мысли, и вмѣсто того, чтобъ рыться въ головѣ и попустому искать ихъ, я очень счастливъ, что могу присвоить мысли Аріоста. Впрочемъ, Миссъ Вернонъ, вы имѣли милость дать мнѣ одобреніе....

— Извините, Г-нъ Франкъ, вамъ угодно принимать одобренія, но я не давала ихъ. Я не говорю ни объ сочиненіяхъ оригинальныхъ, ни объ переводахъ; но думаю, что вы моглибъ посвятить свое время на важнѣйшіе предметы. Вамъ досадно, прибавила она, жалѣю, что я тому причиной.

— Досадно? о! нѣтъ.... совсѣмъ нѣтъ, сказалъ я какъ можно учтивѣе;

я очень благодаренъ, что вы принимаете участіе въ судьбѣ моей.

— Эхъ! что ни говорите, возразила неумолимая Діана; но въ этомъ важномъ, принужденномъ тонѣ видна досада и даже замѣтно не много гнѣва; впрочемъ простите меня, что огорчила васъ такимъ испытаніемъ, но мнѣ остается сказать вамъ то, что можетъ еще болѣе огорчить васъ.

Я почувствовалъ безрасудность своихъ поступковъ; и увѣрилъ ее, что я не буду обижаться критикою и припишу ее одной дружбѣ.

— А! вотъ такъ гораздо лучше; я знала, что остатокъ поэтической раздражительности пройдетъ съ легкимъ кашлемъ, который послужилъ прелюдіей къ вашему объясненію; но поговоримъ поважнѣе: давно ли вы получали письма отъ вашего батюшки?

— Я не получалъ ни одного слова, отвѣчалъ я, ни одной строчкой не-

удостоенъ отъ него съ самаго отъѣзда изъ Лондона.

— Это не понятно! Да впрочемъ, вы Осбалдистоны престранная семья! И такъ вы не знаете, что онъ уѣхалъ въ Голландію по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, которыя непосредственно требовали его присутствія.

— Въ первой разъ слышу объ этомъ.

— И безъ сомнѣнія для васъ будетъ новостью, и можетъ быть не такъ пріятною, когда узнаете, что онъ препоручилъ Ралейгу управлять дѣлами до его возвращенія?

— Ралейгу, вскричалъ я, едва скрывая свое удивленіе и безпокойство.

— Да, вамъ есть чѣмъ огорчаться, сказала Миссъ Вернонъ важнымъ голосомъ; и на вашемъ мѣстѣ я старалась бы предупредить пагубныя слѣдствія, какія могутъ произойти отъ такого распоряженія.

— Но мнѣ невозможно отвратить....

— Все возможно тому, кто ода-

ренъ мужествомъ и дѣятельностію; а кто боится, кто не рѣшается, тому ни чего не возможно потому, что все кажется невозможнымъ.

Миссъ Вернонъ произнесла эти слова съ какимъ-то героическимъ восторгомъ; и въ то время, какъ она говорила, я воображалъ въ ней героиню рыцарскихъ вѣковъ, которой одно слово, одинъ взоръ одушевлялъ мужествомъ неустрашимыхъ витязей и усугублялъ храбрость ихъ въ часъ опасности.

— Но чтожъ мнѣ дѣлать, Миссъ Вернонъ? спросилъ я, желая и вмѣстѣ боясь слышать отвѣтъ ея.

— Сей часъ же ѣхать, сказала она съ твердостью, и возвратиться въ Лондонъ. Можетъ быть, вы слишкомъ долго оставались здѣсь, примолвила она кроткимъ голосомъ, хотя и не васъ должно обвинять въ томъ; но каждая минута, проведенная здѣсь, будетъ преступленіемъ; да, преступлені-

емъ; ибо скажу вамъ необинуясь, что Ралейгъ слишкомъ долго управлялъ дѣлами вашего батюшки; и на вѣрно можно полагать, что онъ раззоренъ въ конецъ.

— Какъ! возможно ли?...

— Безъ дальнихъ вопросовъ, сказала она, перебивъ меня; повѣрьте мнѣ, что отъ Ралейга всего должно опасаться. Вмѣсто того, чтобы употреблять имѣніе вашего батюшки на торговые обороты, онъ расточитъ его на исполненіе своихъ честолюбивыхъ плановъ. Когда Г-нъ Осбалдистонъ былъ въ Англіи, Ралейгъ не могъ привести въ дѣйствіе своихъ намѣреній: въ его отсутствіе онъ найдетъ тысячу случаевъ къ тому, и будьте увѣрены, не упуститъ воспользоваться ими.

— Но какъ возможно мнѣ, отверженному отцомъ, безъ всякой власти въ его домѣ, какъ можно отвратить опасность своимъ присутствіемъ?

— Одно ваше присутствіе много сдѣлаетъ. По своему происхожденію вы имѣете право смотрѣть за выгодами вашего батюшки; это неотъемлемое право. Васъ поддержитъ его главный прикащикъ, его друзья, его товарищи. Притомъ намѣренія Ралейговы таковы.... Она замолчала, опасаясь сказать слишкомъ много. — Однимъ словомъ, таковы, какъ и всѣ своскорыстные планы; люди, которые ихъ замышляютъ, лишь только увидятъ, что хитрости ихъ открыты, лишь только замѣтятъ, что за ними присматриваютъ, тотчасъ ихъ оставляютъ. И такъ, говоря языкомъ вашего любимаго поэта:

»На коня! Разсуждать не толь, что бояться.«

— Ахъ! Діана! вскричалъ я, увлеченный непреодолимымъ чувствомъ, вы ли мнѣ совѣтуете ѣхать? Не кажется ли вамъ, что я слишкомъ долго пробылъ здѣсь?

Миссъ Вернонъ покраснѣла, но отвѣчала съ величайшею твердостію: — Да, не только совѣтую оставить Осбалдистонъ-Галль, но и ни когда не возвращаться сюда. Вы оставляете здѣсь во мнѣ друга, прибавила она съ принужденной улыбкой, но я уже давно привыкла счастію другихъ жертвовать своимъ благополучіемъ. А въ свѣтѣ вы встрѣтите тысячу особъ, коихъ дружба будетъ также безкорыстна, но болѣе полезна, она не будетъ соединена съ такими несчастными обстоятельствами, не будетъ подвержена такому вліянію злыхъ языковъ и преградъ неизбѣжныхъ.

— Никогда! вскричалъ я, никогда! въ обществѣ я ни чего не найду, чтобъ могло замѣнить то, что я оставляю. И я схватилъ ея руку и прижалъ къ губамъ своимъ.

— Какое безумство! вскричала она, стараясь вырваться! послушайте меня, сударь и не безпокойтесь. Въ слѣд-

ствіе одного торжественнаго договора, я назначена въ супруги Богу, если не выйду за Торнклифа. И такъ я невѣста Бога; монашескій покровъ и монастырь—вотъ удѣлъ мой. Умѣрьте восторгъ вашъ; онъ сильнѣе доказываетъ необходимость вашего отъѣзда. При сихъ словахъ она выдернула руку и прибавила, понизя голосъ: — Сей часъ оставьте меня.... Мы еще увидимся здѣсь, но въ послѣдній разъ.

Я примѣтилъ, что она трепетала; мои взоры слѣдовали за движеніемъ ея глазъ, и я увидѣлъ, какъ шевелились обои, которыя закрывали дверь тайнаго прохода изъ библіотеки въ комнату Ралейга; я догадался, что насъ кто-то подслушивалъ и смотрѣлъ на Миссъ Вернонъ.—Это ничего, сказала она слабымъ голосомъ; вѣрно за обоями бѣгаютъ крысы.

Я бы отвѣтилъ какъ отвѣчалъ Гамлетъ, еслибъ послѣдовалъ внуше-

нію гнѣва, который овладѣлъ мною при мысли, что я имѣлъ свидѣтеля въ подобную минуту. Но благоразуміе или лучше сказать неотступныя просьбы Миссъ Вернонъ, которая просила меня задыхаясь: оставьте, оставьте меня! не позволяли мнѣ внимать гласу гнѣва и я бросился изъ комнаты въ какомъ-то свирѣпомъ бѣшенствѣ, которое напрасно я старался успокоить.

Въ моемъ умѣ царствовалъ хаосъ понятій; они уничтожали, смѣняли одно на другое и походили на тѣ туманы гористыхъ странъ, которые, ложась огромными массами, изкажаютъ или скрываютъ обыкновенные знаки, по коимъ путешественникъ узнаетъ дорогу чрезъ степи. Темное, сбивчивое воспоминаніе объ опасности отца, о моемъ полу-объясненіи въ любви Діанѣ Вернонъ, мысль, что она не хотѣла того замѣтить, затруднительное ея положеніе, ибо она принуждена

или пожертвовать собою для неприличнаго брака, или постричься въ монастырѣ, всѣ эти воспоминанія такъ тѣснились въ головѣ моей, что я неспособенъ былъ размышлять о нихъ. Но всего болѣе раздиралъ мое сердце видъ, съ какимъ Миссъ Вернонъ отвѣчала изъявленію моей нѣжности; эта смѣсь симпатіи съ твердостію, которою, казалось, она хотѣла показать, что я занимаю мѣсто въ ея сердцѣ; но оно такъ тѣсно, что не позволяетъ ей забыть и припятствій къ признанію во взаимной нѣжности. Выраженіе не удивленія, но ужаса, съ какимъ она замѣтила движеніе обоевъ на потаенной двери, казалось возвѣщало въ ней страхъ новой опасности и сей страхъ не могъ быть пустымъ; ибо Діана Вернонъ не была подвержена нервическимъ припадкамъ своего пола: ея характеръ запрещалъ ей предаваться неосновательному испугу. Какого же рода были эти тайны, которыми она была

окружена, какъ магическимъ кругомъ; безпрестанное, сильное вліяніе ихъ оказывалось на всѣхъ поступкахъ и мысляхъ ея, но сокровенныя пружины оныхъ были невидимы. На этой мысли я остановился, забылъ о дѣлахъ моего отца, о Ралейгѣ, о его коварствѣ, думалъ объ одной Діанѣ и рѣшился до тѣхъ поръ не выѣзжать изъ Осбалдистонъ-Галля, пока не узнаю чего нибудь положительнаго и вѣрнаго о жизни этаго очаровательнаго существа, жизни, раздѣленной между таинственностію и добродушіемъ: всѣ слова, всѣ чувства ея отзывались искренностію, всѣ поступки, какъ завѣсою тумана, подернуты были тайною.

Мало того, что чувства любопытства и любви волновали меня; я уже замѣчалъ, что мною овладѣло еще глубокое, хотя и неясное чувство ревности; оно всегда возрастаетъ съ любовію, какъ плевелы растутъ съ

хлѣбомъ, и возбуждалось во мнѣ предпочтеніемъ Діаны къ невидимымъ существамъ, которыя управляли ея поступками. Чѣмъ болѣе я размышлялъ о ея характерѣ, тѣмъ болѣе внутренно убѣждался, что не льзя покорить ни какому игу, еслибъ его захотѣли положить на нее, и что она кромѣ любви не признаетъ другой власти; и въ мою душу прокралось жестокое подозрѣніе, что здѣсь было основаніе могущественнаго и страшнаго для ней вліянія.

Эти сомнѣнія въ тысячу разъ были ужаснѣе извѣстности; они увеличили желаніе проникнуть тайну ея поведенія; а для достиженія сего, я предпринялъ намѣреніе, слѣдствія котораго ты увидишь въ слѣдующей главѣ, если не наскучило тебѣ чтеніе этихъ подробностей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Звуки голоса для тебя неслышнаго приказываютъ мнѣ уѣхать; мановеніе руки незримой велитъ повиноваться.

Тиккель.

Я тебѣ сказалъ, любезный Трешемъ, если не забылъ ты, что вечеромъ я никогда не ходилъ въ библіотеку къ Миссъ Вернонъ, развѣ въ присутствіи старухи Марфы. Впрочемъ такое обыкновеніе было совершенно условное, и я самъ предложилъ его. Но съ тѣхъ поръ, какъ затруднительность нашего взаимнаго положенія увеличилась, вечернія посѣщенія совсѣмъ прекратились. Миссъ Вернонъ не предполагала, чтобъ я захотѣлъ возоб-

новить ихъ, не сказавъ напередъ ей, дабы она, по обыкновенію, пригласила Марфу на чашку чаю; но впрочемъ эта осторожность не была строгимъ закономъ. Библіотека открывалась для меня, какъ и для всѣхъ прочихъ членовъ семейства, во всякой часъ и днемъ и ночью, и какъ бы неожиданно не вошелъ я туда, Миссъ Вернонъ не могла на то сердиться. Я былъ увѣренъ, что Діана принимаетъ въ этой комнатѣ или отца Вогана или другую особу, мнѣніемъ которой она руководствовалась и избираетъ для сихъ свиданій такое время, когда никто не посѣщаетъ ее. Все увѣряло меня, что кто-то посторонній ходилъ въ эту комнату: я самъ вечеромъ замѣтилъ огонь въ библіотекѣ, ясно видѣлъ тѣнь двухъ человѣкъ; поутру нашли множество слѣдовъ отъ двери башни до задней калитки сада; наконецъ нѣсколько слугъ слышали шумъ и толковали его по своему. Подозрѣвая, что

эта особа имѣетъ вліяніе на судьбу Діаны, я принялъ твердое намѣреніе открыть: кто она такова, почему имѣетъ власть надъ ней; и особенно — хотя и старался себя увѣрить, что это желаніе было побочное — и особенно узнать: какимъ образомъ она сохраняетъ вліяніе надъ Діаной, и страхомъ или любовію управляетъ ею. Но не смотря на всѣ мои усилія изгнать эту мысль, и хотя я не могъ дать себѣ отчета въ своемъ предубѣжденіи, но всегда представлялъ въ ней мущину, и безъ сомнѣнія мущину молодаго и ловкаго, который по своей волѣ управлялъ поступками Миссъ Вернонъ, и это увѣрило меня, что ревнивое любопытство занимало первое мѣсто въ умѣ моемъ. Въ нетерпѣніи открыть соперника, сошелъ я въ садъ и ожидалъ минуты, когда покажется огонь въ библіотекѣ.

Меня пожиралъ такой сильной пламень, что я давно уже стоялъ на

своемъ мѣстѣ и ожидалъ явленія, которое не могло показаться прежде ночи, за часъ до захожденія солнца. Тогда была Суббота и всѣ аллеи запустѣли и одичали. Я долго прохаживался, размышляя о возможныхъ послѣдствіяхъ своего предпріятія. Тихое дыханіе свѣжаго бальзамическаго вѣтерка немного успокоило кровь, кипѣвшую въ моихъ жилахъ. Волненіе страсти начало постепенно утихать и я спрашивалъ у себя: какое имѣю право проникать въ тайны Миссъ Вернонъ или въ тайны семейства моего дяди? Что мнѣ было за дѣло, если дядюшка и скрываетъ кого-то въ своемъ домѣ, въ коемъ и самъ жилъ только по праву гостя? Долженъ ли я мѣшаться въ дѣла Миссъ Вернонъ и раскрывать тайну, въ которую она просила меня никогда не проникать?

Страсть и любопытство, искусные софисты, скоро умѣли разрѣ-

шить вопросъ. Открывъ таинственнаго посѣтителя, я окажу услугу Сиръ Гальдебранду, ибо онъ вѣрно не знаетъ ничего объ этихъ интригахъ и сдѣлаю пользу самой Миссъ Вернонъ; ибо живя въ тайной связи съ человѣкомъ, коего характеръ ей не извѣстенъ, она подвергается большой опасности съ своею откровенностію и простодушіемъ. По видимому, я насильно вынуждалъ у ней довѣренность, но дѣлалъ это изъ великодушнаго и безкорыстнаго намѣренія (я до того былъ ослѣпленъ, что называлъ егодаже безкорыстнымъ); руководствовать ею, покровительствовать ей и защищать ее отъ злобы, обмана, особливо отъ скрытнаго совѣтника — вотъ какими доводами воля моя усыпляла совѣсть; она ихъ требовала отъ воли, но была похожа на купца, который для своихъ выгодъ рѣшается лучше принять деньги фальшивой пробы,

нежели упустить хорошаго покупщика.

Идя большими шагами и разсуждая такимъ образомъ, я нашелъ на Андрея Ферсервича, который въ благоговѣйномъ созерцаніи стоялъ, какъ вкопаный, предъ длиннымъ рядомъ пчелиныхъ ульевъ, однимъ глазомъ наблюдая за движеніями трудолюбивыхъ животныхъ, летѣвшихъ съ журчаніемъ въ свои жилища, а другимъ читая въ молитвенникѣ, лишенномъ краевъ и принявшемъ овальную фигуру отъ частаго употребленія, что соединясь съ запачканнымъ цвѣтомъ книги, придавало ей видъ почтенной древности.

— Я читалъ на единѣ *Цвѣтъ спасенія* Жона Кваклебена, сказалъ Андрей, увидя меня, закрывъ книгу и въ знакъ почтенія положивъ свои роговые очки на то мѣсто, гдѣ остановился.

— А мнѣ кажется, Андрей, что и пчелы раздѣляли твое вниманіе съ священнымъ писателемъ?

— Экое нечестивое племя! подхватилъ садовникъ, дано имъ шесть дней въ недѣлѣ роиться; ну такъ нѣтъ, надо дождаться дня субботняго и мѣшать православнымъ слушать проповѣдь. Правду сказать, нынче это не велика бѣда: вѣдь сего дня въ Греннической церкви не было обѣдни.

— Ты бы Андрей подражалъ мнѣ: пошелъ бы въ приходскую церковь и услышалъ бы превосходную проповѣдь.

— Охъ! эти обглодки холодной курицы, сказалъ Андрей съ злобной улыбкой, съ позволенія вашей чести, годятся для однѣхъ собакъ. Я знаю, что могъ бы послушать, какъ министръ въ своей длинной бѣлой рубашкѣ деретъ во все горло; какъ музыканты наигрываютъ на свисткахъ; но, Господи прости, это похоже на крестьянскую свадьбу, а не на проповѣдь. Я лучше бы сдѣлалъ, послушавъ Докарпеева бормотанья.

— Докартеева! сказалъ я (такъ назывался старый Ирландскій священникъ, который иногда служилъ въ Осбалдистонъ-Галлѣ); я думалъ, что отецъ Воганъ въ за́мкѣ; онъ былъ вчера поутру.

— Да, отвѣчалъ Андрей; а вечеромъ уѣхалъ въ Грейстокъ, или куда нибудь въ ту сторону. Тамъ, слышно было, что-то пошевеливалось. Они всѣ суетятся, какъ мои пчелы; впрочемъ, Боже меня избави сравнить этихъ бѣдныхъ насѣкомыхъ съ папистами! Да! кстати о плечахъ: вѣдь это нынче другой ужъ рой вылетаетъ, а первый вышелъ на разсвѣтѣ; — надо знать, что я тутъ стою съ пяти часовъ утра. Да вотъ онѣ всѣ почти влетѣли; и такъ желаю вашей чести добраго вечера и благословенія неба. При сихъ словахъ Андрей удалился; но уходя, онъ часто оглядывался, бросая взоры на улья.

Я стороною вывѣдалъ отъ Андрея важное извѣстіе: Отца Вогана не было въ за́мкѣ. И такъ, если я увижу огонь въ библіотекѣ, то вѣрно не Вогановъ, или его поведеніе будетъ слишкомъ таинственно и потому подозрительно. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я захожденія солнца и сумерекъ. День клонился къ вечеру, когда вдругъ слабый блескъ мелькнулъ въ окнахъ библіотеки; хотя блѣдный свѣтъ, сливаясь съ послѣдними лучами заходящаго солнца, едва былъ примѣтенъ, однако я различилъ его съ быстротою заблудившагося мореходца, который примѣчаетъ въ далекѣ первый лучь путеводнаго маяка. До сихъ поръ сомнѣніе, нерѣшительность и уваженіе къ законамъ приличія удерживали мое любопытство и ревность, но они вдругъ изчезли при семъ случаѣ удовлетворить первое, увѣриться въ послѣднемъ и возвратить спокойствіе сердца, когда бъ мои подозрѣ-

нія вышли несправедливы. Я вхожу въ домъ, и, осторожно, какъ преступникъ, избѣгая жилыхъ покоевъ, достигаю библіотеки, берусь за ручьку, еще минуту колеблюсь.... слышу кто-то ходитъ.... отворяю дверь.... и нахожу одну Миссъ Вернонъ.

Діана была въ изумленіи: не могу сказать, отъ моего ли нечаяннаго и нежданнаго прихода, или отъ чего нибудь другаго, но она казалась въ большомъ волненіи отъ сильнаго душевнаго движенія, хотя въ одну минуту успѣла успокоиться; но какова сила совѣсти? Я, который шелъ съ намѣреніемъ застать и изобличить ее, я стоялъ въ смущеніи и не зналъ, что дѣлать.

— Не случилось ли чего? сказала Миссъ Вернонъ. Не пришолъ ли кто въ зáмокъ?

— Кажется ни кто, отвѣчалъ я заикаясь; я пришелъ сюда за Неистовымъ Голандомъ.

— Онъ лежитъ тамъ на столѣ, сказала мнѣ Діана, которой спокойствіе приводило меня въ замѣшательство.

Желая сыскать эту книгу, я перебиралъ двѣ или три, и думалъ какимъ бы образомъ отступить безъ стыда и въ порядкѣ. А это не легко было сдѣлать въ моемъ положеніи и съ такимъ проницательнымъ противникомъ, какова Діана, какъ другъ примѣтилъ на столѣ мужскую перчатку. Взоры мои встрѣтились со взорами Миссъ Вернонъ, и она тотчасъ покраснѣла.

— Это одна изъ моихъ завѣтныхъ вещей, сказала она запинаясь: эту перчатку носилъ мой дѣдушка, подлинникъ прекрасной картины Вандика, которой вы удивлялись.

Но думая, что простаго увѣренія недостаточно для разсѣянія моихъ подозрѣній, она выдвинула изъ стола ящикъ и вынувъ оттуда перчатку,

бросила передо мною. Когда человѣкъ отъ природы откровенный и простодушный надѣваетъ на себя личину притворства и лицемѣрія, неумѣнье носить ее, и усилія скрыть свое смятеніе, часто внушаютъ подозрѣнія и раждаютъ желаніе увѣриться самому въ словахъ, произносимыхъ слабымъ и невѣрнымъ голосомъ. Я взглянулъ на обѣ перчатки и важно отвѣчалъ, что хотя онѣ похожи видомъ; но Миссъ Вернонъ благоволитъ замѣтить, что онѣ не могутъ составлять пару, будучи обѣ съ правой руки.

Миссъ Вернонъ закусила губы отъ досады и снова покраснѣла.

— Вы хорошо дѣлаете, что стараетесь изобличить меня, сказала она съ гнѣвомъ. Другой бы заключилъ изъ моихъ словъ, что я не хочу изъяснить обстоятельства, не имѣющаго вовсе ни къ кому отношенія, а всего менѣе къ постороннему человѣку. Но вы поступили лучше, вы дали мнѣ по-

чувствовать низость ненавистнаго притворства, отъ котораго на всегда отказываюсь. У меня нѣтъ способности лицемѣрить; такая роль не прилична мнѣ, и только одна необходимость принудила меня играть ее. Нѣтъ, ваша догадливость не обманулась; эта перчатка не подъ пару той: она принадлежитъ другу, который мнѣ дороже Вандиковой картины.... другу, котораго совѣтамъ буду слѣдовать,.... котораго уважаю,.... котораго.... Она остановилась.

— *Котораго люблю*, вѣрно хочетъ сказать Миссъ Вернонъ, вскричалъ я, скрывая свою досаду подъ насмѣшливымъ тономъ.

— А хотя бы и сказала, возразила она съ гордостію, то кто вправѣ осуждать мои чувства? Кто осмѣлится требовать въ нихъ отчета?

— Вѣрно не я, Миссъ Вернонъ, возразилъ я съ жаромъ, ибо въ свою очередь мнѣ было досадно; я васъ про-

шу не почитать меня такъ дерзкимъ; но надѣюсь, что Миссъ Вернонъ проститъ другу или человѣку, коего удостоивала симъ названіемъ, если онъ осмѣлится ей замѣтить....

— Не трудитесь замѣчать, Государь мой, сказала она съ живостію, а замѣтьте сами, что я не люблю допросовъ. Не думаете ли вы поставить себя моимъ судьею? Я не позволю этаго; и если вы пришли подсматривать за мною, то и дружба не можетъ извинить такого дерзкаго любопытства.

— Я освобождаю васъ отъ моего присутствія, сказалъ я съ такою же гордостью. И такъ это былъ пріятный сонъ, одинъ сонъ прелестный и обманчивый! и.... но мы понимаемъ другъ друга.

Я готовъ былъ выдти, какъ вдругъ Миссъ Вернонъ, которой движенія, какъ инстинктъ, были быстры и неожиданны, бросилась къ двери и схва-

тивъ за руку, удержала меня съ этимъ повелительнымъ видомъ, который былъ въ разительной противоположности съ ея простымъ и свободнымъ обращеніемъ.

— Остановитесь, Г-нъ Франкъ, сказала она, мы не должны этакъ разставаться; у меня такъ мало друзей, что я не рѣшаюсь исключать изъ ихъ числа даже и неблагодарныхъ и эгоистовъ. Послушайте меня, Г-нъ Франкъ, вы ничего не узнаете касательно таинственной перчатки. (Она взяла ее въ руки). Нѣтъ, клянусь, ничего не узнаете сверхъ извѣстнаго вамъ, и да не будетъ она поводомъ къ разрыву. Мое пребываніе въ здѣшнемъ домѣ, прибавила она спокойнымъ госомъ, будетъ не продолжительно; ваше еще менѣе; намъ должно разстаться безъ надежды свиданія, и такъ не станемъ ссориться и мои тайныя горести не отравятъ раздоромъ послѣднихъ минутъ, которыя мы проведемъ вмѣ-

стѣ до встрѣчи на другомъ берегу вѣчности.

Не знаю, Трешемъ, какимъ очарованіемъ, какой волшебной властію умѣла она управлять моимъ характеромъ, котораго укротить и самъ былъ не въ силахъ. Входя въ библіотеку, я рѣшился требовать удовлетворительнаго объясненія отъ Миссъ Вернонъ; она отказала въ немъ, съ обидною гордостію призналась, что предпочитаетъ мнѣ соперника, — какъ иначе могъ я истолковать ея предпочтенія къ таинственному совѣтнику — и не смотря на то, когда я хотѣлъ выдти изъ комнаты и на всегда прекратить знакомство, чтобъ возвратить своего подданнаго на прежнее мѣсто, подчинить прежнимъ суровымъ законамъ, ей только стоило принять другой видъ, перейти отъ гордаго и сердитаго тона къ повелительному и самовластному, умѣряя его кротостью и выраженіемъ меланхоліи.

— Къ чему я ворочусь, садясь сказалъ я; за чѣмъ мнѣ быть свидѣтелемъ несчастій, которымъ не могу помочь, и тайнъ, въ которыя, не обижая васъ, не могу проникнуть? Хотя свѣтъ не извѣстенъ вамъ, но все вы должны знать, что молодая дѣвушка не можетъ имѣть болѣе одного друга. Еслибъ я узналъ, что одинъ изъ моихъ друзей въ тайнѣ удостоилъ третьяго довѣренностью, въ которой отказалъ мнѣ, я бы не могъ воздержаться отъ ревности; но къ вамъ, Миссъ Вернонъ, къ вамъ....

— Вы ревнуете во всемъ смыслѣ этаго слова, не такъ ли? Но, любезный другъ, зачѣмъ повторять, что глупцы учатъ наизусть изъ романовъ и комедій, пока это вздорное вранье не произведетъ на ихъ умъ дѣйствительнаго вліянія. Молодые люди и дѣвушки всѣ болтаютъ, пока влюблены; когда же любовь угаснетъ, они перестаютъ болтать, терзаться

и мучиться отъ ревности. Но намъ, Франкъ, намъ, существамъ разумнымъ должно говорить языкомъ добродушной, искренней дружбы. Иной связи между нами быть не можетъ, какъ будто я мущина, или какъ будто вы женщина. Говоря откровенно, хотя я приношу послѣднюю жертву приличію, краснѣя за неприличное значеніе моихъ словъ, намъ не льзя жениться, если мы и захотимъ; но когдабъ и можно было, мы не должны жениться.

Небесный, живой румянецъ одушевлялъ ея лице, когда она говорила. Я позабылъ свои оправданныя подозрѣнія и хотѣлъ оправдать ея доводы; но она предупредила и примолвила съ холодною твердостью и даже нѣкоторою суровостью: — Слова мои неоспоримая истина и не возможно ихъ опровергнуть; и такъ я васъ прошу безъ дальнихъ вопросовъ.... Вѣдь мы друзья, Г. Осбалдистонъ, не правда

ли? Она протянула руку, и взявъ мою, сказала: и на всегда останемся друзьями.

Она опустила мою руку и видя, что я не могу укротить своего волненія, поспѣшила перемѣнить разговоръ.

— Вотъ, сказала она, письмо на ваше имя; но оно, не смотря на предубѣжденіе того, кто пишетъ, никогда бы не дошло до васъ, еслибъ не попало въ руки моего Паколета или волшебника Карлы, котораго, какъ и всѣ несчастныя красавицы въ романахъ, тайно держу у себя.

Письмо было запечатано; я открылъ его и пробѣжалъ на скоро. Бумага выпала изъ рукъ и я невольно воскликнулъ: — Великій Боже! мое безумное упорство пагубило отца моего.

Миссъ Вернонъ сперва испугалась, но вскорѣ оправясь: — Вы блѣднѣете, сказала она, вы больны; не принесть

ли вамъ воды? Не ребячтесь, Г-нъ Осбалдистонъ; что случилось? не умеръ ли вашъ батюшка?

— Онъ живетъ, слава Богу, но въ какомъ затруднительномъ, въ какомъ несчастномъ положеніи!

— И только? Есть отъ чего унывать! Можно ли мнѣ прочесть письмо? спросила она, поднимая его.

Я согласился, не зная самъ, что говорю. Она прочла его съ большимъ вниманіемъ.

— Подписано: Г. Трешемъ. Кто онъ такой?

— Товарищъ батюшки (твой добрый отецъ, любезный Вилліамъ); но обыкновенно, онъ не принимаетъ никакого участія въ торговыхъ дѣлахъ.

— Онъ говоритъ о какихъ-то письмахъ къ вамъ.

— Я не одного не получалъ.

— И кажется, прибавила она, что Рашлейгъ, оставленный вашимъ батющ-

кой управлять дѣлами передъ отъѣздомъ въ Голландію, оставилъ Лондонъ и удалился въ Шотландію, забравъ съ собою назначительную сумму товаровъ, назначенныхъ на уплату билетовъ вашего батюшки на имя нѣкоторыхъ тамошнихъ особъ.

— Совершенная правда.

— Въ письмѣ еще упоминаютъ, что не зная ничего о Рашлейгѣ, послали въ Гласговъ главнаго прикащика отыскивать его, и васъ также просятъ пріѣхать туда и помогать ему.

— Да, я сей часъ же ѣду.

Кажется, слѣдствіемъ этаго всего будетъ потеря нѣкоторой суммы денегъ; а у васъ ужъ слезы на глазахъ! Э! Г. Осбалдистонъ!

— Вы обижаете меня, Миссъ Вернонъ, отвѣчалъ я, не о потери имѣнія я жалѣю, но боюсь какое дѣйствіе она произведетъ на умъ и здоровье

батюшки, которому честь дороже самой жизни. Невозможность исполнить свои обязательства приведетъ его въ отчаяніе, будетъ для него также горестна, какъ храброму солдату горестна необходимость бѣжать отъ непріятеля или честному человѣку лишеніе достоинства и добраго имени въ обществѣ. Этихъ несчастій можнобъ было избѣжать, еслибъ я не внималъ самолюбивымъ мечтамъ пустаго честолюбія, коварнымъ совѣтамъ преступной безпечности, еслибъ не отказался раздѣлять труды отца и вступить на полезное и почтенное поприще! Боже мой! Какъ исправить пагубныя слѣдствія моего безумія?

— Послушайтесь совѣтовъ вашего друга и скорѣе поѣзжайте въ Гласговъ.

— Но если Ралейгъ въ самомъ дѣлѣ предпринялъ злодѣйское намѣреніе разорить своего благодѣтеля, то гдѣ

средства разрушить планъ, такъ хитро устроенный?

— Признаюсь, за успѣхъ не льзя ручаться; но впрочемъ и оставшись у насъ вы не сдѣлаете пользы вашему батюшкѣ. Вспомните, что этаго несчастія никогда бы не случилось, еслибъ вы были на мѣстѣ вашего назначенія, что все можно поправить, если вы поспѣшите, куда васъ призываютъ. Подождите, не уходите изъ комнаты, я сей часъ приду.

Она ушла и оставила меня въ жертву изумленію и безпокойству; однако посреди ихъ волненія, промелькали минуты спокойствія, позволявшія мнѣ удивляться твердости, хладнокровію и присутствію ума Діаны Вернонъ въ непредвидѣнныхъ и опасныхъ случаяхъ.

Чрезъ минуту она возвратилась съ бумажкою въ рукѣ, сложенною и запечатанною наподобіе письма, однако безъ надписи.—Я вручаю вамъ, сказала

она, залогъ моей дружбы, совершенно полагаясь на вашу честность. Если я хорошо поняла содержаніе письма, то сумма, захваченная Ралейгомъ, 12 Сентября должна быть предъявлена для уплаты билетовъ; если вы успѣете пріѣхать прежде, то обезопасите кредитъ вашего батюшки.

— Это правда, письмо Г. Трешема очень ясно. Я еще разъ прочелъ его и прибавилъ: тутъ нѣтъ и тѣни сомнѣнія.

— И такъ, сказала Миссъ Вернонъ, въ этомъ случаѣ мой маленькой пакетъ пригодится. Вы слыхали о волшебной силѣ нѣкоторыхъ писемъ? Возьмите этотъ пакетъ, и если вы успѣете въ своемъ предпріятіи другимъ средствомъ и получите отъ Ралейга похищенные товары, то я полагаюсь на вашу честность, что вы, не раскрывая, его сожжете; а не то вы можете разломать печать за десять дней до сроку билетамъ ваше-

го батюшки: вы найдете въ немъ нужныя наставленія. Прощайте, Франкъ! мы никогда не увидимся; почаще вспоминайте о вашемъ другѣ, Діанѣ Вернонъ.

Она протянула мнѣ руку, но я прижалъ ее къ сердцу. Она вздохнула, вырываясь изъ моихъ объятій, убѣжала въ маленькую дверь, которая вела въ ея комнату и я не видалъ ее болѣе.

ГЛАВА X.

„Ничто не остановитъ ихъ быстраго бѣга. Чего-жъ ты боишся? почему не хочешь ѣхать со мною?

Бюргеръ.

Когда нѣсколько несчастій вдругъ, различныхъ по своему свойству и причинамъ, обременяютъ человѣка, онъ находитъ по крайней мѣрѣ ту выгоду, что развлекаясь противными дѣйствіями ихъ, сохраняетъ силу души и ни подъ однимъ не падаетъ. Разлука съ Миссъ Вернонъ чувствительно огорчила меня, но еслибъ затруднительное положеніе батюшки не привлекало моего вниманія, я бы болѣе огорчился. Еслибъ сожалѣніе оставить то, что такъ дорого сердцу, не наполняло мою душу, горестныя извѣстія Г. Трешема подавили бы ее.

Я пламенно любилъ Діану и нѣжно былъ привязанъ къ отцу своему; но узналъ, что чувствительность можетъ раздѣлиться, когда двѣ разныя причины ее возбуждаютъ: такъ заимодавцы дѣлятъ по частямъ капиталъ банкрута. Вотъ что я думалъ, подходя къ своей комнатѣ, какъ будто духъ торговли и купечества начиналъ вселяться въ меня.

Я перечелъ съ большимъ вниманіемъ лаконическое письмо твоего отца. Онъ мнѣ совѣтовалъ, не теряя ни минуты, отправиться въ Шотландскій городъ, называемый Гласговъ, отъискать тамъ Ойна и узнать отъ него всѣ подробности дѣла; прибавлялъ, что могу узнать о старомъ своемъ другѣ отъ тамошнихъ купцевъ, Г-дъ Маквиттея, Макфина и компаніи, живущихъ въ Гласговитѣ; говорилъ о разныхъ письмахъ, которыхъ я никогда не получалъ, и вѣроятно потому, что ихъ перехватили, и наконецъ

упрекалъ меня въ молчаніи, и притомъ словами вовсе несправедливыми, если мои письма достигали своего назначенія. Чѣмъ болѣе я перечитывалъ письмо, тѣмъ болѣе удивлялся. Я тотчасъ увѣрился, что геній Ралейга неутомимо преслѣдовалъ меня и нарочно окружилъ отвсюду препятствіями. Съ ужасомъ увидѣлъ я, какими успѣшными средствами умѣлъ онъ достигнуть тайной цѣли своихъ злодѣйскихъ намѣреній. Однако мнѣ должно отдать себѣ справедливость: какъ для меня ни горестна была разлука съ Миссъ Вернонъ, какъ ни мучительна она показалась бы въ другое время, но при воспоминаніи объ опасности, угрожавшей батюшкѣ, она теряла въ глазахъ моихъ всю важность; и не то, чтобъ я дорого цѣнилъ богатство: напротивъ, я думалъ, какъ и всѣ молодые люди съ пламеннымъ воображеніемъ, что лучше прожить безъ богатства, чѣмъ на его пріобрѣтеніе

убивать время и посвящать свои труды. Но я зналъ, что батюшка въ его тогдашнемъ положеніи, нарушеніе обязательствъ почтетъ неизгладимымъ пятномъ своей чести; зналъ, что жизнь потеряетъ для него всю прелесть, что въ одной смерти онъ будетъ искать отраднаго утѣшенія и утраченныхъ надеждъ.

Я искалъ въ умѣ возможныхъ средствъ помочь сему несчастію и занимался этимъ съ такимъ жаромъ, съ какимъ бы вѣрно не старался о собственномъ счастіи. Слѣдствіемъ моихъ размышленій было твердое намѣреніе уѣхать изъ Осбалдистонъ-Галля на другой день по утру, отправиться въ Гласговъ и отыскать тамъ Ойна. Я почелъ за лучшее увѣдомить дядюшку о своемъ отъѣздѣ, оставя благодарственное письмо за хорошій пріемъ и въ общихъ выраженіяхъ извиниться, что важное, непредвидѣнное дѣло помѣшало мнѣ от-

благодарить его лично. Я зналъ хорошо стараго Шевалье, зналъ, что онъ легко проститъ мнимое нарушеніе условій приличія, а коварныя намѣренія Ралейга такъ напугали меня, что я боялся гласно объявлять о своемъ отъѣздѣ, подозрѣвая, что у него есть тайныя средства помѣшать путешествію, коего цѣль была — разрушеніе его плановъ.

И такъ я твердо рѣшился уѣхать на другой день съ разсвѣтомъ, перейти за границу Шотландіи, прежде нежели узнаютъ о моемъ отъѣздѣ. Но одно неодолимое препятствіе замедляло мое путешествіе: мнѣ не былъ извѣстенъ кратчайшій путь въ Гласговъ; я даже совсѣмъ не зналъ дороги. Поспѣшность была для меня важна и потому я рѣшился совѣтоваться съ Андреемъ Ферсервичемъ: это былъ одинъ вѣрный способъ выдти изъ затрудненія.

Хотя было поздно, однако я принялся за важное дѣло и ту же минуту отправился къ садовнику. Домъ его, или лучше сказать хижина во вкусѣ Нортумберландской архитектуры, стояла недалеко отъ наружной стѣны сада. Окна и двери были украшены большими косяками и цѣльными карнизами изъ дикаго камня, а кровля была сдѣлана изъ тростника на мѣсто соломы или черепицы. Съ одной стороны быстро катилась прозрачная вода игриваго ручейка и вѣтьви древней груши осѣняли поверхность площадки передъ домомъ. Далѣе былъ виденъ огородъ, лугъ для коровы, и небольшое засѣянное поле. Однимъ словомъ, все показывало ı › довольство, то изобиліе, какимъ старушка Англія надѣляетъ своихъ жителей даже въ отдаленныхъ провинціяхъ.

Подходя къ дому осторожнаго Андрея, я слышалъ: кто-то говорилъ торжественнымъ голосомъ и поду-

малъ, что, слѣдуя похвальному обычаю своихъ согражданъ, онъ собралъ нѣсколько человѣкъ сосѣдей и совершалъ съ ними вечернюю молитву; ибо онъ жилъ одинъ и ни жены, ни дочери, ни сестры, словомъ: ни одной женщины не было дома. У моего отца, говорилъ онъ однажды, много было этой скотины; но за то Андрей часто собиралъ слушателей изъ Католиковъ и Протестантовъ и обыкновенно называлъ ихъ горящими головнями, коихъ онъ извлекалъ изъ пламени, обращая къ Пуританизму, на зло отцамъ Вогану и Дохартею и Священникамъ Англиканской церкви, кои мѣшаться въ духовныя дѣла почитали за ересь или за церковную контробанду. И такъ я полагалъ, что въ этотъ вечеръ онъ вѣрно сдѣлалъ подобное собраніе; но вслушавшись получше, я увѣрился, что весь шумъ исходилъ изъ легкихъ Андрея; и отворивъ дверь, я увидѣлъ, что онъ сидѣлъ одинъ, и, для своего

поученія, вслухъ читалъ богословскіе споры, бился и ломалъ голову надъ словами и не могъ ничего понять.

— Это вы, Г-нъ Франкъ, сказалъ онъ, откладывая къ сторонѣ огромный infolio; а я читалъ себѣ на досугѣ знаменитаго доктора Лейтъ-фута (1).

— Лейтъ-фута, отвѣчалъ я, посмотрѣвъ на толстую книгу; ну, не по автору имя.

— Впрочемъ, сударь, это его настоящее имя; ужъ такого богослова нынче не увидишь. Ахъ! извините, сударь, я все держу васъ у дверей; но прошлую ночь такъ меня измучилъ нечистой духъ, что я рѣшился до тѣхъ поръ не закрывать книги, пока не прочту всей вечерней службы и вотъ только теперь кончилъ пятую главу Неемiи. Ну если этаго мало и

---

(1) Легкая нога.

не удержитъ ихъ въ почтеніи, то я не знаю, что и дѣлать.

—Тебя мучилъ нечистой духъ, Андрей! что ты хочешь сказать?

— Что я бился съ нимъ цѣлую ночь; онъ желалъ, Господи прости! желалъ, чтобъ я вылѣзъ изъ кожи, и не хотѣлъ потрудиться ободрать меня какъ угря.

— Отложи на минуту твой разсказъ, Андрей; я хочу узнать, не можешь ли ты мнѣ показать кратчайшей дороги въ вашъ Шотландскій городъ Гласговъ.

— Знаю ли дорогу въ Гласговъ! Ну какъ мнѣ не знать? Она въ нѣсколькихъ миляхъ отъ моей деревни, отъ Дриндейлейскаго прихода, который подался не много къ западу. Но, Господи прости, для чего ваша честь ѣдетъ въ Гласговъ?

— За однимъ дѣломъ.

— Это значитъ: не спрашивай меня, я лгать тебѣ не стану. Въ Гласговъ!

Я думаю вы какъ нибудь наградите проводника.

— Разумѣется, если только найду его.

— Ну, вы возмете въ разсужденіе время и труды?

— Безъ сомнѣнія; если ты найдешь человѣка, которой захочетъ провожать меня, я щедро награжу его.

— Нынче Воскресенье, сказаль Андрей, возведя взоръ къ небу, и не время говорить о дѣлахъ житейскихъ; а то я бы спросилъ, что вы дадите удальцу, который будетъ вашимъ товарищемъ въ дорогѣ, который можетъ назвать поимянно всѣ замки на пути, можетъ разсказать всю родословную ихъ владѣтелей?

— Мнѣ нужно знать дорогу и я хорошо заплачу тому, кто ее укажетъ.

— И только, прервалъ Андрей; это ничего, и удалецъ, о коемъ я говорю, знаетъ всѣ тропинки, всѣ проходы въ горахъ, всѣ....

— Я тороплюсь, Андрей, мнѣ нельзя терять времени; сдѣлай съ нимъ условіе вмѣсто меня.

— А! хорошо. И такъ, я думаю, прости Господи! что этотъ удалецъ буду я самъ.

— Ты, Андрей? развѣ хочешь оставить свое мѣсто?

— Я вамъ сказалъ уже, Г-нъ Франкъ, что давно; съ того времени, какъ опредѣлился въ за̀мокъ, думаю какъ бы его оставить. Но теперь рано или поздно, я рѣшился.

— Но ты можешь потерять жалованье?

— Разумѣется, что безъ потери не обойдется. Но я продалъ яблоки, за кои деньги еще остаются у меня, не смотря на требованія Сиръ Гильдебранда, то есть: его управителя, — какъ будто это рудникъ золота; я еще получилъ нѣсколько денегъ на сапоги, и еще .... это составитъ нѣкотораго рода *вознагражденіе*. Къ

томужъ ваша честь не останетесь безъ вниманія къ моимъ потерямъ, когда мы будемъ въ Гласговѣ. Ваша честь когда намѣрены ѣхать?

— Завтра утромъ на разсвѣтѣ.

— Это не много поспѣшно! и гдѣ найду я клячу? Постойте.... Да, я знаю, гдѣ найти нужную мнѣ скотину.

— И такъ, Андрей, завтра въ пять часовъ я найду тебя въ концѣ аллеи.

— Ничего не опасайтесь, Г-нъ Франкъ: чтобъ чортъ меня побралъ, если я васъ обману! Но когда хотите слѣдовать моему совѣту, то лучше будетъ отправиться намъ двумя часами раньше. Ночью я также хорошо знаю всѣ дороги, какъ днемъ, и до самаго Гласгова дойду отсюда съ завязанными глазами, безъ ошибки и притомъ по кратчайшей дорогѣ.

Величайшее желаніе ѣхать заставило меня согласиться на предложеніе Андрея и мы условились быть на мѣ-

стѣ свиданія въ три часа завтрашняго утра.

Но одна мысль пришла въ голову моему будущему товарищу.

— А духи! вскричалъ онъ, духи! Ну если они вздумаютъ преслѣдовать насъ въ три часа утра! Мнѣ не весьма хочется, чтобъ они въ одни сутки навѣщали насъ по два раза.

— Небойся, сказалъ я, оставляя его, на землѣ есть довольно злыхъ духовъ, которые для пользы своей дѣлаютъ то, чего не сдѣлалибъ всѣ подчиненные дьявола!

Послѣ сего восклицанія, родившагося отъ такого положенія, въ коемъ я находился, я оставилъ хижину Андрея и возвратился въ замокъ.

Я сдѣлалъ немногія приготовленія къ моему путешествію: зарядилъ пистолеты и, не раздѣваясь, бросился въ постель, чтобъ нѣсколькими часами сна приготовиться къ трудностямъ и безпокойствамъ, кои должны были

сопровождать меня во время путешествія. Природа, истощенная волненіями, кои испыталъ я въ этотъ день, благопріятствовала мнѣ сверхъ ожиданій; я наслаждался глубокимъ сномъ и проснулся тогда, какъ на часахъ зàмка, стоявшихъ на башнѣ не далеко отъ моей комнаты, пробило два часа. Я не гасилъ свѣчи; поспѣшно вставъ, написалъ письмо къ моему дядѣ, въ намѣреніи оставить оное въ комнатѣ. Окончивъ это, я положилъ въ чемоданъ необходимое платье и бѣлье, оставя большую часть моего гардероба; безъ шуму сошелъ съ лѣстницы въ конюшню. Хотя и не былъ я такимъ искуснымъ конюхомъ, какъ каждый изъ моихъ братцевъ, но осѣдлалъ, взнуздалъ мою лошадь и отправился въ путь.

Въѣхавши въ аллею, которая вела къ воротамъ парка, я остановился на минуту, чтобъ еще разъ взглянуть на стѣны, заключавшія въ себѣ Діану

Вернонъ. Казалось, тайный голосъ говорилъ мнѣ, что я никогда ее не увижу. Не возможно было въ длинныхъ и неправильныхъ рядахъ готическихъ оконъ, освѣщенныхъ блѣднымъ свѣтомъ луны, узнать окна ея комнаты. — Она уже для меня потеряна, думалъ я, тщетно стараясь различать ихъ, потеряна прежде, нежели оставлю тѣ мѣста, гдѣ она живетъ! Какая остается мнѣ надежда? Имѣть съ нею нѣкоторыя сношенія во время нашей разлуки!

Я былъ погруженъ въ нѣкоторый родъ непріятной задумчивости, когда на башнѣ замка пробило три часа и привело мнѣ на память не весьма пріятную особу и свиданіе, къ коему мнѣ нужно было поспѣшать.

Достигнувъ конца аллеи, я примѣтилъ человѣка, сидящаго на лошади и скрывшагося подъ тѣнью стѣны парка. Я нѣсколько разъ кашлялъ, но ни кто не отвѣчалъ мнѣ; наконецъ

тихимъ голосомъ произнесъ имя Андрея и садовникъ отвѣчалъ мнѣ: Да, да, это Андрей.

— Ступай впередъ, сказалъ я, и молчи, если можно, пока мы переѣдемъ чрезъ деревню, лежащую въ долинѣ.

Андрей не заставилъ повторять этаго приказанія: онъ въ минуту поѣхалъ и притомъ весьма скоро, чего я совсѣмъ не желалъ; онъ съ такою точностію повиновался приказу хранить молчаніе, что не отвѣчалъ на мои вопросы о причинѣ его поспѣшности, которая была не только не нужна, но даже безразсудна при началѣ пути и могла утомить нашихъ лошадей. Мы не проѣзжали чрезъ деревню: онъ провелъ меня извивистыми тропинками и мы прибыли въ большую долину и наконецъ очутились посреди горъ, отдѣляющихъ Шотландію отъ Англіи, на пути, который называютъ *Среднимъ путемъ*. Дорога,

или лучше сказать дурная тропинка, по которой мы ѣхали, на каждомъ шагу пересѣкалась кустарниками и болотами. Но Андрей не уменьшилъ шагу и мы дѣлали отъ девяти до десяти миль въ часъ.

Я былъ удивленъ и вмѣстѣ не доволенъ упорствомъ моего чудака, но между тѣмъ должно было слѣдовать, или потерять проводника. Мы то сходили, то восходили по крутымъ тропинкамъ, и всякую минуту были въ опасности сломить себѣ шею; по временамъ ѣхали на краю пропастей, гдѣ одинъ невѣрный шагъ лошадей стоилъ бы вѣрной смерти. Луна помогала намъ иногда своимъ блѣднымъ свѣтомъ, но часто облако или гора погружали насъ въ глубокой мракъ; тогда терялъ я изъ виду моего проводника и мнѣ оставалось слѣдовать за стукомъ копытъ его лошади и за искрами, кои извлекала она изъ кремней своими подковами. Скорость пути

и забота о моей безопасности были достаточнымъ средствомъ для разсѣянія печальныхъ размышленій, кои начинали меня занимать. Я снова кричалъ Андрею ѣхать тише и не шутя разсердился, увидѣвъ, что онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на мои приказы и не отвѣчаетъ ни слова. Но гнѣвъ не послужилъ мнѣ ни къ чему. Два или три раза покушался съ нимъ соединиться и поласкать его спину рукоятью моего кнута; но потому ли, что лошадь его была лучше моей, или возбуждаема благороднымъ жаромъ, — она никакъ не позволяла намъ поравняться. Наконецъ, будучи не въ состояніи управлять своимъ гнѣвомъ, я закричалъ ему, что прибѣгну къ моимъ пистолетамъ и пошлю Андрею пулю, которая уменьшитъ его глупую поспѣшность. Онъ вѣроятно услышалъ сію угрозу и она, кажется, сдѣлала на него нѣкоторое впечатлѣніе, ибо онъ поѣхалъ тише,

и я соединился съ нимъ въ короткое время.

— Не къ чему такъ торопиться! сказалъ онъ съ величайшимъ хладнокровіемъ.

— За чѣмъ же ты скачешь такъ, дурачина?

— Я думалъ, что ваша честь спѣшитъ, сказалъ онъ съ живостію.

— Развѣ ты не слыхалъ, какъ я въ продолженіи двухъ часовъ кричалъ, чтобъ ты ѣхалъ тише? Ты пьянъ, или дуракъ?

— Это потому, видите ли, Г-нъ Франкъ, что я не много крѣпокъ на ухо; къ томужъ стукъ отъ копытъ нашихъ лошадей объ утесы, къ томужъ .... къ томужъ правда, что я выпилъ добрую порцію на дорогу; а такъ какъ нѣкому было пить за мое здаровье, то я взялъ это на себя; къ томужъ я не хотѣлъ оставить Папистамъ мою водку; видите ли, не любю ничего терять.

Все это могло быть правдою, но впрочемъ я не вѣрилъ ни одному слову. Такъ какъ мое положенie требовало того, чтобъ я поддерживалъ доброе расположенie между мною и моимъ проводникомъ, то довольствовался тѣмъ, что велѣлъ ему ѣхать подлѣ меня.

Ободренный моимъ кроткимъ голосомъ, Андрей поднялъ свой тонъ до актавы, слѣдуя своему обыкновенiю.

— Ваша честь, также какъ и никто въ мiрѣ, не увѣритъ меня, что благоразумно подвергаться ночьному воздуху, не подкрѣпивъ желудка стаканомъ вина, можжевеловой водки, или чѣмъ нибудь подобнымъ; я могу говорить объ этомъ; потому, что я, прости Господи! много разъ проѣзжалъ ночью чрезъ эти горы, имѣя по боченку водки съ каждой стороны моего сѣдла.

— Другими словами, ты промышлялъ контробандою. Не понимаю, какъ человѣкъ, съ такими строгими правилами, какъ ты, рѣшился нарушать законы?

— Бѣдная Шотландія со времени несчастнаго соединенія съ Англіею, довольно потерпѣла отъ этихъ мошенниковъ, сборщиковъ, которые налетѣли на нее, какъ туча саранчи; всякой доброй гражданинъ долженъ доставить ей нѣсколько капель чего нибудь для прохлажденія сердца.

Разспрашивая его, я узналъ, что онъ много разъ переѣзжалъ сіи горы, промышляя запрещеннымъ торгомъ, котораго не оставлялъ и во время пребыванія своего въ Осбалдистонъ Галлѣ. Это обстоятельство было для меня немаловажно; оно удостовѣрило меня, что Андрей можетъ быть хорошимъ проводникомъ.

Въ это время мы ѣхали не такъ скоро; но лошадь Андрея, или лучше

сказать самъ Андрей весьма желалъ ускорить шагъ и я не разъ принужденъ былъ умѣрять его пылкость. Взошло солнце и проводникъ мой часто оглядывался назадъ, какъ бы опасаясь преслѣдованія. Наконецъ мы достигли площадки одной высокой горы, на которую взбирались около получаса; съ вершины видна была вся часть страны, по коей предлежалъ намъ путь. Андрей остановился, посмотрѣлъ въ ту сторону, и не примѣчая ни одного живаго существа на поляхъ и дорогахъ, принялъ довольный видъ, началъ свистать и наконецъ запѣлъ пѣсню своего отечества, припѣвая:

„.... О милая Джеси!
Ты наконецъ въ моей отчизнѣ;
Твой кланъ тебя не узритъ никогда.“

Въ то же время онъ ласкалъ шею своей лошади; это привлекло мое вниманіе и я въ минуту узналъ любимую кобылу Торнклифа Осбалдистона.

— Что это значитъ, Андрей? сказалъ я, нахмуривъ брови; кобыла эта принадлежитъ Торнклифу.

— Не отпираюсь, что она нѣкогда ему принадлежала, но теперь она моя.

— Это воровство, бездѣльникъ!

— Воровство, избави Боже! Господинъ Франкъ; никто не имѣетъ права называть меня воромъ. — Вотъ, что это значитъ: Г. Торнклифъ занялъ у меня десять фунтовъ, чтобъ ѣхать на скачку въ Йоркъ и чортъ меня возьми, если ему приходило въ голову отдать мнѣ мои десять фунтовъ; напротивъ, когда я говорилъ ему объ этомъ, то онъ обѣщалъ перещитать мнѣ кости. Но теперь, надобно, чтобъ онъ отдалъ мнѣ все до послѣдней копѣйки, если хочетъ имѣть свою кобылу, безъ того не получитъ даже волоса съ ея хвоста. Я знаю одного тонкаго хитреца—прокурора въ Лугмебенѣ, заѣду къ нему и попрошу

устроить хорошенько это дѣло. Воровство! нѣтъ, нѣтъ! Никогда Андрей Ферсервичь не грѣлся у этаго огня. Я взялъ залогъ. Я взялъ самъ, вмѣсто того, чтобъ взять посредствомъ приказнаго, — вотъ вся разница. Это законъ — и я единственно изъ экономіи сберегъ издержки на правосудіе.

— Эта экономія будетъ тебѣ дороже стоить, нежели ты думаешь, если станешь продолжать расплачиваться собственными руками, безъ помощи власти законной.

— Та, та, та! мы теперь въ Шотландіи, гдѣ найдутся адвокаты, прокуроры и судьи также точьно для меня, какъ и для всѣхъ Англійскихъ Осбальдистоновъ. Двоюродный братъ въ третьемъ колѣнѣ тетки моей матери, есть двоюродный братъ жены Думфрійскаго Судьи, а онъ не допуститъ свою кровь до оскорбленія. Здѣсь законы для всѣхъ одинаковы,

не такъ какъ у васъ, гдѣ повелѣніе писаря Жобсона отправить васъ къ позорному столбу прежде, нежели вы узнаете за что. Но погодите не много, и въ Нортумберландѣ будетъ еще менѣе правосудія; потому-то я съ нимъ и распрощался.

Не имѣю нужды сказывать тебѣ, любезный Трешемъ, что правила Андрея совершенно не были согласны съ моими; я располагалъ выкупить кобылу по пріѣздѣ въ Гласговъ, и возвратить ее брату. Также я рѣшился писать къ моему дядѣ изъ перваго Шотландскаго города и увѣдомить его о томъ. Но я имѣлъ нужду въ Андреѣ и эта минута показалась мнѣ неблагопріятною ни для сообщенія ему моего намѣренія, ни для того, чтобъ упрекать его въ томъ поступкѣ, который онъ по невѣжеству своему почиталъ весьма естественнымъ. По этому-то я перемѣнилъ разговоръ, спросивъ Андрея:—Изъ чего заключаешъ

онъ, что скоро будетъ менѣе правосудія въ Нортумберландѣ?

— А! а! сказалъ онъ мнѣ, правосудія будетъ довольно, но оно будетъ на концѣ ружья. Ирландскіе Офицеры и всѣ скоты Паписты, которыхъ искали въ чужихъ земляхъ, не надѣясь найти довольно у насъ, развѣ не собрались во всемъ Графствѣ? Эта вороны слетаются, когда слышатъ падалище. Изъ видѣннаго мною увѣренъ, что Сиръ-Гильдебрандъ не будетъ сидѣть сложивши руки. Я видѣлъ, какъ привезли въ замокъ ружья, сабли, шпаги. Эти молодые Осбалдистоны сущіе бѣшеные дьяволы, прости Господи!

Сія слова привели мнѣ на память мои подозрѣнія, что Якобиты готовы сдѣлать какое нибудь отчаянное предпріятіе. Но не желая ни вывѣдывать, ни разбирать поступковъ моего дяди, я избѣгалъ случая узнать о томъ, что происходило въ замкѣ. Но Андрей вѣроятно не былъ одного со мною мнѣнія.

ГЛАВА XI.

Видите ли сію колокольню, коей смѣлая вершина возносится къ небесамъ? Тамъ, освободясь отъ заботъ сей жизни, покоятся сномъ вѣчнымъ любовникъ, воинъ, поэтъ....

Лангорнъ.

Въ Лугмабенѣ, первомъ городѣ Шотландіи, гдѣ мы остановились, мой проводникъ пошелъ отыскивать своего друга прокурора, чтобъ посовѣтоваться съ нимъ о способахъ для приобрѣтенія законнымъ порядкомъ кобылы Торнклифа, которая принадлежала ему только въ слѣдствіе того, что я назову ловкостію. Когда онъ возвратился, то я не безъ удовольствія узналъ по его длинному лицу и печальному виду,

что совѣщаніе его не увѣнчалось счастливымъ успѣхомъ, какого онъ ожидалъ. Съ совершеннымъ довѣріемъ къ Г. Тутону, который не одинъ разъ избавилъ его отъ опасностей контрабандскаго торга, онъ откровенно разсказалъ ему все дѣло. Но съ того времени, какъ онъ видѣлъ его въ последній разъ, Г. Тутонъ сдѣланъ былъ писцомъ мирнаго суда въ Графствѣ, и сказалъ ему, что не смотря на участіе, которое онъ принимаетъ въ старинномъ другѣ, Андреѣ Ферсервисъ, — долгъ и совѣсть требуютъ, чтобъ онъ донесъ правительству о такихъ дѣлахъ, когда онѣ доходятъ до его свѣденія; что онъ долженъ удержать кобылу и поставить ее въ конюшню судьи Трумбула до того времени, когда сомнѣнія объ оной разрѣшатся; что даже самаго Андрея должно бы остановить; но онъ не рѣшится такъ дурно поступить съ старинными знакомымъ. Потому-то позволяетъ

и даже совѣтуетъ ему уѣхать изъ города, какъ можно скорѣе. Онъ простеръ великодушіе свое до того, что подарилъ ему разбитую и одышливую лошадь для продолженія пути.

Не безъ труда узналъ я всѣ сіи подробности отъ Андрея, коего народная гордость оскорбилась до крайности, когда онъ принужденъ былъ признаться, что Шотландскія прокуроры подобны всѣмъ прокурорамъ въ мірѣ, и что писарь Тутонъ ничѣмъ не лучше писаря Тобсоца.

— Еслибъ это случилось со мною въ Англіи, то я въ половину бы менѣе сердился на покражу того, что я досталъ, подвергая опасности шею. Видано ли, чтобъ соколъ нападалъ на сокола? Не горестно ли видѣть, какъ честный Шотландецъ грабитъ своего земляка? Надобно, чтобъ все перемѣнилось въ здѣшней сторонѣ, и это началось, прости Господи! съ проклятаго соединенія.

Надобно замѣтить, что Андрей не упускалъ случая приписывать соединенію Англіи и Шотландіи всѣ худые качества своихъ единоземцовъ: особенно негодовалъ онъ на уменьшеніе пинты, на возвышеніе цѣны съѣстныхъ припасовъ и разныя другія постановленія, о коихъ онъ мнѣ сообщалъ во время нашего путешествія.

Чтожъ касается до меня, то такой оборотъ дѣла избавлялъ меня отъ всякой отвѣтственности касательно кобылы. Я довольствовался тѣмъ, что написалъ къ дядѣ, какимъ образомъ она была отъ него уведена, извѣщая, что теперь находится въ рукахъ правосудія и его достойныхъ представителей: судьи Трумбула и писаря Тутона, къ коимъ совѣтывалъ отнестись съ требованіями. Возвращена ли она охотнику лисицъ Нортумберландскихъ? или продолжала служить Шотландскому прокурору? Те-

перь не время объ этомъ безпокоиться.

Мы продолжали ѣхать на Сѣверо-Западъ, хотя не такъ скоро, какъ при началѣ нашего путешествія. Андрей очень хорошо зналъ дороги, но только такія, по коимъ ѣздятъ контробандисты, которые имѣютъ причины избирать не всегда кратчайшія и спокойныя. Цѣпи голыхъ и безплодныхъ горъ единобразно возвышались передъ нами. Наконецъ мы въѣхали въ плодоносную долину Клида и прибыли въ Гласговъ.

Сей городъ не былъ тогда такъ важенъ, какъ теперь. Обширная и безпрестанно возрастающая торговля съ Западною Индіею и Американскими колоніями, была основаніемъ его богатства и благосостоянія; если тщательно будутъ созидать на семъ крѣпкомъ основаніи, то онъ сдѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Великобританіи. Но въ то время, о коемъ

я говорю, заря его славы даже не занималась. При соединеніи хотя и открыло для Шотландіи торговлю Англійскую, но недостатокъ капиталовъ и зависть Англійскихъ негоціантовъ еще лишало Шотландцевъ тѣхъ выгодъ, которыя должны были произойти отъ преимуществъ, данныхъ имъ достопамятнымъ актомъ. Гласговъ, находящійся въ Западной части острова, не могъ принять участіе въ небольшой торговлѣ, которую производила восточная часть съ твердою землею, и которая была единственнымъ ея прибѣжищемъ.

Впрочемъ, хотя онъ тогда не обѣщалъ достигнуть до той коммерческой значительности, на которую онъ скоро будетъ имѣть все право, его центральное положеніе на западѣ Шотландіи дѣлало его однимъ изъ важнѣйшихъ мѣстъ сего Королевства.

Клидъ, притекающій не вдалекѣ отъ его стѣнъ, облегчалъ внутреннее су-

доходство, которое весьма ему полезно. Не только плодоносныя долины, лежавшія близь него, но даже графство Анрское и Думфрійское, почитали его своею столицею, отправляли туда свои произведенія и въ замѣну получали разные необходимые предметы.

Горы сѣверо-западной Шотландіи часто доставляли на рынки сего города рогатый скотъ, малорослый, дикій, пригоняемый столь же дикими горцами. Чужеземцы съ изумленіемъ смотрѣли на ихъ одежду древнюю и странную, дивились грубымъ и рѣзкимъ звукамъ языка для нихъ не понятнаго; горцы вооруженные пистолетами, саблями, ружьями и кинжалами, — даже и во время мирныхъ занятій торговли — съ изумленіемъ глядѣли на предметы роскоши, которыхъ не знали даже употребленія, и часто съ завистію на тѣ вещи, о коихъ имѣли понятіе. Горцы сѣверной

Шотландіи всегда съ удовольствіемъ оставляютъ свои пустыни; ихъ также трудно приучить къ другому мѣсту, какъ возрастить горную сосну на хорошей почвѣ. Впрочемъ всѣ долины были населены. Нѣкоторыя изъ ихъ колоній придвинулись къ Гласгову, гдѣ нашли себѣ занятія, хотя и различныя отъ тѣхъ, въ коихъ они упражнялись въ своихъ горахъ. Сіе присоединеніе трудолюбивыхъ рукъ, способствовало благосостоянію города, служило средствомъ къ поддержанію уже возраждавшихся въ немъ ремеслъ и было основаніемъ его будущей славы. Наружность города отвѣтствовала этому.

Главная улица города, широкая и прекрасная, была украшена публичными зданіями, коихъ архитектура нравилась глазамъ, хотя и не удовлетворяла требованіямъ вкуса; съ обѣихъ сторонъ возвышались каменные домы, украшенные съ наружи лѣпною рабо-

тою, придававшею имъ величественный видъ, котораго не имѣютъ большая часть городовъ Англійскихъ по причинѣ цвѣта и непрочности кирпича, употребляемаго для строеній, въ нихъ заключающихся.

Въ одно воскресное утро, я и мой проводникъ достигли Митрополіи западной Шотландіи. Всѣ колокола звонили, и народъ, наполнившій улицы и шедшій въ церковь, возвѣщалъ день, посвященный религіи. Мы сошли съ лошадей передъ трактиромъ, коего хозяйка, съ довольно пріятною физіогноміею, ласково насъ приняла. Первая мысль моя была сыскать Ойна немедленно; но я узналъ, что этаго невозможно сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не окончится божественная служба. Моя хозяйка увѣрила меня, что я никого не найду у Гг. Макквита, Манфинъ и компаніи, гдѣ, какъ извѣщало меня письмо твоего отца, Трешемъ, я могъ найти нѣкоторыя из

вѣстія, — сказала, что они набожные люди и находятся теперь въ томъ мѣстѣ, гдѣ всякой доброй Христіанинъ долженъ быть, т. е. въ церкви Баронства.

Андрей, недавно получившій къ законамъ своего отечества отвращеніе, которое впрочемъ не простиралось на обряды вѣры, спросилъ у нашей хозяйки имя проповѣдника, который будетъ раздавать духовную пищу вѣрующимъ, собравшимся въ церковь Баронства. Едва она произнесла его имя, какъ онъ возгласилъ ему похвальную пѣснь, а хозяйка почтительно къ каждому его слову прибавляла аминь. Я рѣшился отправиться въ сію церковь, болѣе въ надеждѣ узнать, пріѣхалъ ли Ойнъ въ Гласговъ, нежели слушать поученія Шотландскаго проповѣдника. Надежда моя увеличилась, когда хозяйка сказала мнѣ, что если Г. Ефремъ Макквитей находится въ живыхъ, то вѣрно теперь въ этой

церкви, и что если у него въ домѣ чужестранецъ, то безъ сомнѣнія онъ поведетъ его съ собою. Эта вѣроятность заставила меня рѣшиться и я отправился въ церковь Баронства, сопровождаемый вѣрнымъ Андреемъ.

Впрочемъ проводникъ былъ не нуженъ мнѣ въ этомъ случаѣ: толпа, спѣшившая по узкой крутой и дурно вымощенной улицѣ слушать славнаго во всей западной Шотландіи проповѣдника, увлекла бы меня съ собою. Пришедши на вершину горы, мы повернули въ лѣво и чрезъ большую дверь, коей обѣ половины были отворены, вошли въ огромное кладбище, окружающее Катедральную Гласговскую церковь. Сіе зданіе готической мрачной и тяжелой архитектуры, но имѣетъ величественный и почтенный видъ, столь хорошо согласованный съ ея назначеніемъ, что не льзя не удивляться, видя его въ первый разъ. Я такъ былъ пораженъ, что ос-

шановился на нѣсколько минушъ, не смотря на усилія Андрея, старавшагося понудить меня войти во внутренность храма, между тѣмъ какъ я разсматривалъ его наружность.

Не смотря на то, что зданіе сіе находится въ самой срединѣ многолюднаго города, оно кажется стоящимъ въ глубочайшемъ уединеніи. Съ одной стороны высокія стѣны отдѣляютъ оное отъ другихъ домовъ; съ другой лежатъ долины, въ глубинѣ коей течетъ незримый ручеекъ, котораго журчаніе придаетъ симъ мѣстамъ еще болѣе торжественности. Самое кладбище имѣетъ особенный характеръ; при всей величинѣ своей, оно не соотвѣтствуетъ множеству погребенныхъ, коихъ могилы почти всѣ покрыты надгробными камнями. Но необходимость сберегать землю была причиною, что здѣсь не видно было ни дерну, ни кустарниковъ, которые обык-

новенно украшаютъ тѣ мѣста, гдѣ злой перестаетъ вредить, а безвинно гонимый находитъ спокойствіе. Камни гробницъ такъ близки одинъ къ другому, что составляютъ нѣкоторый родъ помоста, хотя не имѣющаго другой крыши, кромѣ свода небеснаго, но впрочемъ, похожаго на старинныя наши церкви Англійскія, гдѣ камни гробницъ такъ многочисленны. Сіи печальные списки смертности, тщетныя сѣтованія на нихъ начертанныя, свидѣтельствующія ничтожность земнаго величія; большое пространство земли могильной, печальное единообразіе памятниковъ:— все это напомнило мнѣ книгу пророка, исписанную внутри и извнѣ, въ которой читали: сѣтованія, печали, горести.

Величество храма еще болѣе увеличиваетъ впечатлѣніе, произведенное окружающими предметами. Внутренность онаго не много груба; но замѣчая это, чув-

ствуешь въ то же время, что еслибъ архитектура его была легче и красивѣе, это не производило бы такого дѣйствія. Исключая церковь Кирквалійскую на островахъ Оркадскихъ, — изъ всѣхъ катердальныхъ церквей Шотландіи, эта одна избѣжала преобразованія. Андрей, съ гордостью увидѣвъ, какое впечатлѣніе произвело на меня сіе зданіе, отдалъ мнѣ слѣдующій отчетъ о томъ, какъ избѣжало оно разрушенія.

— Это превосходная церковь, сказалъ онъ мнѣ: въ ней не найдешь вашихъ безполезныхъ украшеній. Это строеніе крѣпкое, которое, если спасется отъ пушечнаго пороха и рукъ злобныхъ: то разрушится не прежде, какъ вмѣстѣ съ міромъ. Она подвергалась большой опасности во время преобразованія, когда разрушили церкви Пертскую и Св. Андрея, потому что за одинъ разъ хотѣли избавиться отъ всего, что отзывалось па-

низмомъ, идолопоклонствомъ. Жители Ренфрева, Горбаиса и всѣхъ окрестностей, соединились, чтобъ разрушить церковь, но обитателямъ Гласгова пришло на мысль, что такое множество докторовъ дастъ больному убійственное лѣкарство, и они сами предприняли излѣченіе. Къ счастію, достойный Яковъ Сабатъ былъ въ то время первымъ судьею Гласгова. Онъ самъ былъ хорошій архитекторъ и потому еще болѣе старался спасти церковь. Онъ приказалъ звонить въ колокола, собралъ гражданъ, велѣлъ имъ вооружиться, и сказать пришедшимъ, что Гласговъ не нуждается въ ихъ помощи для истребленія Папизма; пошелъ съ оружіемъ къ нимъ на встрѣчу и обратилъ въ бѣгство ихъ войско, вовсе не имѣвшее желанія сражаться. Это было не изъ любви къ папизму. Нѣтъ, нѣтъ! Умные люди говорили, что такъ должно было поступать во всей Шотландіи;

мы бы имѣли болѣе церквей, достойныхъ Христіанскаго имени. А теперь, прости Господи! псарня Осбалдистонъ Галля лучше многихъ домовъ Божіихъ въ Шотландіи.

Такъ говорилъ Андрей, входя со мною въ церковь.

Конецъ второй части.